Астрид Линдгрен

КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ

Карлссон, который живет на крыше (Пер. Л. Брауде и Н. Белякова)

Астрид Линдгрен

Аннотация
Астрид Линдгрен. Карлссон, который живет на крыше. Повести-сказки
КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ. Lindgren Astrid. Lillebror och Karlsson på taket. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1955
КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ
КАРЛССОН СТРОИТ БАШНЮ
КАРЛССОН СООБРАЖАЕТ ПАЛАТКУ
КАРЛССОН ДЕРЖИТ ПАРИ
КАРЛССОН ПРОКАЗНИЧАЕТ
КАРЛССОН ИГРАЕТ В ПРИВИДЕНИЕ
КАРЛССОН — ФОКУСНИК
КАРЛССОН ИДЕТ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ, ПРИЛЕТАЕТ ВНОВЬ. Lindgren Astrid. Karlsson på taket flyger igen. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1962
КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ, ПРИЛЕТАЕТ ВНОВЬ
ДОМА У КАРЛССОНА
КАРЛССОН РЕТИРУЕТ ФРЁКЕН БОКК

КАРЛССОН ПРИГЛАШАЕТ МАЛЫША НА ПИР И УГОЩАЕТ ЕГО БУЛОЧКАМИ

КАРЛССОН И ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ЯЩИК

КАРЛССОН МАСТЕРИТ ТЕЛЕФОН

МАЛЕНЬКОЕ ПРИВИДЕНИЕ ИЗ ВАСАСТАНА

КАРЛССОН — НЕ ПРИВИДЕНИЕ! ОН ВСЕГО-НАВСЕГО КАРЛССОН

ВОТ ГОРДАЯ ДЕВА ПО НЕБУ ЛЕТИТ...

КРАСИВЫЙ, ЧЕРТОВСКИ УМНЫЙ И В МЕРУ УПИТАННЫЙ...

КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ, ВОЗВРАЩАЕТСЯ ТАЙКОМ. Lindgren Astrid. Karlsson på taket smyger igen. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1968

КАЖДЫЙ ИМЕЕТ ПРАВО БЫТЬ КАРЛССОНОМ

КАРЛССОН ВСПОМИНАЕТ, ЧТО У НЕГО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

КАРЛССОН — ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

КАРЛССОН НОЧУЕТ У МАЛЫША

КАРЛССОН РЕТИРУЕТ ФРЁКЕН БОКК БУЛОЧКАМИ И ОЛАДЬЯМИ

КАРЛССОН — ЛУЧШИЙ В МИРЕ ИЗУЧАЛЬЩИК ХРАПОВ

КАРЛССОН ФИЛЮРИТ В ТЕМНОТЕ

КАРЛССОН ОТКРЫВАЕТ ДЯДЕ ЮЛИУСУ СКАЗОЧНЫЙ МИР

КАРЛССОН СТАНОВИТСЯ ПЕРВЫМ В МИРЕ БОГАЧОМ

Аннотация

Трилогия о Карлссоне, который живет на крыше, впервые опубликована на шведском языке: Lillebror och Karlsson på taket. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1955. Karlsson på taket flyger igen. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1962. Karlsson på taket smyger igen. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1968.

Трилогия впервые напечатана в переводе Л. Лунгиной на русском языке: Малыш и Карлсон, который живет на крыше. — М.: Детгиз, 1957; Карлсон, который живет на крыше, опять прилетел // Линдгрен А. Две повести о Малыше и Карлсоне. — М.: Детгиз, 1965. Карлсон, который живет на крыше, проказничает опять // Линдгрен А. Три повести о Малыше и Карлсоне. — М.: Детская литература, 1973.

Новые переводы трилогии на русский язык (Н. Беляковой и Л. Брауде) «Карлссон, который живет на крыше», «Карлссон, который живет на крыше, прилетает вновь», «Карлссон, который живет на крыше, возвращается тайком» впервые опубликованы в 4-м т. Собрания

сочинений Астрид Линдгрен. — СПб., изд-во АО «Атос» и «Библиотека „Звезды“», 1994. Переводы осуществлены по аналогичным шведским изданиям 1974-го, 1970-го, 1968 гг.

Л. Брауде

Астрид Линдгрен
Карлссон, который живет на крыше
Повести-сказки

КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ[1]

Lindgren Astrid. Lillebror och Karlsson på taket. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1955

[1] Примечания: 1
Перевод Н. Беляковой

КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ

На совершенно обыкновенной стокгольмской улице, в совершенно обыкновенном доме живет совершенно обыкновенная семья по фамилии Свантессон. Семья эта состоит из совершенно обыкновенного папы, совершенно обыкновенной мамы и троих совершенно обыкновенных детей: Буссе, Беттан и Малыша.

— Я вовсе не какой-то там обыкновенный Малыш, — говорит Малыш.

Но это неправда. Конечно, он самый обыкновенный. Ведь на свете так много семилетних голубоглазых курносых мальчишек с немытыми ушами и порванными на коленках штанами, так что Малыш, ясное дело, самый что ни на есть обыкновенный.

Буссе пятнадцать лет, он любит футбол и плохо учится, значит, он тоже совершенно обыкновенный. Беттан четырнадцать, и волосы у нее зачесаны в конский хвост, как у всех самых обыкновенных девчонок.

Во всем доме у них необыкновенный только

Карлссон, который живет на крыше. То, что он *живет* на крыше, уже само по себе необыкновенно. Не знаю, как в других городах мира, но в Стокгольме вряд ли кто-нибудь живет на крыше в отдельном маленьком домике. А вот Карлссон живет там. Это очень маленький, толстенький и уверенный в себе господин, и к тому же он умеет летать. В самолете или вертолете летать могут все, но никто, кроме Карлссона, не может летать сам по себе. Стоит ему нажать кнопку у себя на пупке, и — ж…ж…ж…ж!.. — на спине у него включается хитроумный моторчик. Несколько секунд Карлссон стоит на месте, покуда мотор раскручивает винт. Когда же мотор наберет нужную скорость, Карлссон поднимается и парит в воздухе так широко и важно, как какой-нибудь начальник бюро, если только можно представить себе начальника бюро с моторчиком и пропеллером на спине.

Карлссон чувствует себя прекрасно в своем маленьком домике на крыше. По вечерам он сидит на крыше, курит трубку и смотрит на звезды. С крыши звезды видны гораздо лучше, чем из окон квартир, и просто удивительно, почему люди не хотят жить на крыше. Но жильцы дома не знают, что можно жить на крыше, они даже не знают,

что там стоит домик Карлссона, потому что он надежно спрятан за большой трубой. Впрочем, большинство людей не заметят такой маленький домик, как у Карлссона, даже если споткнутся о него. Однажды трубочист, чистивший трубу, увидел домик Карлссона и ужасно удивился.

— Вот чудеса, — пробормотал он, — оказывается, здесь стоит маленький домик. Просто не верится, что здесь может быть такой домик. Интересно, откуда он взялся?

Но тут он принялся чистить трубу, позабыл про этот домик и никогда больше о нем не вспоминал.

Малыш был рад, что познакомился с Карлссоном, ведь как здорово, как интересно было каждый раз, когда Карлссон прилетал к нему. Может, и Карлссон был рад, что познакомился с Малышом, — не очень-то весело жить одному в домике, про который никто не знает. И конечно приятно, когда ты прилетаешь, а тебе кто-то кричит: «Хейсан-хоппсан, Карлссон! Привет, Карлссон!»

Потому что так было каждый раз, когда Карлссон встречался с Малышом.

…Это случилось в один из невезучих дней, когда быть Малышом вовсе не интересно. Вообще-то

быть Малышом ему обычно казалось довольно-таки приятно, он был любимчиком в семье, его вовсю баловали. Но выпадали такие дни, когда все шло шиворот-навыворот. Мама ругала его за то, что он опять порвал брюки, Беттан говорила ему: «Утри нос, детеныш!», а папа шумел из-за того, что он не пришел вовремя из школы.

— Долго ты будешь болтаться без дела по улицам? — сердился он.

Болтаться по улицам! Папа ведь не знал, что он встретил собаку. Добрую красивую собаку, которая обнюхала его, виляя хвостом, и вообще вела себя так, как будто хотела, чтобы он стал ее хозяином.

Если бы это зависело от Малыша, он сразу взял бы ее. Но папа и мама ни за что не разрешали держать в доме собаку. К тому же откуда-то вдруг вынырнула какая-то тетка и закричала: «Рикки, ко мне!», и Малыш понял, что не бывать ему хозяином этой собаки.

— Видно, у меня никогда в жизни не будет своей собаки, — с горечью сказал Малыш в тот невезучий день. — Вот у тебя, мама, есть папа. Буссе и Беттан все время ходят вместе, а у меня… у меня нет никого.

— Милый Малыш, — ответила мама, — у тебя

есть все мы.

— А вот и неправда, — с еще большей обидой сказал Малыш, и ему подумалось, что он один-одинешенек на свете.

Но кое-что у него все же было. У него была своя комната. Туда-то он и отправился.

Стоял ясный весенний вечер, и окно было открыто. Белые шторы медленно колыхались, словно махали маленьким бледным звездам на весеннем небе. Малыш подошел к окну и выглянул на улицу. Он думал о симпатичной собачке, о том, что она сейчас поделывает. Может, лежит в своей корзинке где-нибудь на кухне, а рядом с ней сидит мальчик, не Малыш, а совсем другой мальчишка, гладит ее лохматую голову и говорит: «Рикки, хорошая собачка».

Малыш тяжело вдохнул. И тут он услышал тихое жужжание. Жужжание становилось все громче, и вдруг, откуда ни возьмись, мимо окна медленно пролетел маленький толстый дяденька. Это был Карлссон, который живет на крыше, но Малыш этого еще не знал.

Карлссон внимательно посмотрел на Малыша и проплыл дальше. Он облетел крышу дома напротив, дал кругаля над трубой и вернулся к окошку Малыша. Прибавив скорости, он со сви-

стом, как реактивный самолет, промчался мимо. Так он носился взад-вперед, а Малыш сидел молча, чувствуя, как у него похолодело под ложечкой от волнения, — ведь не каждый день мимо твоего окна пролетают маленькие толстые дяденьки. Под конец Карлссон сбавил скорость и подлетел к самому подоконнику.

— Хейсан-хоппсан![2] Привет! Нельзя ли мне ненадолго приземлиться?

— Пожалуйста, приземляйтесь, — ответил Малыш. — А что, не трудно так летать? — добавил он.

— Лично мне легко, — важно ответил Карлссон, — для меня вовсе не трудно. Ведь я чемпион мира по художественному летанию. Но я не посоветовал бы какому-нибудь мешку с сеном подражать мне.

Малыш тут же почувствовал себя жутко неуклюжим и решил даже не пытаться осваивать летательное искусство Карлссона.

— Как тебя зовут? — спросил Карлссон.

— Малыш. Хотя на самом-то деле я Сванте Свантессон.

— Подумать только, — восхитился Карлссон, —

---

[2] Примечания: 2
Так звучит по-шведски приветствие Карлссона.

что можно зваться по-разному. А вот меня зовут Карлссон, только Карлссон, и больше никак. Привет, Малыш!

— Привет, Карлссон! — ответил Малыш.

— А сколько тебе лет?

— Семь, — сказал Малыш.

— Хорошо, продолжай в том же духе.

Карлссон быстро поставил свою маленькую толстую ножку на подоконник и очутился в комнате.

— А тебе сколько лет? — спросил Малыш, которому показалось, что Карлссон ведет себя как-то не по-взрослому.

— Сколько мне лет? — удивился Карлссон. — Могу только сказать, что я мужчина в цвете лет.

Малыш не знал точно, что значит быть мужчиной в цвете лет. Он подумал, что, может, он тоже мужчина в цвете лет, и осторожно спросил:

— А какие они, эти мужчины в цвете лет?

— Как я, — отвечал весело Карлссон. — Я красивый, чертовски умный и в меру упитанный мужчина в цвете лет.

Потом он взял с полки паровую машину Малыша.

— Давай-ка запустим ее, — предложил он.

— Мне папа не велит, — ответил Малыш, — я

могу ею играть только при папе или при Буссе.

— При папе, при Буссе или при Карлссоне, который живет на крыше. Так и скажи своему папе, что Карлссон, который живет на крыше, лучший в мире запускатель паровых машин.

Он мигом схватил бутылку с денатуратом, наполнил спиртовку и зажег ее. Хотя Карлссон был лучшим в мире запускателем, он ухитрился налить на полку целую лужицу этой горючей жидкости. Веселые синие язычки пламени заплясали вокруг паровой машины, как загоревшееся море. Малыш с криком бросился к полке.

— Без паники! — сказал Карлссон, предостерегающе подняв свою пухленькую ручку.

Но Малыш при виде огня не мог оставаться спокойным. Он схватил старую тряпку и давай гасить веселые язычки пламени. Там, где они плясали, на лакированной поверхности полки остались безобразные пятна.

— Ты только погляди на полку! — воскликнул огорченный Малыш. — Что теперь скажет мама?

— Пустяки, дело житейское, — ответил Карлссон. — Подумаешь, несколько каких-то пятнышек на книжной полке! Дело житейское, так и скажи маме.

Он встал на колени возле паровой машины,

и глаза у него засияли. Вскоре машина начала работать: «Чух-чух-чух!» — запыхтела она. Ах, это была отличная машина, лучше не придумать, и Карлссон выглядел таким счастливым и гордым, будто он сам смастерил ее.

— Я должен проверить предохранительный клапан, — заявил он и быстренько покрутил какой-то маленький винтик. — Если не проверишь этот клапан, может случиться авария.

«Чух-чух-чух, — пыхтела машина, теперь она пыхтела все быстрее, — чух-чух-чух!»

Казалось, вот-вот она помчится галопом. Глаза Карлссона блестели. Малыш позабыл про пятна на полке, он был ужасно доволен своей машиной и Карлссоном, лучшим в мире запускателем, который так хорошо проверил предохранительный клапан.

— Да-да, Малыш, — сказал Карлссон, — слышишь, как она раскочегарилась: «Чух-чух-чух!» Лучший в мире запус…

Не успел он договорить, как раздался страшный грохот, и от машины остались только обломки, разбросанные по всей комнате.

— Взорвалась! — с восторгом воскликнул Карлссон, словно машина, как клоун, выдала какой-то сногсшибательный номер. — Вот это

взрыв! Ничего себе грохнула!

Но Малыш вовсе не обрадовался. На глазах у него выступили слезы.

— Моя паровая машина! Сломалась!

— Пустяки, дело житейское, — сказал Карлссон и беззаботно махнул толстенькой ручонкой. — Ты скоро получишь новую машину!

— А где я ее возьму? — удивился Малыш.

— Да у меня их тысячи.

— Где это у тебя?

— В моем доме на крыше.

— У тебя есть дом на крыше? И там тысячи паровых машин?

— Во всяком случае, несколько сотен, — заявил Карлссон.

— Ах, как бы мне хотелось поглядеть на твой дом, — сказал Малыш.

Ведь в самом деле здорово, что на крыше есть маленький домик, в котором живет Карлссон.

— Подумать только, домик, в котором полно паровых машин! — воскликнул Малыш. — Несколько сотен!

— Да, правда, я не считал, сколько их там у меня, но наверняка несколько дюжин, — подтвердил Карлссон. — Время от времени они взрываются, но дюжина-другая — это уж точно осталась.

— Может, ты тогда подаришь мне одну?

— Ясное дело, подарю, — пообещал Карлссон, — обязательно подарю!

— Прямо сейчас? — спросил Малыш.

— Хм… сначала мне нужно просмотреть ее, проверить предохранительный клапан и тому подобное. Только без паники! Ты получишь ее в другой раз.

Малыш стал собирать обломки того, что раньше было паровой машиной.

— Не знаю, что скажет папа, — пробормотал он огорченно.

Карлссон удивленно поднял брови:

— О паровой машине? Дело житейское, стоит ли об этом горевать! Так и передай ему. Я бы и сам ему сказал, да мне некогда, не могу оставаться и ждать его. Мне пора домой, надо присмотреть за домом.

— Хорошо, что ты пришел ко мне, — сказал Малыш, — правда, моя паровая машина… Ты придешь еще когда-нибудь?

— Только без паники! — сказал Карлссон и нажал кнопку на животе. Мотор закашлял, и Карлссон подождал, когда он наберет стартовую скорость. Потом он поднялся в воздух и сделал несколько витков по комнате.

— Что-то мотор барахлит, — сказал он. — Надо лететь в мастерскую, пусть хорошенько его смажут. Я, конечно, мог бы и сам это сделать, ведь я лучший в мире моторист, да только времени у меня нет… Да, пожалуй, надо отправиться в мастерскую, чтобы лечь на генеральную смазку.

Малыш тоже решил, что это лучший выход.

Карлссон взял курс на раскрытое окно, и его маленькая пухленькая фигурка выглядела очень красиво на фоне усеянного звездами неба.

— Хейсан-хоппсан, привет, Малыш! — сказал он и помахал толстенькой ручкой.

И мигом исчез.

КАРЛССОН СТРОИТ БАШНЮ

— Ведь я *сказал*, что его зовут Карлссон и что он живет на крыше, — заявил Малыш. — Что в этом удивительного? Разве люди не могут жить где хотят?

— Не говори глупости, Малыш, — ответила мама. — Ты нас до смерти напугал. Неужели ты не понимаешь, что, когда взорвалась машина, тебя могло убить!

— Но ведь Карлссон лучший в мире запускатель, — не согласился Малыш и серьезно посмотрел на маму. Надо же было объяснить ей, что он никак не мог не дать лучшему в мире запускателю завести его паровую машину.

— Нужно самому отвечать за то, что натворил, а не сваливать вину на какого-то Карлссона, которого вовсе нет.

— А вот и есть! — обиделся Малыш.

— И летать он, конечно, тоже умеет, — насмешливо сказал Буссе.

— Да, представь себе, умеет, — ответил Малыш. — Надеюсь, он еще прилетит ко мне, и тогда ты сам увидишь.

— Пусть прилетит завтра. Если я увижу этого

Карлссона, который живет на крыше, получишь от меня крону, — сказала Беттан.

— Завтра он не прилетит, ему надо ложиться в мастерскую на генеральную смазку.

— Я вижу, тебе тоже не помешала бы хорошая смазка! — воскликнула мама. — Погляди-ка, что ты сделал с полкой!

— Карлссон говорит, что это дело житейское.

Малыш, подражая Карлссону, пренебрежительно махнул рукой, давая маме понять, что о таких пустяках, как полка, и говорить не стоит. Но на маму это не подействовало.

— Вот как? Это Карлссон говорит? Тогда передай ему, что если он еще раз сунет сюда нос, я задам ему такую смазку, что он век будет помнить.

Малыш ей ничего не ответил. Какой ужас, что мама говорит так о лучшем в мире запускателе! Но, видно, в этот невезучий день все они решили к нему придираться.

И Малышу ужасно захотелось увидеть Карлссона, веселого и добродушного Карлссона, который считает, что все неприятности — пустяки, дело житейское, из-за чего не стоит расстраиваться. Ужасно захотелось Малышу увидеть Карлссона. И тут же он испугался: подумать только, а вдруг Карлссон никогда больше не прилетит?

«Только без паники, — сказал Малыш про себя так же, как говорил Карлссон. — Ведь он обещал прилететь».

И Карлссон в самом деле оказался человеком, на которого можно положиться. Через несколько дней он появился. Малыш лежал в своей комнате на полу и читал, как вдруг послышалось знакомое жужжание и в окно, словно большущий шмель, влетел Карлссон. Облетая комнату, он напевал веселую песенку. Время от времени он останавливался, чтобы поглядеть на картины. Он наклонял голову набок и прищуривал глаза.

— Красивые картины! — говорил он. — Ну просто жуть, какие красивые! Правда, не такие красивые, как мои.

Малыш вскочил на ноги, сам не свой от радости. Он очень обрадовался Карлссону.

— А сколько у тебя картин? — спросил он.

— Много тысяч. Я их сам рисую в свободное время. Ну там, знаешь, петухов, птиц и тому подобную красоту. Я лучший в мире рисовальщик петухов, — заявил Карлссон и, сделав элегантно круг, приземлился рядом с Малышом.

— Надо же! — сказал Малыш. — Между прочим… можно мне поглядеть на твой дом, на твои паровые машины и картины?

— Конечно, можно, — ответил Карлссон. — Само собой разумеется! Добро пожаловать. Но только не сегодня.

— Поскорее бы, — попросил Малыш.

— Только без паники! Мне сначала нужно немного прибраться, но это не займет много времени. Угадай, кто самый быстрый в мире прибиральщик? — спросил Карлссон, лукаво прищурясь.

— Может быть, ты? — сказал Малыш.

— Может быть? Может быть! — возмутился Карлссон. — Самый быстрый в мире прибиральщик — это Карлссон, который живет на крыше. Это знает каждый.

И Малыш охотно поверил, что Карлссон лучший в мире, о чем ни спроси. И товарищ по играм он, поди, тоже лучший в мире. Конечно, с Кристером и Гуниллой тоже хорошо играть, но с Карлссоном куда интереснее. Малыш решил, что в следующий раз, когда они вместе пойдут из школы, он расскажет ребятам про Карлссона. Кристер вечно хвастался своей собачкой по кличке Йоффа, и Малыш давно завидовал ему.

Он решил, что если на следующий день Кристер притащится со своей псиной, он так и скажет ему: «Что стоит твоя Йоффа по сравнению с Карлссо-

ном, который живет на крыше!»

И все же Малышу больше всего на свете хотелось иметь свою собственную собаку. Но Карлссон прервал его мысли:

— Знаешь, мне что-то хочется немножко позабавиться. У тебя нет еще одной паровой машины?

Малыш покачал головой. Паровой машины? Ах да, он кое-что вспомнил. Сейчас папа с мамой дома, пусть они увидят, что Карлссон есть на самом деле. И Буссе с Беттан тоже, если они дома.

— Ты не хочешь поздороваться с моими папой и мамой? — спросил Малыш.

— Очень хочу. Им будет приятно познакомиться со мной, таким чертовски умным и красивым.

Карлссон прошелся взад-вперед по комнате, очень довольный собой.

— И в меру упитанным, — добавил он. — С мужчиной в цвете лет. Твоя мама будет в восторге.

В этот момент Малыш почувствовал слабый запах жареных фрикаделек, доносившийся из кухни. Он понял, что наступило время ужинать. Мешать маме, когда она жарит фрикадельки, никак нельзя. И к тому же вполне возможно, что мама и папа начнут выговаривать Карлссону за паровую машину и пятна на книжной полке. Нет, этого допустить нельзя. Никак нельзя. Лучше

познакомить папу и маму с Карлссоном после ужина. А за ужином он придумает что-нибудь хитрое, чтобы научить своих родителей, как надо вести себя с лучшим в мире запускателем. Нужно только хорошенько подумать. А после ужина будет самое подходящее время. Он позовет всю семью в свою комнату. «Знакомьтесь, пожалуйста, — скажет он, — это Карлссон, который живет на крыше». Вот они удивятся! Забавно будет поглядеть, как они разинут рты!

Карлссон перестал шагать по комнате. Он остановился и стал принюхиваться, как охотничий пес.

— Фрикадельки! — воскликнул он. — Ах, как я обожаю маленькие вкусные фрикадельки!

Малыш немного смутился. Ведь на эти слова надо бы ответить: «Не хочешь ли остаться поужинать со мной?» Но он не смел ни с того ни с сего взять и привести Карлссона к столу. Другое дело, если бы это были Кристер с Гуниллой. Тогда бы он мог даже в последнюю минуту, когда вся семья уже сидела бы за столом, спросить: «Мамочка, а ты не дашь Кристеру и Гунилле тоже немного гороха и оладий?»

Но привести на ужин совсем незнакомого толстого дяденьку, который сломал паровую

машину и испортил книжную полку, — нет, это было никак невозможно.

А с другой стороны, этот маленький толстяк только что сказал, что он обожает вкусные фрикадельки. Значит, придется раздобыть для него эти фрикадельки, а не то он больше не захочет водиться с ним. Теперь все зависело от маминых фрикаделек!

— Подожди здесь немножко, — сказал Малыш, — я схожу в кухню и принесу тебе фрикаделек.

Карлссон радостно кивнул.

— Отлично! — сказал он. — Отлично! Да поскорее! От того, что глядишь на картины, сыт не будешь, тем более что ничего съестного, ни петухов, ни прочей живности, на них не нарисовано!

Малыш помчался на кухню. Там у плиты стояла мама в клетчатом переднике, замечательно пахло жареными фрикадельками. Она потряхивала стоявшую на газовой плите большую сковороду, на которой шипели, подпрыгивая, маленькие поджаристые фрикадельки.

— Привет, Малыш, — сказала мама. — Сейчас будем ужинать.

— Милая мамочка, — ласково попросил Малыш, — можно я положу на чайное блюдечко

несколько фрикаделек и возьму к себе в комнату?

— Но, дорогой мой, мы через минуту будем ужинать.

— Ну пожалуйста! После ужина я скажу тебе, для чего мне это надо.

— Хорошо, возьми несколько штук!

Он положил на маленькую тарелочку шесть фрикаделек. Ах, до чего же вкусно пахли эти маленькие поджаристые аппетитные фрикадельки! Держа тарелку осторожно, обеими руками, Малыш поспешил в свою комнату.

— Несу, Карлссон, — крикнул он, отворяя дверь. Но Карлссон исчез. Малыш стоял с фрикадельками — Карлссона не было. Малыш ужасно расстроился, ему сразу стало как-то скучно.

— Он улетел, — сказал Малыш вслух.

Но тут…

— Пи-и… — вдруг раздалось. — Пи-и!..

Малыш огляделся. На своей кровати, под одеялом, он увидел какой-то круглый шевелящийся ком. Оттуда и слышался писк. И через секунду из-под простыни высунулось красное лицо Карлссона.

— Хи-хи! — засмеялся тот. — «Он улетел!» — говоришь. «Он улетел!» Хи-хи! А я вовсе и не улетел,

а просто обманул тебя!

И тут он увидел фрикадельки. В один миг он нажал кнопку на животе, мотор зажужжал, Карлссон плавно взлетел с кровати и оказался возле тарелочки. Он схватил на ходу фрикадельку, поднялся под потолок и облетел лампу, смакуя фрикадельку.

— Вкуснятина! — сказал он. — Не фрикаделька, а объедение! Можно подумать, что ее приготовил лучший в мире фрикадельный мастер, но это, ясное дело, вовсе не так.

И он спикировал к тарелке, чтобы схватить еще одну фрикадельку.

Тут мама крикнула с кухни:

— Малыш, пора ужинать! Мой скорее руки и садись за стол!

— Я должен опять ненадолго уйти, — сказал Малыш и поставил тарелочку. — Я скоро приду, обещай, что дождешься меня!

— Ладно. А что я буду делать в это время? — спросил Карлссон и приземлился рядом с Малышом. — Я же должен чем-нибудь поразвлечься. У тебя в самом деле нет больше паровых машин?

— Нет, но ты можешь пока поиграть с моим конструктором.

— Давай его сюда!

Малыш достал коробочку с конструктором из шкафа, где у него лежали игрушки. Это был замечательный конструктор с массой деталей, которые можно было привинчивать друг к другу и мастерить из них все, что угодно.

— Вот, возьми, — сказал он, — можешь строить автомобили, подъемные краны, все, что хочешь.

— По-твоему, лучший в мире строитель не знает, что можно строить, а что нельзя? — возмутился Карлссон.

Он быстро запихал в рот еще одну фрикадельку и бросился к коробке с конструктором.

— Сейчас посмотрим, сейчас посмотрим, — пробормотал он и высыпал все детали из коробки на пол.

Малышу пришлось идти ужинать, хотя ему очень хотелось остаться и посмотреть, как лучший в мире строитель примется за работу.

Подойдя к двери, он обернулся и увидел, что Карлссон сидит на полу и с довольным видом напевает:

— Ура, какой я молодец… ура, какой я умница… и в меру, в меру упитанный… ням-ням!..

Последнее слово он пропел, проглотив четвертую фрикадельку.

Мама, папа, Буссе и Беттан уже сидели за обе-

денным столом. Малыш плюхнулся на свое место и положил на колени салфетку.

— Мама, обещай мне кое-что, и ты, папа, — сказал он.

— А что обещать?

— Пообещайте сначала.

Папа не хотел обещать ничего заранее:

— Кто тебя знает, может, ты опять попросишь собаку.

— Нет, дело тут вовсе не в собаке, — успокоил его Малыш, — хотя, если хочешь, можешь и ее обещать. Только я прошу совсем о другом, это вовсе не опасное. Обещайте, что вы пообещаете!

— Ладно, — согласилась мама, — обещаем.

— Ну вот, вы пообещали ничего не говорить Карлссону, который живет на крыше, про паровую машину, — радостно сказал Малыш.

— Ха! — засмеялась Беттан. — Как это они могут сказать что-нибудь Карлссону, которого нигде не увидят?

— Они его *обязательно* увидят! — торжествующе заявил Малыш. — После ужина. Он у меня в комнате.

— Надо же, я чуть не подавился фрикаделькой, — сказал Буссе. — Карлссон у тебя в комнате?

— Да, вот представь себе, у меня!

Малыш просто ликовал. Ах, только бы они ели поскорее, тогда увидят…

Мама улыбнулась.

— Нам в самом деле будет приятно познакомиться с Карлссоном, — сказала она.

— Да, Карлссон тоже это сказал, — заверил Малыш.

Наконец они допили компот. Мама встала из-за стола. Настала ответственная минута.

— Пошли! Все-все! — приказал Малыш.

— Можешь нас не просить, — ответила Беттан. — Мне и без того не терпится поскорее увидеть этого Карлссона.

Малыш шел впереди.

— Не забывайте, что вы обещали! — сказал он, прежде чем открыть дверь в свою комнату. — Ни слова про паровую машину!

Потом он нажал на дверную ручку и распахнул дверь.

Карлссона в комнате не было. Он исчез. И на кровати Малыша никто не прятался под одеялом.

Зато посреди комнаты над кучей кубиков поднималась башня. Высоченная и узкая-преузкая. Ясное дело, Карлссон умел строить и подъем-

ные краны, и все, что угодно. Но на этот раз он удовольствовался тем, что поставил детали конструктора одну на другую, — вот и получилась этакая высоченная башня. А на вершине башни вместо купола лежала… маленькая кругленькая фрикаделька.

КАРЛССОН СООБРАЖАЕТ ПАЛАТКУ

Малышу пришлось пережить неприятные минуты. Маме не понравилось, что ее фрикадельки используют вместо украшения. И она, конечно, решила, что это Малыш так хитроумно украсил башню.

— Карлссон, который живет на крыше… — начал было Малыш, но папа строго сказал:

— Прекрати эти выдумки про Карлссона! Слышишь, Малыш?

А Буссе и Беттан хохотали до упаду.

— Ну и Карлссон! — воскликнул Буссе. — Только мы собрались с ним поздороваться, а он взял и смылся!

Малыш посмотрел печально на фрикадельку и стал укладывать детали конструктора на место. Сейчас было бесполезно говорить о Карлссоне. Но как скучно стало без него, как скучно!

— Пошли пить кофе, наплевать на Карлссона, — сказал папа и в утешение потрепал Малыша по щеке.

Они, как всегда, пили кофе в гостиной у камина, хотя весенний вечер был теплый и светлый и под окнами на липах уже распустились маленькие

зеленые листочки. Малыш не любил кофе, но ему нравилось сидеть с мамой, папой, Буссе и Беттан у камина.

— Мама, зажмурь-ка глаза, — попросил Малыш, когда мама поставила поднос с кофе на маленький столик возле камина.

— А зачем мне их жмурить?

— Потому что ты говорила, будто видеть не можешь, как я ем сахар, а сейчас я хочу взять кусочек.

Ведь ему нужно было хоть чем-нибудь утешиться. Почему Карлссон улетел? Нехорошо так поступать, взять и исчезнуть, оставив одну маленькую фрикадельку.

Малыш уселся на свое любимое место поближе к огню. Сидеть за кофейным столом после ужина, пожалуй, самое приятное дело за весь день. Можно поговорить с папой и мамой, и они тебя слушают, а ведь в другое время им некогда. Интересно было послушать, как Буссе и Беттан поддразнивают друг друга, как они болтают про «зубрильню». Видно, «зубрильня» была куда лучше начальной школы, в которой учился Малыш. Ему тоже хотелось рассказать про свою «зубрильню», но, кроме мамы и папы, никому не было интересно, что они там делают. Буссе и Беттан

только смеялись над ним, а Малыш старался не давать им повода высмеивать его, потому что они смеялись очень ехидно. Между прочим, дразнить себя он не очень-то им позволял, он сам умел задираться. С таким братом, как Буссе, и с такой сестрой, как Беттан, научишься давать сдачи.

— А скажи, Малыш, как ты сегодня отвечал на уроках?

Вот этих разговоров Малыш терпеть не мог. Но раз мама только что позволила ему взять сахар, пришлось смириться и отвечать.

— Нормально отвечал, — мрачно сказал он.

Он все время думал о Карлссоне. И зачем привязываться к нему с разговорами, когда он не знает, куда подевался Карлссон!

— А что вы сегодня проходили? — спросил папа.

Малышу эти вопросы сильно надоели. Долго они еще будут приставать к нему? Для того они, что ли, так хорошо устроились у камина, чтобы болтать про уроки?

— Мы проходили алфавит, — быстро сказал он, — и я знаю его наизусть. Сначала идет «а», а потом все остальные буквы!

Он взял еще кусочек сахара и опять подумал о Карлссоне. Сколько бы они ни болтали, сколько

бы ни зудели у него над ухом, он думал только о Карлссоне, о том, что, может быть, больше его не увидит.

От этих мыслей его отвлекла Беттан:

— Малыш, ты что, не слышишь, что ли? Хочешь заработать двадцать пять эре?

Малыш не сразу сообразил, что она говорит. Ясное дело, он был не против заработать двадцать пять эре, но смотря что она от него хочет.

— Двадцать пять эре — слишком мало, — твердо ответил он. — Нынче все дорого. Ну скажи, например, сколько стоит пятидесятиэровое мороженое?

— Попробую угадать, — сказала Беттан, хитро улыбаясь, — может быть, пятьдесят эре?

— Да, вот видишь, сама должна понимать, что двадцать пять эре — слишком мало.

— Ты ведь даже не знаешь, о чем идет речь, — возмутилась Беттан, — тебе и делать-то ничего не придется. Наоборот, кое-что тебе не надо будет делать.

— А что мне не надо будет делать?

— Появляться сегодня вечером в гостиной.

— Придет Пелле, — сказал Буссе, — ее новый парень!

Малыш кивнул. Ловко придумано. Мама с

папой пойдут в кино, Буссе отправится на футбольный матч, Беттан будет ворковать здесь в гостиной, а его запрячут в комнату за двадцать пять эре. Ничего себе семейка!

— А какие у него уши? — спросил Малыш. — Он такой же лопоухий, как твой прежний парень?

Он знал, как разозлить Беттан.

— Ты слышала, мама? Теперь ты понимаешь, почему я хотела, чтобы он не путался под ногами? Он спугнет любого, кто ко мне придет.

— Ну, не преувеличивай, — миролюбиво сказала мама. Она не хотела, чтобы дети ссорились.

— Я не преувеличиваю, — настаивала Беттан. — Скажешь, не он спугнул Класа? Пялил, пялил на него глаза и выложил: «Такие уши Беттан не нравятся». Сама понимаешь, после этого Клас к нам больше не приходил.

— Только без паники, — сказал Малыш точно таким же тоном, как Карлссон, — только без паники! Я буду сидеть в своей комнате бесплатно. Я не беру денег за то, что люди не увидят меня.

— Порядок! Обещай, что не покажешься ни разу за весь вечер!

— Больно надо! Видал я твоих Пеллей! Я бы сам дал двадцать пять эре, чтоб их не видеть!

Чуть погодя Малыш и в самом деле заперся в

своей комнате совершенно бесплатно. Мама с папой ушли в кино, Буссе исчез. И если бы Малыш отворил дверь, он услышал бы в гостиной тихое бормотанье. Это Беттан сидела там и болтала со своим Пелле. Малыш несколько раз отворял дверь, чтобы послушать, о чем они говорят, но ничего не разобрал. Тогда он встал у окна и уставился в темноту. Он поглядел вниз на улицу, не гуляют ли Кристер и Гунилла. Но там только несколько больших мальчишек затеяли драку. Это было довольно интересно, и он повеселел, глядя, как они дерутся. К несчастью, им скоро надоело драться, и Малыш снова заскучал.

Но тут вдруг послышались сладчайшие звуки: жужжание моторчика. И секунду спустя в окно впорхнул Карлссон.

— Хейсан-хоппсан, Малыш! — воскликнул он.

— Привет, привет! — ответил Малыш. — Куда ты подевался?

— Я? Это ты о чем?

— Да ведь ты исчез. Вместо того чтобы поздороваться с мамой и папой. Почему ты смылся?

Карлссон подбоченился с сердитым видом.

— Нет, вы слышали что-нибудь подобное? Человеку нельзя даже присмотреть за своим домом! Должен хозяин присматривать за своим домом

или нет? Разве я виноват, что твои мама с папой захотели поприветствовать меня, как раз когда мне надо было присмотреть за своим домом!

Он оглядел комнату.

— Кстати, о доме, — сказал он, — кто разрушил мою башню и куда подевалась моя фрикаделька?

— Я… не знал… что ты… вернешься, — испуганно промямлил Малыш.

— Так-так, дело ясное, — сказал Карлссон. — Лучший в мире строитель строит башню, и что же потом с ней происходит? Строит кто-нибудь вокруг нее ограду и следит за тем, чтобы она стояла века? Ничуть не бывало. Ее ломают, уничтожают и к тому же съедают чужие фрикадельки!

Карлссон сел на маленькую скамеечку и насупился.

— Пустяки, дело житейское, — ответил Малыш и, как Карлссон, махнул рукой — мол, стоит ли на это обращать внимание!

— Ишь ты, — с досадой возразил Карлссон, — легко сначала все сломать, а после сказать, что это, мол, дело житейское, как будто так и надо. А я-то построил башню вот этими бедными маленькими руками!

Он сунул свои маленькие пухленькие ручки прямо под нос Малышу. Потом снова сел на ска-

меечку и насупился еще сильнее.

— Раз такое дело, я с тобой больше не играю, — добавил он. — Не играю больше с тобой.

Малыш был в отчаянии. Он стоял и не знал, что делать. Оба они долго молчали. В конце концов Карлссон сказал:

— Если бы я получил какой-нибудь подарочек, может, тогда бы снова повеселел. Не знаю точно, но, может быть, повеселел бы.

Малыш подбежал к столу и стал рыться в ящике. Там у него хранились разные сокровища: марки, каменные шарики, цветные мелки и оловянные солдатики. Там же лежал маленький карманный фонарик, которым он очень дорожил.

— Хочешь, я тебе его подарю? — спросил Малыш, протягивая Карлссону фонарик.

Карлссон мигом схватил его.

— Да, как раз что-нибудь в этом роде годится, чтобы поднять мне настроение. Его, конечно, не сравнить с моей башней, но, если ты мне его подаришь, я все же попробую немножко повеселеть.

— Подарю. Бери его! — сказал Малыш.

— А он зажигается? — с подозрением спросил Карлссон и нажал на кнопку.

Фонарик зажегся, и глаза Карлссона тоже зажглись.

— Подумать только, осенними вечерами на крыше темно, а я возьму и зажгу фонарик и не заблужусь среди труб, а сразу найду дорогу домой, — сказал он и ласково похлопал фонарик.

Эти слова очень обрадовали Малыша. Ах, как ему хотелось, чтобы Карлссон взял его когда-нибудь с собой на прогулку по крыше, хотелось поглядеть, как тот будет светить фонариком в темноте.

— Хейсан-хоппсан, Малыш, вот я и повеселел! — заявил Карлссон. — Веди сюда своих маму с папой, так и быть, пусть знакомятся со мной.

— Они ушли в кино.

— Ушли в кино! В то время, когда могли познакомиться со *мной!* — удивился Карлссон.

— Да, дома только Беттан… и ее новый парень. Они сидят в гостиной, а мне туда нельзя.

— Что я слышу! — закричал Карлссон. — Тебе нельзя идти куда вздумается? Да мы ни одной минуты не потерпим такого! Ну-ка иди сюда…

— Но ведь я обещал, — возразил Малыш.

— А я обещаю, что не потерплю никакой несправедливости. С несправедливостью я расправляюсь вмиг, налетаю на нее как ястреб, — сказал Карлссон.

Он подошел к Малышу и похлопал его по пле-

чу:

— Скажи, что ты ей *точно* обещал?

— Обещал не показываться в гостиной весь вечер.

— Тогда ты и не покажешься. Но ведь тебе охота поглядеть на нового парня Беттан?

— Сказать по правде, охота! — воскликнул Малыш. — Раньше приходил лопоухий. Интересно, какие уши у этого новенького!

— И мне тоже интересно. Погоди-ка, сейчас я что-нибудь соображу, — пообещал Карлссон. — Лучший в мире соображатель — это Карлссон, который живет на крыше.

Он оглядел комнату.

— Нашел! — обрадовался он. — Одеяло — вот что нам нужно. Я же знал — обязательно соображу что-нибудь.

— И что ты сообразил?

— Ты обещал не показываться в гостиной весь вечер, не правда ли? А если ты накроешься одеялом, значит, не покажешься.

— Да, но ведь я… — начал было Малыш.

— Никаких «да, но…»! — решительно сказал Карлссон. — Если ты пойдешь под одеялом, значит, не покажешься. И если я пойду под одеялом, значит, тоже не покажусь, ей же будет хуже, этой

Беттан. Бедняжка! Сама виновата, глупышка, что не увидит меня!

Он содрал одеяло с кровати Малыша и накрылся им.

— Иди сюда! Залезай скорее в мою палатку!

Малыш тоже забрался под одеяло, и Карлссон радостно захихикал.

— Ведь Беттан, поди, не говорила, что она не хочет видеть палатку в гостиной? Любой обрадуется при виде палатки. Особенно такой, в которой горит свет, — добавил он и зажег фонарик.

Малыш не был уверен, что Беттан обрадуется палатке, но зато как здорово, как таинственно было в этой палатке с зажженным фонариком. Он сказал, что можно наплевать на Беттан и играть в палатку у него в комнате, но Карлссон не согласился.

— Не терплю несправедливости, — заявил он. — Я пойду в гостиную, чего бы это ни стоило!

И вот палатка направилась к двери. Малышу оставалось только поспевать за Карлссоном. Маленькая пухленькая ручонка высунулась из-под одеяла, ухватила дверную ручку, осторожно нажала ее и тихонечко отворила дверь. Палатка вошла в прихожую, которую от гостиной отделяла лишь толстая портьера.

— Только без паники! — шепнул Карлссон.

И палатка неслышно побрела по прихожей, потом остановилась у портьеры. Теперь бормотание слышалось отчетливее, но все равно как следует разобрать слова было нельзя. Лампа в гостиной была погашена, видно, Беттан и ее Пелле хватало тусклого вечернего света, проникающего с улицы.

— Отлично, — шепнул Карлссон, — так мой фонарик будет светить ярче.

Но в этот момент фонарик у него был погашен.

— Мы сделаем им приятный сюрприз, — прошептал Карлссон и ухмыльнулся под одеялом.

Медленно-медленно выползла палатка из-под портьеры. Беттан и Пелле сидели на диванчике у противоположной стены. Палатка медленно-медленно направилась к ним.

— Ты мне нравишься, Беттан, — послышался хрипловатый мальчишеский голос.

Ну и чокнутый этот Пелле!

— Правда? — спросила Беттан, и они снова замолчали.

Темная груда ползла по полу медленно, но решительно и неуклонно держала курс на диванчик, все приближаясь и приближаясь к нему. Вот уже осталось всего несколько шагов, а эти двое

на диванчике ничего не слышали и не видели.

— А я тебе нравлюсь? — застенчиво спросил Пелле.

Ответа он не услышал, потому что в этот момент резкий свет фонарика прорезал серые тени гостиной и ослепил его. Пелле вскочил, Беттан закричала. Потом раздалось хихиканье, быстрый топот ног, кто-то мчался в сторону прихожей. Нельзя ничего разглядеть, когда тебе в лицо светит фонарик. Но услышать можно. Беттан и Пелле услышали чей-то заливистый, восторженный хохот за портьерой.

— Это мой противный братишка! — воскликнула Беттан. — Ну, сейчас он у меня получит…

Малыш хохотал вовсю:

— Ясное дело, ты ей нравишься. Почему бы и нет? Ей нравятся все мальчишки, понятно?

Потом послышался какой-то грохот. И снова хихиканье.

— Только без паники! — прошептал Карлссон, когда мчавшаяся палатка грохнулась об пол.

Малыш старался сохранять спокойствие, хотя смех так и клокотал у него в горле, а Карлссон повалился на него и нельзя было разобраться, где чьи ноги. Вдобавок Беттан вот-вот должна была их настигнуть.

Вскочив на ноги, они в панике бросились в комнату Малыша — Беттан была уже близко…

— Только без паники, — прошептал запыхавшийся Карлссон, его толстенькие ножки стучали по полу, как барабанные палочки. — Карлссон, который живет на крыше, лучший в мире бегальщик!

Малыш тоже не отставал от него. Хочешь не хочешь, надо было торопиться. В последний момент их спасла дверь. Карлссон быстро повернул ключ. Довольные, радостно хихикая, они замерли, а Беттан, стоя в прихожей, молотила в дверь кулаками.

— Ну погоди, Малыш, доберусь я до тебя! — злобно вопила она.

— Но ведь я так и не показался! — крикнул Малыш.

И за дверью снова послышалось хихиканье. Хихикали *двое*. Беттан могла бы это услышать, если бы поменьше злилась.

КАРЛССОН ДЕРЖИТ ПАРИ

Однажды Малыш пришел из школы мрачный, на лбу у него красовалась здоровенная шишка. Мама была в это время в кухне. Как и ожидал Малыш, шишка привела ее в ужас.

— Что случилось, мой мальчик? — спросила она, обнимая его.

— Кристер швырнул в меня камень.

— Подумать только, какой противный мальчишка! Почему же ты сразу не пришел сказать мне об этом?

Малыш пожал плечами:

— А что толку-то? Ты ведь не умеешь бросать камни. Ты даже не сможешь и в стенку сарая попасть.

— Ах ты, глупыш! — воскликнула мама. — Неужели ты думаешь, что я стала бы кидать в него камни!

— А что же ты стала бы в него кидать? Удобнее всего кидаться камнями.

Мама вздохнула. Видно, не только Кристер не прочь был подраться при случае. Ее любимчик, пожалуй, был нисколько не лучше. Но как может маленький мальчик с добрыми глазами быть

таким забиякой?

— И когда только вы отучитесь драться! Неужели нельзя решить все по-хорошему? Знаешь, Малыш, ведь всегда можно все обсудить и уладить.

— А вот и нет. Вчера, например, мы тоже с Кристером подрались…

— И совершенно напрасно, — сказала мама. — Вы могли поговорить и спокойно решить, кто из вас не прав.

Малыш сидел за кухонным столом, обхватив руками раненую голову.

— Ишь ты какая, — ответил он, бросив на маму сердитый взгляд. — Кристер сказал мне: «Вот возьму и отлуплю тебя!!», а я ему на это: «Еще посмотрим, кто кого». Как тут «обсуждать» и «спокойно решить», можешь ты сказать мне?

Этого мама сказать не могла, пришлось ей тут же прекратить воспитательную работу. Вид у ее сынишки-драчуна был такой угрюмый, что она поспешила дать ему чашку горячего шоколада и свежую булочку — его любимые лакомства. Еще поднимаясь по лестнице, Малыш почувствовал запах маминых свежеиспеченных булочек с корицей, от которых жизнь становилась повеселее.

Малыш задумчиво откусил кусочек булочки

и стал жевать, а мама тем временем прилепила ему на ранку пластырь, легонько поцеловала и спросила:

— Из-за чего вы сегодня с Кристером поссорились?

— Да Кристер и Гунилла говорят про Карлссона, который живет на крыше, что все это враки. Будто я его выдумал.

— А разве это не так? — осторожно спросила мама.

Малыш отставил чашку с шоколадом и посмотрел на нее с досадой:

— Уж ты-то могла мне поверить! Я спросил у Карлссона, можно ли сказать, что он — выдумка…

— И что Карлссон тебе ответил?

— Он сказал, что тогда он был бы самой лучшей выдумкой на свете. Да только никакая он не выдумка, — заявил Малыш и взял еще одну булочку. — Карлссон считает, что это Кристер и Гунилла выдумка. «Какая-то дурацкая выдумка», — говорит он.

Мама не ответила. Она решила, что спорить с Малышом о его фантазиях бесполезно, и поэтому сказала только:

— Мне кажется, тебе бы надо почаще играть

с Кристером и Гуниллой и поменьше думать о Карлссоне.

— Карлссон, по крайней мере, не швыряется в меня булыжниками, — сказал Малыш и потрогал шишку на лбу. Потом он подумал о чем-то и просиял.

— Сегодня я, между прочим, увижу, где живет Карлссон, — добавил Малыш, — я чуть было не позабыл про это.

Он тут же раскаялся, что сказал. Надо же быть таким дураком, чтобы сказать так маме!

Но маму почему-то не очень испугало и расстроило его сногсшибательное сообщение, не больше чем все остальное, что он говорил о Карлссоне.

— Да, да, — сказала она рассеянно, — тебе это будет очень интересно.

Ясное дело, если бы она хорошенько поразмышляла о том, что сказал Малыш, вряд ли отнеслась бы к этому так спокойно. Если бы она только знала, где живет этот Карлссон!

Малыш встал из-за стола, сытый и веселый, довольный всем на свете. Шишка на лбу больше не болела, во рту он все еще чувствовал замечательный вкус булочек с корицей, в кухонное окно светило солнце, и мама в платье с короткими рукавами, обнажающими ее полные руки, и в

клетчатом переднике была такая славная. Он на секунду крепко обнял ее и сказал:

— Я тебя люблю!

— А я очень этому рада, — ответила она.

— Да… я люблю тебя, потому что ты такая… хорошая-прехорошая!

Потом он пошел в комнату и стал ждать Карлссона. Ведь ему предстояло полететь с ним на крышу. «Пусть себе Кристер болтает, что Карлссон — просто выдумка!» — подумал Малыш.

Ждать Малышу пришлось долго.

— Я явлюсь примерно часа в три, четыре или пять, но ни на минуту не позже шести, — обещал Карлссон.

Малыш точно не понял, когда Карлссон собирается прилететь, и переспросил его.

— Во всяком случае не позднее семи, — объяснил Карлссон, — но вряд ли до восьми. Короче, ты жди меня около девяти, потому что тут-то я и заявлюсь!

Малыш прождал целую вечность, под конец он тоже начал сомневаться, а вдруг Карлссон — просто-напросто выдумка. Но тут он услышал знакомое жужжание моторчика, и в окне показался Карлссон, бодрый и веселый.

— Ну и долго же я тебя ждал! — сказал Малыш. — В котором часу ты обещал прилететь?

— Я говорил *приблизительно*. Обещал явиться *приблизительно*, что и сделал.

Он подошел к аквариуму Малыша, окунул лицо в воду и стал пить большими глотками.

— Осторожно, там мои рыбки! — со страхом сказал Малыш. Он боялся, что Карлссон проглотит нескольких его маленьких гуппи, весело резвившихся в аквариуме.

— Когда у тебя жар, пить хочется все время. Подумаешь, проглочу одного-другого малька... Дело житейское!

— А что у тебя, жар?

— Еще бы! Посмотри сам! — ответил Карлссон я приложил ладонь Малыша к своему лбу.

Но Малышу лоб Карлссона горячим не показался.

— А какой у тебя жар? — спросил он.

— Ну, тридцать-сорок градусов. По меньшей мере!

Малыш только что переболел ветрянкой и знал, что такое высокая температура. Он покачал головой.

— Мне кажется, ты вовсе не болен, — сказал он.

— Ну и бессовестный же ты! — воскликнул Карлссон, топнув ногой. — Что же, по-твоему, мне никогда нельзя заболеть, как другим людям?

— Неужели тебе хочется заболеть? — удивился Малыш.

— Да ведь этого хотят все люди. Хочу лежать в постели с высокой-превысокой температурой. Чтобы ты спрашивал, как я себя чувствую, а я отвечал бы, что я самый больной на свете. Чтобы ты спрашивал, не хочу ли я чего-нибудь. А я буду отвечать, мол, я так сильно болен, так болен, что не хочу вовсе ничего… разве что много тортов, целую гору пирожных, шоколада и большую кучу конфет.

Карлссон выжидающе посмотрел на Малыша, а тот вовсе растерялся, не зная, откуда ему все это взять.

— Я хочу, чтобы ты был мне вместо мамы, — продолжал Карлссон. — Ты велишь принимать противное лекарство… но за это ты должен будешь дать мне пять эре. Потом ты обвяжешь мне шею теплым шерстяным шарфом, а я скажу, что он меня кусает и щекочет… если ты не дашь мне еще пять эре.

Малышу очень хотелось быть Карлссону вместо мамы. А это значило, что ему придется опусто-

шить свинку-копилку.

Она стояла на книжной полке, тяжелая и великолепная. Малыш взял в кухне нож и стал доставать из копилки пятиэровые монетки. Карлссон радостно помогал ему и ликовал при виде каждой выкатившейся денежки. В копилке было много монет по десять и двадцать пять эре, но Карлссону больше всего нравились пятиэровые.

Потом Малыш побежал в магазин и купил конфет и шоколада почти на все деньги. Достав из кармана весь свой капитал, он подумал было, что это деньги на щенка. При мысли об этом он слегка вздохнул, но тут же признался себе: тому, кто хочет быть Карлссону вместо мамы, щенок не по карману.

На обратном пути Малыш, запрятав лакомства поглубже в карман брюк, хотел незаметно прокрасться к себе через гостиную, но в гостиной сидела вся семья: папа, мама, Буссе и Беттан. Они пили послеобеденный кофе. Сейчас Малышу было недосуг сидеть с ними. На мгновение он поколебался: не позвать ли их поздороваться с Карлссоном? Но решил этого не делать. Они только помешали бы ему отправиться с Карлссоном на крышу. В другой раз успеют познакомиться

с ним.

Малыш взял с кофейного стола пригоршню миндального печенья — ведь Карлссону тоже хочется печенья — и поспешил в свою комнату.

— И долго мне еще ждать, бедному и больному! — с упреком спросил Карлссон. — Жар у меня повышается на несколько градусов в минуту, сейчас хоть яичницу на мне жарь!

— Я и так спешил изо всех сил, — начал оправдываться Малыш. — И много всего купил…

— А хоть немного денег у тебя осталось? — со страхом спросил Карлссон. — Чтобы дать мне пять эре, когда шарф начнет кусаться?

Малыш успокоил его. Он оставил несколько монет по пять эре.

Глаза у Карлссона засияли, и он запрыгал от восторга:

— Ах, я самый больной на свете. Надо поскорее уложить меня в постель.

Теперь Малыш стал ломать голову над тем, как ему попасть на крышу, ведь летать он не умел.

— Только без паники! — сказал Карлссон. — Я посажу тебя на спину, и полетим ко мне домой! Смотри не сунь пальцы в пропеллер.

— А ты в самом деле сможешь удержать меня? — спросил Малыш.

— Поглядим. Мне самому интересно, смогу ли я пронести тебя хотя бы полпути. Если не смогу, то можно будет высадить тебя по дороге.

Малышу такой выход не показался заманчивым, он не хотел, чтобы его высаживали на полпути к крыше, и немного растерялся.

— Я уверен, что все будет в порядке, если только мой мотор не забарахлит.

— Надо же, — сказал Малыш, — ведь тогда мы плюхнемся вниз.

— Плюх! Конечно плюхнемся, — обрадовался Карлссон. — Так ведь это дело житейское, — сказал он и махнул рукой.

Малыш решил тоже считать, что это дело житейское. Он написал маме записку и оставил ее на столе:

«Я навирху у Карлссона который живет на крыши».

Лучше всего было бы, конечно, успеть вернуться прежде, чем они найдут записку. Но если уж его хватятся, нужно, чтобы они обязательно узнали, где он. Иначе будет такой же шум, как в тот раз, когда они были у бабушки, а он решил прокатиться на поезде. После мама заплакала и спросила его: «Скажи, Малыш, почему ты не

сказал мне, что хочешь прокатиться на поезде?» — «Потому что я *хотел* прокатиться».

Вот и на сей раз он собирался полететь с Карлссоном на крышу, поэтому лучше было никому об этом не говорить. А если они хватятся его, он всегда сможет оправдаться тем, что оставил записку.

Но вот Карлссон приготовился стартовать. Он нажал кнопку на животе, мотор зажужжал.

— Ну, хоп! Прыгай мне на спину! Летим!

И они полетели. Вылетели в окно и поднялись в воздух. Карлссон сделал лишний вираж над крышей ближайшего дома, чтобы проверить, хорошо ли работает мотор. Но мотор стучал ровно и четко, так что Малышу было вовсе не страшно, а, наоборот, весело.

Под конец Карлссон приземлился на их собственную крышу.

— Посмотрим, сможешь ли ты найти мой дом, — сказал Карлссон. — Я не буду говорить, что он стоит за трубой, ты должен сам найти.

Малышу до сих пор никогда еще не доводилось бывать на какой-нибудь крыше. Но он не раз видел дяденек, которые, привязав к поясам веревки, ходили по крышам, сбрасывая снег. Малыш завидовал им, но теперь он был таким

же счастливым, как они, хотя и не был привязан веревкой. Когда же он, балансируя, подошел к трубе, под ложечкой у него как-то странно защекотало. За трубой оказался домик Карлссона. Ах какой хорошенький был этот домик! С зелеными рамами и симпатичной лесенкой, на которой можно было посидеть, если захочешь. Но сейчас Малышу хотелось поскорее войти в дом и поглядеть на паровые машины, на картины с петухами и на все-все, что было у Карлссона.

На двери висела табличка, чтобы все знали, кто здесь живет. На ней было написано:

КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ,

-

самый лучший в мире Карлссон.

Карлссон распахнул настежь дверь и крикнул:

— Добро пожаловать, милый Карлссон… и ты, Малыш, тоже!

И он первым вбежал в комнату.

— Я должен лечь в постель — ведь я самый больной на всем свете! — крикнул он и плюхнулся ничком на красный деревянный диванчик, стоявший у стены.

Малыш тоже вошел в комнату. Его так и распирало от любопытства.

Он сразу же увидел, как уютно в домике Карлссона. Кроме диванчика, здесь стояли верстак, служивший, вероятно, Карлссону столом, шкаф и несколько стульев. Еще был очаг с железной решеткой. Видно, здесь Карлссон готовил себе еду.

Но паровых машин в комнате что-то не было видно. Малыш огляделся по сторонам и наконец спросил:

— А где твои паровые машины?

— Хм… Мои паровые машины… взорвались все до одной. Не иначе как предохранительные клапаны были не в порядке! Но это пустяки, дело житейское, горевать об этом не стоит.

Малыш снова оглядел комнату.

— А где же твои картины с петухами? Они что, тоже взорвались? — ехидно спросил Малыш, рассердившись на Карлссона.

— Вовсе нет. А что же это тогда, по-твоему? — спросил тот, показав на картонку, прибитую гвоздем рядом со шкафом.

В углу картонки и в самом деле был нарисован петух, маленький красный петушок. Больше на картонке никаких рисунков не было.

— Эта картина называется «Ужасно одинокий петух», — заявил Карлссон.

Малыш взглянул на петушка. Неужели тысячи картин с петухами превратились в домике Карлссона в одного замухрышку петушка?

— Очень одинокий петух, нарисованный лучшим в мире рисовальщиком петухов, — с дрожью в голосе сказал Карлссон. — Ах какая красивая и печальная эта картина! Но сейчас мне плакать никак нельзя, а то поднимется температура.

Он откинулся на подушки и приложил руку ко лбу.

— Ты собирался заменить мне маму, так давай, начинай!

Малыш не знал толком, с чего начать.

— У тебя есть какие-нибудь лекарства? — спросил он нерешительно.

— Да, есть, но принимать мне ни одно из них неохота… А у тебя есть монетка в пять эре?

Малыш нашарил в кармане пятиэровую монету.

— Дай мне, — велел Карлссон.

Малыш протянул ему денежку. Карлссон крепко зажал ее в руке. Вид у него был хитрый и довольный.

— Я знаю, какое мне нужно принимать лекарство, — сказал он.

— Ну и какое же? — спросил Малыш.

— Лекарство Карлссона, который живет на крыше, — чмок-чмок-вкуснятина! Возьми половину карамели, половину шоколада и смешай все хорошенько с крошками печенья. Давай-ка сделай его, и я сразу приму. Это здорово помогает при температуре.

— Вряд ли это поможет, — удивился Малыш.

— Давай поспорим на шоколадку, — сказал Карлссон.

— Давай, — ответил Малыш.

Он достал из кармана две плитки шоколада и положил на верстак так, чтобы их было видно, и начал приготовлять лекарство по рецепту Карлссона. Он взял маленькие карамельки, малиновый мармелад, тянучки и смешал все это в чашке. Потом добавил туда кусочки шоколада и сверху посыпал крошки овсяного печенья. Такого лекарства Малыш в жизни не видел, но выглядело оно аппетитно, и ему самому захотелось слегка заболеть, чтобы такое попробовать. Но Карлссон сидел на постели, разинув рот, как птенец, и Малыш поспешил достать ложку.

— Дай мне большую дозу! — велел Карлссон, и Малыш послушался его.

Потом они немного подождали, снизится ли температура.

Через полминуты Карлссон сказал:

— Ты был прав, не помогло. Жар у меня не прошел. Дай мне лучше плитку шоколада.

— *Тебе* дать плитку шоколада? — удивился Малыш. — Да ведь это я выиграл!

— Ну и что? Мало ли что ты выиграл! Что же, теперь мне нельзя съесть шоколадку? Где же справедливость? А ты просто-напросто гадкий мальчишка, хочешь сам съесть шоколад, а ведь жар-то у меня, а не у тебя.

Малыш неохотно протянул Карлссону плитку шоколада, и тот тут же вонзил в нее зубы. Набив рот, Карлссон сказал:

— Ладно, перестань дуться. В другой раз я выиграю, и тогда ты получишь шоколадку.

Он продолжал усердно жевать, а когда съел последний кусочек, откинулся на подушки и тяжело вздохнул.

— Бедняжки больные! — воскликнул он. — Бедняжка я, бедняжка. Ясное дело, можно попробовать, не станет ли мне лучше от двойной порции чмок-чмок-вкуснятины, да только я в это ни капельки не верю…

— Нет, я думаю, двойная порция поможет. Поспорим?

Малыш был тоже не так прост. Он, конечно,

не верил, что Карлссона вылечит «чмок-чмок-вкусня-тина», прими он хоть тройную дозу, но ему ужасно хотелось проиграть пари. Потому что у него осталась одна-единственная шоколадка. А если Карлссон проиграет, она достанется Малышу.

— Я не против, давай поспорим. Давай намешай мне двойную порцию! Чего только не съешь, лишь бы полегчало! Остается только пробовать и ждать, помогло ли.

Малыш смешал двойную дозу и скормил ее Карлссону, который с удовольствием разевал рот и жевал вкусную кашицу.

Потом они молча стали ждать. Не прошло и минуты, как Карлссон, сияя от радости, вскочил с постели.

— Вот чудеса! — закричал он. — Меня больше не лихорадит, температура нормальная. Ты опять выиграл. Давай сюда шоколадку!

Малыш со вздохом отдал ему последнюю плитку. Карлссон поглядел на него с упреком:

— Злюкам, как ты, незачем держать пари. Биться об заклад могут лишь такие, как я. Я, например, сияю, как солнышко, даже если проиграю.

В комнате наступила тишина, которую нарушало лишь чавканье Карлссона, уписывающего

шоколад за обе щеки. Наконец Карлссон сказал:

— Но раз ты такой жадный мальчишка, давай разделим все остальное по-братски. У тебя еще остались конфеты?

Малыш пошарил в кармане.

— Три штуки, — ответил он и достал две тянучки и одну малиновую мармеладку.

— Три штуки, — сказал Карлссон, — разделить нельзя, это знает даже младенец.

Он взял из протянутой руки Малыша мармеладку и быстро проглотил ее.

— Вот *теперь* можно разделить.

Он посмотрел на две конфетки голодными глазами. Одна из них была чуть больше другой.

— По своей доброте и скромности, — заявил Карлссон, — я позволяю тебе первому выбирать. Ты ведь, поди, знаешь, что тот, кто выбирает, берет самую маленькую…

Малыш подумал немного и сказал:

— Тогда сначала выбирай ты.

— Ну, раз ты настаиваешь… — ответил Карлссон и, схватив конфету побольше, запихал ее в рот.

— Как же так, ведь ты сказал, что тот, кто выбирает первым, берет самую маленькую?

— Послушай-ка, сладкоежка, — возмутился Карлссон, — а если бы ты выбирал первым, какую

бы ты взял?

— Я взял бы самую маленькую, это уж точно, — серьезно ответил Малыш.

— Тогда чего шуметь, ты ее и так получил.

Малыш снова призадумался. Может, это и есть, как говорит мама, «здравое рассуждение»?

Но долго сердиться Малыш не умел. Как бы там ни было, здорово, что жар у Карлссона спал. И Карлссон с этим согласился.

— Я напишу всем докторам, как надо лечить больных от высокой температуры. Посоветую им прописывать «чмок-чмок-вкуснятину» — лекарство Карлссона, который живет на крыше. Лучшее в мире лекарство от высокой температуры!

Малыш еще не съел свою тянучку. Она выглядела такой вязкой и вкусной, что ему хотелось сначала немножко полюбоваться ею. Ведь стоит только начать тянучку жевать, как ее тут же не станет.

Карлссон тоже уставился на конфетку Малыша.

— Спорим, — предложил он, — что я могу поколдовать, и твоя тянучка исчезнет, а ты даже не заметишь, как это случилось.

— Не сможешь, не исчезнет, если я буду все

время держать ее в руке и смотреть на нее.

— Спорим?

— Нет, — ответил Малыш. — Я точно знаю, что выиграю, и тогда тянучка достанется тебе…

Малыш знал, что нельзя делать ничего на спор, ведь он всегда проигрывал, когда спорил с Буссе или с Беттан.

— Тогда давай спорить по-настоящему, по-правдашнему, — предложил Малыш, — тянучка достанется тому, кто выиграет.

— Как хочешь, жадный мальчишка, — согласился Карлссон. — Спорим, что я поколдую и ты не заметишь, как тянучка исчезнет.

— Валяй, — согласился Малыш.

— Хокус-покус-филиокус, — сказал Карлссон и схватил тянучку. — Хокус-покус-филиокус, — повторил он и запихал ее в рот.

— Погоди! — закричал Малыш. — Ведь я *точно* видел, как ты ее схватил…

— Неужели? — спросил Карлссон и быстро проглотил конфету. — Значит, ты снова *выиграл*. Я еще никогда не встречал мальчишку, который бы все время выигрывал!

— Да… а как же тянучка? — спросил, окончательно растерявшись, Малыш. — Ведь тянучка должна достаться тому, кто выиграл.

— Совершенно верно, — подтвердил Карлссон. — Но ведь я поколдовал, и она исчезла. А теперь спорю, что мне не наколдовать, чтобы она появилась обратно.

Малыш промолчал. Но про себя подумал: «Как только увижу маму, скажу ей, что „разумные рассуждения“ ни к чему, когда надо решить, кто прав».

Он сунул руки в карманы. И подумать только, в одном кармане оказалась тянучка, которую он раньше не заметил. Большая, вязкая, мировая тянучка! Малыш засмеялся.

— Спорим, что у меня есть еще одна тянучка и что я съем ее сейчас, — сказал он и быстро сунул тянучку в рот.

Карлссон нахмурился и сел в кровати.

— Ты обещал мне быть вместо мамы, — упрекнул он Малыша, — а сам только и знаешь, что объедаешься. Никогда еще не встречал такого жадного мальчишку.

Он замолчал и вовсе помрачнел.

— Между прочим, ты мне не дал пять эре за то, что шарф кусает мне шею.

— Но я же тебе не завязывал шею шарфом.

— Так ведь у меня во всем доме нет ни одного шарфа. А если бы был, то ты бы мне его надел

и он кусал бы мне шею, и тогда бы ты дал мне пять эре.

Он умоляюще, со слезами на глазах, поглядел на Малыша.

— Выходит, по-твоему, я должен страдать, оттого что в доме нет шарфа?

Малыш решил, что Карлссон, который живет на крыше, прав, и отдал ему последние пять эре.

КАРЛССОН ПРОКАЗНИЧАЕТ

— А сейчас мне хочется немножко почудить, — сказал Карлссон чуть позднее. — Давай-ка прогуляемся по крышам. Наверняка найдем что-нибудь интересное.

Малыш с радостью согласился. Он взял Карлссона за руку, и они вышли на крышу. Начало смеркаться, и все вокруг стало вдруг так красиво. Небо было по-весеннему синее, в сгущавшихся сумерках Дома казались таинственными и загадочными, внизу парк, в котором любил играть Малыш, зеленел как-то по-особенному, и аромат большого бальзамического тополя поднимался до самой крыши.

Прогуливаться в такой вечер по крыше было просто замечательно. Какие только звуки не доносились из распахнутых окон: голоса взрослых, смех и плач детей. Где-то поблизости в кухне мыли посуду, звенел фарфор, а где-то рядом скулила собака, кто-то бренчал на рояле. Внизу на улице ревел мотоцикл, потом рев замер и загромыхала телега, каждый стук колес долетал до крыши.

— Если б только люди знали, как хорошо здесь на крыше, — сказал Малыш, — никто б не гулял

по улице. Ой, до чего же здесь здорово!

— Да уж, тут не соскучишься, — добавил Карлссон, — того и гляди, свалишься. Я покажу тебе места, где я каждый раз чуть-чуть не сваливаюсь вниз.

Дома стояли вплотную друг к другу, и можно было переходить с одной крыши на другую. Здесь было столько разных затейливых выступов над чердачными окнами, сточных труб, уголков и углублений! Карлссон был прав, говоря, что соскучиться здесь нельзя, ведь они в самом деле не раз чуть не свалились вниз. В одном месте между двумя домами было порядочное расстояние, и тут-то Малыш чуть было не рухнул вниз. Нога Малыша уже свесилась с края крыши, но Карлссон в последнюю секунду подхватил его.

— Весело, не правда ли? — воскликнул Карлссон. — Что я тебе говорил! Слабо тебе попробовать еще разок!

Но Малышу пробовать еще раз почему-то не захотелось. Этого «чуть было» хватило с него вполне. На их пути попадались такие места, где приходилось цепляться за что попало и руками, и ногами, чтобы не скатиться с крыши. Ведь Карлссону хотелось, чтобы Малыш как следует повеселился, и он старался выбирать дорогу

потруднее.

— Давай-ка пошалим немного. Я частенько слоняюсь вечерами по крыше и подшучиваю над людьми, которые живут в мансардах.

— А как ты над ними подшучиваешь? — спросил Малыш.

— Ну, ясное дело, шуток у меня много. Никогда не повторяю одну шутку два раза. Угадай, кто самый лучший в мире шутильщик?

И вдруг где-то совсем рядом громко заплакал ребенок. Малыш слышал его плач и раньше, но потом ребенок замолчал. Видно, решил немного отдохнуть, а тут снова заревел. Плач раздавался из ближайшей мансарды очень одиноко и жалобно.

— Бедняжка, — сказал Малыш, — может, у него болит живот.

— Сейчас мы это узнаем, — заявил Карлссон. — Иди сюда!

Они спустились к окну по водосточной трубе, и Карлссон осторожно заглянул в комнату.

— Так и есть, он совсем один, — сказал он. — Видно, папа с мамой где-то мотаются.

Ребенок заплакал еще жалобнее.

— Только без паники! — воскликнул Карлссон и вскочил на подоконник. — Сюда явился Карлссон

— лучший в мире ухаживальщик за детьми.

Малышу не хотелось висеть одному на трубе. Он вслед за Карлссоном переполз ужом подоконник, хотя и боялся, что родители ребенка вздумают вернуться домой.

Но Карлссон ничего не боялся ничуточки. Он подошел к кроватке, в которой лежал ребенок, и потрогал его подбородок своим пухленьким указательным пальцем.

— Тю-тю-тю, карапуз! — лукаво сказал он.

Потом повернулся к Малышу:

— Так всегда говорят маленьким детям, и им это ужасно нравится!

От удивления ребенок перестал плакать, но тут же опомнился и заревел снова.

— Тю-тю-тю-тю, карапуз! — повторил Карлссон. — А потом нужно делать вот так.

Он вынул ребенка из кроватки и несколько раз подкинул его на руках к потолку. Видно, малютке это понравилось, потому что он вдруг улыбнулся беззубым ртом.

Вид у Карлссона был очень гордый.

— Развеселить ребенка проще простого, — сказал он. — Лучший в мире ухаживальщик за деть…

Он не успел докончить фразу, потому что ребе-

нок снова заплакал.

— Тю-тю-тю, карапуз! — сердито прорычал Карлссон и изо всех сил подкинул ребенка к потолку. — Я сказал: «Тю-тю-тю, карапуз», неясно тебе, что ли?

Малютка заревел во всю мочь, и Малыш протянул к нему руки.

— Иди ко мне! Дай мне его, — попросил Малыш. Он очень любил маленьких детей и не раз уговаривал маму с папой подарить ему маленькую сестренку, раз они не хотят купить собаку.

Он взял запеленутого крошку у Карлссона и ласково обнял его.

— Не плачь, будь умницей, — сказал он.

Малютка замолчал и уставился на него блестящими серьезными глазками, а потом снова улыбнулся и что-то тихонько залепетал.

— Это мое «тю-тю-тю» помогло, — заявил Карлссон. — Это средство всегда помогает, я его пробовал тысячу раз.

— Интересно, как зовут эту малявку, — сказал Малыш и погладил указательным пальцем мягкую щечку ребенка,

— Гулль-Фия[3], - ответил Карлссон, — их почти

---

[3] Примечания: 3

Гулль (от шведского «гульд» — золото) — здесь — золотко (разг.).

всех так зовут.

Малыш никогда не слышал, чтобы какого-нибудь ребенка так звали, но решил, что лучшему в мире ухаживальщику за детьми лучше известно, как зовут большинство детей.

— Я вижу, Гулль-Фия, — сказал Малыш, — что ты проголодалась.

Потому что Гулль-Фия схватила его палец и начала сосать.

— Говоришь, она проголодалась? Ну так здесь есть колбаса и картошка, — сообщил Карлссон, заглянув на кухню. — Ни один ребенок не умрет с голоду, покуда Карлссон в состоянии притащить колбасу и картошку.

Малыш подумал, что Гулль-Фия вряд ли сможет есть колбасу и картошку.

— Таких маленьких детей, наверное, кормят молоком.

— Думаешь, лучший в мире ухаживальщик за детьми не знает, чем кормят детей? Ну да ладно, я могу слетать за коровой!

Он бросил сердитый взгляд в окно.

— Хотя протащить через это окно коровенку будет нелегко.

Гулль-Фия отчаянно искала палец Малыша и жалобно пищала. Похоже было, что она в самом

деле проголодалась.

Малыш заглянул в кухонный уголок, но молока там не нашел. Все, что он увидел, — три кусочка колбасы на блюдечке.

— Только без паники! — сказал Карлссон. — Теперь я вспомнил, где можно раздобыть молока. Я сам там иной раз выпиваю глоток-другой. Хейсан-хоппсан! Я сейчас вернусь.

Карлссон нажал кнопку на животе, пропеллер зажужжал, и не успел Малыш и глазом моргнуть, как Карлссон вылетел в раскрытое окно.

Малыш ужасно испугался. Подумать только, а вдруг Карлссон, как всегда, пропадет на несколько часов! А родители этой малявки сейчас вернутся домой и застанут его с Гулль-Фией на руках!

Но долго волноваться Малышу не пришлось. На этот раз Карлссон постарался вернуться поскорее. Он влетел в окно, гордый, как петух, держа в руках бутылку с соской, из которой обычно грудные дети пьют молоко.

— А где ты взял эту штуку? — спросил удивленный Малыш.

— На своем обычном молочном месте, — ответил Карлссон. — На одном балконе в Эстер-

мальме[4].

— Так ты ее украл? — ужаснулся Малыш.

— Я ее одолжил.

— Одолжил?.. А когда ты собираешься вернуть?

— Никогда, — ответил Карлссон.

Малыш строго посмотрел на него, но Карлссон, пошевелив растопыренными пальчиками, сказал:

— Маленькая бутылочка молока — дело житейское. Я одолжил ее у родителей тройни. У них на балконе полным-полно таких бутылочек в ведерках со льдом. Да они даже обрадуются, что я одолжил у них молоко для Гулль-Фии.

Гулль-Фия протянула ручонки к бутылке и снова захныкала от голода.

— Я подогрею ее немножко, — быстро сказал Малыш и передал Гулль-Фию Карлссону. Карлссон заорал: «Тю-тю-тю, карапуз!», а Малыш стал подогревать молоко в кухонном углу.

Чуть погодя Гулль-Фия уже лежала в своей кроватке и спала, как маленький ангел. Она была сыта и довольна, Малыш хорошенько укрыл ее, и, хотя Карлссон щекотал ее указательным пальцем

---

[4] Примечания: 4

Эстермальм — центральный район Стокгольма.

и кричал «тю-тю-тю, карапуз», Гулль-Фия уснула — она наелась и устала.

— А теперь, — сказал Карлссон, — прежде чем уйти, давай попроказничаем немножко.

Он заглянул в кухонный уголок и принес три кружочка колбасы.

Малыш посмотрел на него с удивлением.

— Сейчас ты увидишь, как я проказничаю, — заявил Карлссон и подвесил кусочек колбасы на ручку кухонной двери.

— Это номер один, — объяснил он и кивнул с довольным видом. Потом он быстрым шагом подошел к бюро, на котором стоял фарфоровый голубь. Малыш и ахнуть не успел, как Карлссон напялил кусочек колбасы голубю на клюв.

— Это номер два, — сказал Карлссон, — а номер три получит Гулль-Фия.

Он надел третий кусочек колбасы на маленькую палочку и сунул ее в ручку спящей Гулль-Фии.

Это выглядело очень смешно, можно было подумать, что Гулль-Фия сама сходила в кухню, принесла колбасу и заснула, не успев ее съесть. Но Малыш все же сказал:

— Не надо, не делай этого, пожалуйста.

— Только без паники! — ответил Карлссон. — Это отучит ее маму с папой гулять по вечерам.

— Как это? — спросил Малыш.

— Крошку, которая сама может принести колбасу, нельзя оставлять дома одну. Ведь кто знает, что она может принести в следующий раз… может быть, папину бутылку пива, купленную на воскресенье.

Он поправил кусочек колбасы на палочке в ручонке Гулль-Фии.

— Только без паники! — сказал Карлссон. — Лучший в мире ухаживальщик за детьми знает, что делает.

И тут Малыш услыхал шаги на лестнице и подскочил от страха.

— Ой, они идут, — прошептал он.

— Только без паники! — воскликнул Карлссон, и они оба бросились к окну. Малыш услышал, как в замок вставляют ключ, и уже потерял всякую надежду спастись, но все же он успел перебраться через подоконник. Секунду спустя он услышал, как кто-то сказал:

— Мамочкина крошка Сусани спит себе и спит.

— Да, она спит себе и спит, — подхватил другой голос.

Но тут послышался крик. И Малыш понял, что мама с папой увидели в руке ребенка колбасу.

Он не стал слушать их разговор и прыжком

догнал Карлссона, спрятавшегося за трубой.

— Хочешь поглядеть на двух мошенников? — спросил Карлссон, когда они немного отдышались. — У меня тут в другой мансарде живут два первостатейных мошенника.

Это звучало так, будто речь шла о его собственных мошенниках. Конечно, они не были его собственными, но Малышу все же захотелось их увидеть.

Из окна мансарды слышались голоса, смех и шум.

— Веселья хоть отбавляй, — сказал Карлссон. — Пошли посмотрим, что их так забавляет.

Они прокрались вдоль водосточного желоба.

Карлссон вытянул шею и заглянул внутрь. На окне висели занавески, но между ними был просвет и можно было разглядеть, что там творится.

— У мошенников гости, — шепнул Карлссон.

Малыш тоже заглянул в комнату. Там сидели двое, наверно это были мошенники, и с ними какой-то маленький, добродушный, скромный человек. Похоже было, будто он приехал из селения, где жила бабушка Малыша.

— Знаешь, что я тебе скажу, — зашептал Карлссон. — Мне кажется, эти мошенники тоже проказничают. Но я им этого не позволю.

Он заглянул в комнату еще раз.

— Держу пари, что они хотят облапошить этого беднягу в красном галстуке, — снова зашептал он.

Мошенники и человек в красном галстуке сидели за маленьким столом. Они ели и пили, и мошенники похлопывали человека в красном галстуке по плечу, повторяя:

— Как здорово, Оскар, что мы встретили тебя!

— Мне тоже это приятно, — отвечал Оскар. — Хорошо иметь в городе надежных друзей. А не то можно ведь вляпаться в какую-нибудь историю, попасть в лапы мошенникам.

Мошенники кивали ему в ответ.

— Ясное дело, можно нарваться на проходимцев, — сказал один из них. — Тебе здорово повезло, что ты встретил Филле и меня!

— Да уж, не повстречай ты Рулле и меня, мог бы влипнуть в историю.

— А сейчас давай-ка выпивай, закусывай и веселись, — добавил тот, кого звали Филле, и снова похлопал Оскара по плечу.

Но потом он сделал такое, что страшно удивило Малыша. Он как бы невзначай сунул руку в задний карман брюк Оскара, вытащил бумажник и осторожно переложил его в карман своих

собственных брюк. А Оскар ничего не заметил, может быть, потому, что как раз в эту минуту Рулле повис у него на шее, похлопывая по плечу. Но когда Рулле перестал его похлопывать и разжал свои объятия, в его руке оказались часы Оскара. Эти часы Рулле запрятал в задний карман своих брюк. А Оскар опять ничего не заметил.

Но тут Карлссон, который живет на крыше, протянул между занавесками свою пухленькую ручку и вытащил бумажник из заднего кармана брюк Филле, и Филле тоже ничего не заметил... Рулле, Филле и Оскар еще поели и выпили, и тут Филле сунул руку в задний карман брюк и обнаружил, что бумажник исчез. Он сердито уставился на Рулле и сказал:

— Послушай-ка, Рулле, давай выйдем в прихожую, мне нужно тебе кое-что сказать.

Как раз в этот момент Рулле пошарил в своем кармане и понял, что часы исчезли. Он злобно поглядел на Филле и сказал:

— Отлично, мне тоже надо кое-что тебе сказать!

И Рулле с Филле вышли в прихожую, оставив бедного Оскара в одиночестве. Видно, ему стало скучно, потому что немного погодя он тоже вышел в прихожую поглядеть, куда подевались

Филле и Рулле. Тогда Карлссон быстренько перебрался через подоконник и положил бумажник Оскара в супницу. Филле, Рулле и Оскар уже съели весь суп, так что бумажник не мог намокнуть. А часы Оскара он прицепил на потолочную лампу, они висели и болтались. Их-то в первую очередь и заметили Оскар, Рулле и Филле, когда вернулись в комнату из прихожей. Но Карлссона они не заметили, потому что тот залез под стол, а скатерть стола свисала до самого пола. Рядом с ним устроился Малыш, ведь он захотел остаться с Карлссоном, хотя ему и было страшно.

— Поглядите-ка, — воскликнул Оскар, — вот висят мои часы! Интересно, как они могли туда попасть?

Он снял часы с лампы и положил их в карман жилета.

— Надо же, а здесь лежит мой бумажник! — удивился он, заглянув в супницу. — Ну и ну!

Рулле и Филле поглядели на Оскара с восторгом, а Филле сказал:

— Я смотрю, не такие уж вы в деревне растяпы!

Потом Рулле, Филле и Оскар снова уселись за стол.

— Дорогой Оскар, съешь еще чего-нибудь и

выпей, — предложил Филле.

И Оскар, Рулле и Филле принялись есть, пить и хлопать друг друга по плечу. Немного погодя рука Филле нырнула под стол и осторожно положила бумажник Оскара на пол. Видно, Филле решил, что здесь место надежнее, чем в его кармане. Но он ошибся: Карлссон сразу схватил бумажник и передал Рулле, который взял бумажник и сказал:

— Филле, я был не прав, ты человек порядочный.

Прошло еще немного времени, и под столом оказалась рука Рулле, она осторожно положила на пол часы Оскара. Тут Филле сказал:

— Ты настоящий друг, Рулле.

Но чуть погодя Оскар спохватился:

— А где мой бумажник? Где мои часы?

Мгновенно бумажник и часы оказались под столом, потому что Филле побоялся держать при себе часы, а Рулле не посмел держать бумажник в кармане, ведь Оскар мог поднять скандал. Он и в самом деле стал кричать, чтобы ему отдали часы и бумажник, но Филле ответил ему:

— Откуда нам знать, куда ты задевал свой дрянной бумажник!

А Рулле добавил:

— Не видели мы твоих старых часов, следи сам

за своим барахлом!

Тогда Карлссон взял с пола сначала бумажник, потом часы и сунул их Оскару, а тот спрятал их и сказал:

— Спасибо, дорогой Филле, спасибо, Рулле. Только больше так шутить не надо.

Тут Карлссон пнул изо всех сил Филле по ноге, и тот заорал:

— Ты мне за это заплатишь, Рулле!

Затем Карлссон что было мочи пнул Рулле по ноге, и Рулле завопил:

— Ты что, спятил, Филле? Чего ты пинаешься?

Рулле и Филле бросились друг на друга, и завязалась такая драка, что тарелки полетели со стола и разбились, а Оскар испугался и убрался подобру-поздорову восвояси вместе с часами и бумажником.

Малыш тоже испугался, но уйти он не мог и, притаившись, сидел под столом.

Филле был сильнее Рулле, он загнал его в прихожую и решил там отделать его хорошенько. Карлссон и Малыш вылезли из-под стола. Увидев валявшиеся на полу осколки тарелок, Карлссон сказал:

— Раз все тарелки разбиты, зачем супнице оставаться целой? Ведь ей, бедняжке, будет так

скучно одной!

И супница с дребезгом брякнулась на пол, а Карлссон и Малыш ринулись к окну и быстренько вскарабкались на подоконник.

И тут Малыш услыхал, что Филле и Рулле вернулись в комнату и Филле сказал:

— С какой стати ты, дурья башка, отдал ему часы и бумажник?

— Ты что, спятил? Ведь это ты сделал.

Карлссон захохотал так, что животик у него заколыхался, и воскликнул:

— Ну, на сегодня хватит проказничать!

Малыш тоже решил, что сыт этими проказами.

Стало уже довольно темно, и Малыш с Карлссоном, взявшись за руки, потопали по крышам назад к домику Карлссона, стоявшему на крыше дома, где жил Малыш. Они были уже у цели, когда послышался оглушительный рев пожарной машины, мчавшейся по улице.

— Увидишь, где-то горит, — сказал Малыш. — Это пожарная машина.

— Вот бы загорелся наш дом! — мечтательно сказал Карлссон. — Тогда бы они попросили меня помочь им, ведь я лучший в мире пожаротушитель.

Но тут они увидели, что пожарная машина

остановилась как раз внизу под ними, а вокруг нее столпился народ. Однако огня нигде не было видно. И неожиданно к крыше приставили лестницу, этакую длиннущую складную пожарную лестницу.

Малыша осенило:

— А что, если… подумать только… а что, если они приехали, чтобы снять меня отсюда?

Потому что он вспомнил про записку, которую оставил у себя в комнате. А ведь сейчас было уже довольно поздно.

— Вот еще! — возмутился Карлссон. — Кому какое дело до того, что ты немножко прогулялся по крышам!

— Да… моей маме есть дело. Она такая нервная. У нее столько нервов, и они все время дергаются…

Ему вдруг стало жаль маму и захотелось скорее вернуться к ней.

— Ясное дело, можно немножко попроказничать с пожарными, — предложил Карлссон.

Но Малышу больше проказничать не хотелось. Он стоял не двигаясь и ждал, когда поднимутся пожарные.

— Ну, ладно, — согласился Карлссон, — пожалуй, и мне пора домой, пора ложиться спать.

Правда, мы сегодня совсем мало проказничали, но ведь нельзя забывать, что сегодня утром у меня была температура не меньше тридцати-сорока градусов!

И, крикнув Малышу «хейсан-хоппсан!», он побежал вприпрыжку по крыше.

— Хейсан-хоппсан, Карлссон! — ответил ему Малыш, не спуская глаз с приближающихся пожарных.

— Послушай-ка, Малыш! — крикнул Карлссон напоследок, перед тем как юркнуть в трубу. — Не говори пожарным, что я здесь. А не то, как только где загорится, они вечно будут присылать за мной. Ведь я лучший в мире пожаротушитель!

Один пожарный был уже совсем близко.

— Стой где стоишь! — велел он Малышу. — Не двигайся с места. Сейчас я сниму тебя оттуда.

Малыш решил, что это очень любезно со стороны пожарного, хотя и ни к чему. Ведь он весь вечер ходил по крышам, и ему ничего не стоило сделать еще несколько шагов.

— Это моя мама послала тебя? — спросил он пожарного, когда тот, взяв его в охапку, понес к лестнице.

— А как ты думаешь? — ответил пожарный. — Но, знаешь… мне сначала показалось, что здесь

на крыше было двое мальчишек…

Малыш помнил, что ему велел Карлссон, и серьезно ответил:

— Нет, кроме меня, здесь никакого *мальчишки* не было.

У мамы в самом деле было столько нервов, что она не могла не дергаться. Она стояла на улице вместе с папой, Буссе и Беттан и, когда пожарный спустился, бросилась к Малышу: обнимала его, то плакала, то смеялась. Потом папа взял его на руки, крепко прижал к себе и нес на руках до самой квартиры. А Буссе сказал:

— Ты так можешь до смерти напугать кого угодно.

Беттан тоже заплакала и добавила:

— Больше никогда этого не делай, понял?

Когда же он чуть погодя уже лежал в кровати, они все собрались вокруг, словно был день его рождения. И папа очень серьезно спросил:

— Разве ты не знал, что мы будем волноваться? Не знал, что мама расстроится и станет плакать?

Малыш заерзал на постели:

— Я не думал, что она так уж сильно будет волноваться.

Мама обняла его крепко-крепко и сказала:

— Подумай только, а что, если бы ты упал с

крыши? Подумай, ведь мы могли лишиться тебя!

— И вам стало бы меня жаль? — с надеждой спросил он.

— А ты как думаешь? — спросила мама. — Мы ни за что на свете не хотели бы потерять тебя, сам знаешь.

— Даже за сто тысяч миллионов крон?

— Нет, даже за сто тысяч миллионов крон.

— Неужели я так дорого стою? — удивился Малыш.

— Ну конечно, — ответила мама и снова обняла его.

Малыш задумался. Сто тысяч миллионов крон, какая это уйма денег! Неужели он вправду столько стоит? А ведь щенка, отличного щенка, можно купить за пятьдесят крон.

— Послушай, папа, — сказал Малыш, подумав немного. — Если я стою сто тысяч миллионов крон, ты можешь дать мне пятьдесят крон наличными на маленькую собачку?

КАРЛССОН ИГРАЕТ В ПРИВИДЕНИЕ

Лишь на следующий день за обедом они стали расспрашивать Малыша, как он попал на крышу.

— Ты вылез туда через чердачное окно? — спросила мама.

— Нет, я *полетел* туда с Карлссоном, который живет на крыше.

Мама с папой переглянулись.

— Нет, я больше не могу, — сказала мама. — Этот Карлссон сведет меня с ума.

— Послушай, Малыш, — заявил папа, — никакого Карлссона, который живет на крыше, вовсе нет.

— Как это нет? — возразил Малыш. — По крайней мере, вчера он был.

Мама покачала головой:

— Как хорошо, что занятия в школе скоро окончатся и ты сможешь поехать к бабушке. Надеюсь, уж туда-то Карлссон не явится.

Об этой неприятности Малыш совсем забыл. Ведь он уедет на лето к бабушке и целых два месяца не увидит Карлссона! Нельзя сказать, что у бабушки будет плохо, там ему всегда было весело,

но по Карлссону он станет сильно скучать! И подумать только, а вдруг, когда он вернется домой, Карлссон уже не будет жить у них на крыше?

Поставив локти на стол и подперев голову руками, он задумался над тем, каково ему будет без Карлссона.

— Локти на стол не ставят, неужели не знаешь! — заметила Беттан.

— Не твое дело, — ответил Малыш.

— Сними локти со стола, — сказала мама. — Хочешь еще немножко цветной капусты?

— Лучше я умру, чем стану ее есть! — ответил Малыш.

— Фу, — возмутился папа, — так не говорят. Надо сказать: «Спасибо, не хочу».

— Раз я говорю: «Лучше умру», вы должны понять, что я хочу сказать: «Спасибо, не хочу».

— Джентльмены так не говорят, — продолжал папа, — а ведь ты, Малыш, верно, хочешь быть джентльменом?

— Нет, я хочу быть таким, как ты, папа, — заявил Малыш.

Мама, Буссе и Беттан засмеялись. Малыш не понял, что здесь смешного, но догадался, что они смеются над папой. И ему это не понравилось.

— Я хочу быть таким, как ты, папа, — повторил

Малыш, — потому что ты такой добрый.

И он ласково поглядел на отца.

— Спасибо, сынок, — ответил папа. — Скажи, ты в самом деле не хочешь еще цветной капустки?

— Нет, лучше умру.

— Но она полезная, — настаивала мама.

— Верю, что полезная, — ответил Малыш, — ведь чем противнее еда, тем она полезнее. Хотелось бы знать, почему витамины напиханы во все самое невкусное?

— Ясное дело, тебе хотелось бы, чтобы они были вместо этого в жевательной резинке и тянучках?

— Еще бы! Это самое умное из всего, что ты когда-нибудь говорил!

После обеда Малыш отправился в свою комнату. Он всем сердцем желал, чтобы там появился Карлссон. Ведь скоро Малышу предстояло уезжать, и ему хотелось видеть Карлссона как можно чаще.

Видно, Карлссон чувствовал, что Малыш его ждет, ведь стоило только Малышу высунуть нос в окно, как Карлссон тут же прилетел.

— Сегодня у тебя нет жара?

— Жара?.. У меня? — ответил Карлссон. — Да у меня никогда не было жара. Это мне просто казалось.

— Казалось, что у тебя высокая температура? — удивился Малыш.

— Как тебе сказать, я старался, чтобы тебе казалось, будто у меня жар. Кто на свете лучший шутильщик? Угадай!

Карлссон ни минуты не сидел на месте. Болтая, он шнырял по всей комнате, с любопытством на все глазел, все трогал, открывал шкафы, выдвигал ящики.

— Нет, сегодня у меня температура нормальная. Сегодня я прямо колоссально здоров и не прочь пошалить.

Малышу тоже хотелось пошалить. Но больше всего ему хотелось, чтобы мама, папа, Буссе и Беттан увидели Карлссона, чтобы не слышать их болтовню, будто никакого Карлссона на свете нет.

— Подожди-ка немножко, — попросил он, — я сейчас вернусь. — И он помчался в гостиную.

Буссе и Беттан, к его досаде, уже ушли, но мама с папой там еще были, и он радостно сказал:

— Мама, папа, идите поскорее ко мне в комнату.

Про Карлссона сказать он им не решился, мол, пусть увидят его без всякого предупреждения.

— Давай лучше посиди с нами, — ответила

мама, но Малыш потянул ее за руку:

— Нет, идем ко мне, я вам что-то покажу.

После недолгих уговоров они пошли за Малышом. Веселый и счастливый, он распахнул дверь в свою комнату. Наконец-то они поверят!..

Он чуть не заплакал от разочарования. Комната была пуста, все вышло точно так же, как в тот раз, когда он обещал им показать Карлссона.

— А что мы должны были увидеть? — спросил папа.

— Ничего особенного, — пробормотал Малыш.

На счастье, зазвонил телефон, и Малышу не надо было им ничего объяснять. Папа пошел к телефону, а у мамы в духовке сидел торт, и ей нужно было за ним приглядывать. Малыш остался один. Он сильно рассердился на Карлссона и, сев у окна, решил сказать ему все начистоту, если только тот прилетит.

Но Карлссон вовсе не прилетел. Открылась дверца платяного шкафа, и показалось его довольное лицо.

— Что ты делал в моем шкафу? — удивился Малыш.

— Высиживал цыплят… нет! Сидел и думал о своих грехах… нет! Лежал на полке и отдыхал… вот что делал.

Малыш тут же забыл все обиды. Он был рад, что Карлссон снова появился.

— В этом шкафу здорово прятаться, — сказал Карлссон. — Давай играть в прятки! Я лягу на полку, а ты ищи меня.

Не успел Малыш ответить, как Карлссон исчез в шкафу. Малыш слышал, как он карабкался на полку.

— Ищи меня! — крикнул Карлссон.

Малыш распахнул дверцу шкафа и сразу же увидел Карлссона на полке.

— Фу, какой ты вредный! — закричал Карлссон. — Надо было сначала поискать в кровати, под столом и в других местах. Если ты так будешь делать, я с тобой не играю, фу, какой ты вредный!

Тут в прихожей зазвонил звонок, мама открыла дверь и крикнула:

— Малыш! К тебе пришли Кристер и Гунилла!

Услышав это, Карлссон тут же повеселел.

— Сейчас мы над ними подшутим, — прошептал он. — Закрой за мной дверцу!

Малыш едва успел притворить дверцу шкафа, как в комнату вошли Гунилла с Кристером. Они жили на одной улице с Малышом и учились с ним в одном классе. Малышу очень нравилась

Гунилла, он часто говорил со своей мамой о том, что Гунилла «феноменально славная». Кристер ему тоже нравился, и он уже давно простил ему шишку на лбу. Они часто дрались, но быстро мирились. Между прочим, Малыш дрался не только с Кристером, ему случалось вступать в жестокую схватку почти со всеми ребятами с этой улицы. Но Гуниллу он не обижал.

— А почему же ты ни разу не поколотил Гуниллу? — спросила его однажды мама.

— Она такая славная, *просто феноминально,* — ответил Малыш, — и мне неохота ее колотить.

Но Гунилла, ясное дело, тоже его иногда задирала. Вчера, например, по дороге из школы Малыш рассказал про Карлссона, который живет на крыше, а Гунилла засмеялась и сказала, что Карлссон просто выдумка, Малыш его придумал. И Кристер согласился с ней, так что Малышу пришлось стукнуть его разок, тогда-то Кристер и швырнул ему в голову камень.

Но вот они пришли к нему, и Кристер привел с собой Йоффу. Ради Йоффы Малыш забыл даже про Карлссона, лежавшего на полке в шкафу. Он считал, что из всего живого самое лучшее — собака. Йоффа прыгал и лаял, а Малыш обнимал его и гладил. Кристер стоял рядом и спокойно

смотрел на них. Ведь он знал, что эта собака его, и никого другого, так что пусть Малыш гладит ее сколько хочет.

Как раз, когда Малыш ласкал собаку, Гунилла вдруг спросила, ехидно хихикая:

— А где твой дяденька Карлссон, который живет на крыше? Мы думали, что он у тебя.

И тут Малыш вспомнил, что Карлссон лежит на полке в шкафу. Но не зная, какой номер Карлссон вздумает теперь выкинуть, он решил ничего не говорить об этом Кристеру с Гуниллой. Он только заметил:

— Шш-шш… Ведь ты, Кристер, говоришь, что Карлссона вовсе нет, что я его выдумал.

— Так оно и есть, — ответила Гунилла и залилась смехом, так что на щеках у нее заиграли ямочки.

— А вдруг он не выдумка?

— Выдумка! — настаивал Кристер.

— А вот и нет! — возмутился Малыш.

Он заколебался было, продолжать ли «разумно рассуждать» или сразу врезать Кристеру. Но не успел он принять решение, как из шкафа донеслось громкое и отчетливое «ку-ка-ре-ку».

— Что это? — спросила Гунилла и разинула от удивления алый, похожий на вишенку, ротик.

— Ку-ка-ре-ку! — прозвучало снова. Казалось, это кукарекал настоящий петух.

— Никак у тебя петух в шкафу? — удивился Кристер.

Йоффа зарычал, а Малыш засмеялся. Он хохотал так, что не мог вымолвить ни слова.

— Ку-ка-ре-ку! — неслось из шкафа.

— Я открою и погляжу, — сказала Гунилла.

Она отворила дверцу шкафа и заглянула внутрь. Кристер тоже подбежал к шкафу поглядеть, в чем дело. Сначала они ничего не увидели, потому что в шкафу висело много одежды. Но потом они услышали, как сверху кто-то хихикает. Взглянув на верхнюю полку, они увидели там маленького толстого дяденьку. Он удобно разлегся, облокотившись, и болтал толстенькой ножкой, его веселые голубые глазки сияли.

Сначала Гунилла и Кристер не могли вымолвить ни слова. Только Йоффа продолжала рычать. Когда же Гунилла обрела дар речи, она спросила:

— *Кто* это?

— Пустяки, просто выдумка, — ответила странная фигура на полке, продолжая болтать ногой. — Маленькая выдумка, которая лежит и отдыхает. Короче говоря… одно воображение!

— Тт…ак э… э… то?.. — промямлил Кристер.

— Маленькая выдумка, которая здесь лежит и кукарекает, — добавил маленький дяденька.

— Это и есть Карлссон, который живет на крыше? — прошептала Гунилла.

— А кто это, по-твоему? Может, это фру Густавссон из девяносто второй квартиры прокралась сюда и скорчилась на полке?

Малыш засмеялся, а Гунилла с Кристером стояли с дурацким видом, разинув рты.

— Теперь, я вижу, вы заткнулись, — сказал Малыш.

Карлссон спрыгнул с полки, подошел к Гунилле и с лукавой усмешкой ущипнул ее за щеку.

— Что это здесь за глупая детская выдумка? — воскликнул он.

— Мы… — начал было Кристер.

— Как там тебя зовут? Август, а дальше?

— Я не Август, я Кристер.

— Продолжай в том же роде, — сказал Карлссон.

— Их зовут Гунилла и Кристер, — пояснил Малыш.

— Да… Надо же, как некоторым не везет. Но вы не расстраивайтесь… не могут же все зваться Карлссонами.

Он с любопытством огляделся, продолжая бол-

тать не переводя дыхания.

— Мне что-то хочется немножко попроказничать. Не побросать ли нам стулья в окно или еще что-нибудь придумать?

Малышу это не показалось интересным, к тому же он был уверен, что маме с папой это не понравится.

— Ну раз они такие старомодные, — сказал Карлссон, — тут уж ничего не поделаешь. Тогда надо придумать какую-нибудь другую проказу, потому что мне охота проказничать. А не то я с вами не буду играть! — заявил он и сердито поджал губы.

— Да, давайте придумаем что-нибудь другое, — попросил Малыш, но Карлссон продолжал дуться.

— Берегитесь, как бы я от вас не улетел! — сказал он.

И Малыш, и Кристер с Гуниллой понимали, какое это было бы несчастье, и стали умолять Карлссона остаться с ними.

Карлссон помолчал немного с сердитой миной.

— Я еще не знаю, но, *может*, я останусь с вами, если вот она похлопает меня ласково и скажет: «Останься, милый Карлссон», — сказал он и указал на Гуниллу толстым пальчиком.

И Гунилла тут же начала похлопывать его со словами:

— Останься с нами, милый Карлссон, мы придумаем что-нибудь веселенькое.

— Так и быть, останусь, — пообещал Карлссон, и дети с облегчением вздохнули. Но они рано обрадовались.

Мама и папа Малыша иногда прогуливались по вечерам. И сейчас мама крикнула из прихожей:

— Пока, Малыш! Кристер с Гуниллой могут оставаться у тебя до восьми часов, а потом ты сразу же должен лечь в постель. Я приду позднее пожелать тебе спокойной ночи.

И входная дверь захлопнулась.

— Она не сказала, до какого часа можно мне оставаться, — сказал Карлссон, выпятив нижнюю губу. — Я не играю, если ко мне относятся несправедливо.

— Оставайся сколько хочешь, — предложил Малыш.

Карлссон выпятил нижнюю губу еще сильнее.

— А почему нельзя *меня* выставить в восемь часов, как других людей? Я не согла…

— Я попрошу маму выставить тебя в восемь часов, — поспешно согласился Малыш. — Как ты думаешь, чем бы нам позабавиться?

Плохое настроение Карлссона как ветром сдуло.

— Можно поиграть в привидения и напугать людей до смерти, — предложил он. — Вы и не знаете, что можно сделать с помощью всего лишь одной маленькой простынки. Если бы мне платили по пять эре за каждого напуганного до смерти, я бы мог купить себе целую кучу тянучек. Я — лучшее в мире привидение, — добавил Карлссон с сияющими от радости глазами.

Малышу, Кристеру и Гунилле захотелось играть в привидения, но Малыш сказал:

— Все-таки *до смерти* пугать не стоит.

— Только без паники, — ответил Карлссон, — нечего учить лучшее в мире привидение, как ему пугать людей. Я только чуть-чуть напугаю их до смерти, они этого даже не заметят.

Карлссон подошел к кровати Малыша и сдернул с нее простыню.

— Из нее выйдет мировая накидка для привидения.

В письменном столе Малыша он нашел черный мелок и нарисовал на простыне страшное лицо. Потом взял ножницы, и не успел Малыш остановить его, как Карлссон прорезал две дырки для глаз.

— Простыни… дело житейское, — заявил Карлссон. — Ведь привидение должно видеть, а не то оно по ошибке может упорхнуть в Дальнюю Индию или еще куда-нибудь.

Карлссон набросил простыню себе на голову, как плащ с капюшоном, под ней высовывались лишь его толстенькие ручки. Хотя дети знали, что под простыней прячется Карлссон, им стало страшновато, а Йоффа отчаянно залаял. Когда же привидение включило моторчик и принялось кружить вокруг лампы, свисающей с потолка, стало еще страшнее. В самом деле, можно было испугаться.

— Я моторизованное привидение, — сказал Карлссон, — жуткое, но красивое.

Дети стояли молча, со страхом глядя на Карлссона. Йоффа лаял и лаял.

— Собственно говоря, я люблю проноситься с ревом, — сообщил Карлссон. — Но когда играешь в привидение, лучше включить глушитель. Вот так!

И он полетел бесшумно, отчего детям стало еще страшнее.

Теперь оставалось лишь найти кого-нибудь, кого можно испугать.

— Я, пожалуй, буду летать на площадке — кто-

нибудь войдет и ошалеет от страха.

Тут зазвонил телефон, но Малышу не захотелось подходить к нему и снимать трубку. И телефон продолжал звонить.

Карлссон начал вздыхать и стонать. Он утверждал, что от привидения, которое не умеет вздыхать и стонать, толку мало, это первое, чему оно должно научиться на курсах привидений.

Когда они наконец перебрались в прихожую, чтобы выйти на лестничную площадку, внезапно послышалось, как кто-то скребется во входную дверь. Вначале Малыш подумал, что это папа с мамой уже вернулись домой. Но тут он увидел, что сквозь щель для писем просунулась длинная стальная проволока. Малыш вдруг вспомнил, как папа читал им газету вслух, где говорилось, что в городе орудуют квартирные воры. Они идут на разные хитрости, например звонят по телефону, чтобы узнать, дома ли хозяева. Если ответа нет, они быстренько направляются к этой квартире, ковыряются в замке, отпирают дверь, входят и крадут все ценное.

Малыш понял, что это лезут воры, и очень испугался. Кристер с Гуниллой тоже перепугались. Кристер запер Иоффу в комнате Малыша, чтобы собака не мешала им играть в привидение, и

теперь горько пожалел об этом.

Не испугался лишь Карлссон.

— Только без паники, — шепнул он. — В таких случаях привидение просто находка. Пошли потихоньку к вам в гостиную. Ведь, наверное, твой папа там хранит золотые слитки и бриллианты, — добавил Карлссон, обращаясь к Малышу.

Карлссон, Малыш, Гунилла и Кристер тихо, осторожно прокрались в гостиную и притаились за диваном. Карлссон забрался в красивый старинный шкаф, где мама хранила белье, и прикрыл как мог за собой дверцу. Едва он успел спрятаться, как воры уже вошли на цыпочках в комнату. Малыш, лежа за диваном возле камина, осторожно выглянул. Два страшных дядьки стояли посреди комнаты. И надо же, это были те самые Филле и Рулле!

— Ха! Начнем вот с этих королевских драгоценностей, — сказал Филле хриплым голосом.

— Ясное дело, с тех, что лежат вон там, — согласился Рулле и указал на старинный секретер с множеством маленьких ящичков.

Малыш знал, что в одном из ящичков мама хранила деньги на хозяйство, а еще в одном — красивое дорогое кольцо и брошку, подаренную бабушкой. Там лежала и папина золотая медаль,

которую он получил за первое место по стрельбе в цель. «Неужели воры заберут все это?» — с ужасом подумал Малыш и чуть было не заплакал в своем укрытии.

— Ты займись секретером, — велел Филле. — А я пойду в кухню и погляжу, может, там есть серебряные ложки.

Филле исчез, а Рулле принялся вытаскивать ящички, посвистывая от удовольствия. «Ну вот, он нашел, наверное, деньги на хозяйство», — подумал Малыш и вовсе расстроился.

Рулле выдвинул еще один ящичек и снова засвистел: нашел кольцо и брошь.

Но больше свистеть ему не пришлось. Потому что из шкафа вылетело с легким угрожающим стоном привидение. А Рулле, обернувшись и увидев привидение, издал вместо свиста какой-то хрип и выронил все, что взял, — и деньги, и кольцо, и брошку. Привидение полетало вокруг него, издавая стоны, а потом вдруг понеслось на кухню. Секунду спустя оттуда прибежал Филле, бледный как смерть, и заорал:

— Пулле! Ривидение!

Он хотел сказать «Рулле! Привидение!», но от страха у него вышло: «Пулле! Ривидение!» Неудивительно, что он испугался, ведь привидение

прямо-таки налетало на них с ужасными стонами и вздохами. Рулле и Филле бросились к двери и выбежали в прихожую, а привидение погналось за ними, хлопая своим одеянием. Выскочив из квартиры, воры помчались вниз по лестнице, а привидение преследовало их, крича им вслед зловещим загробным голосом:

— Только без паники! Сейчас я догоню вас, вот будет потеха!

Но под конец привидение устало и вернулось в гостиную.

— Карлссон, который живет на крыше, лучшее в мире привидение, — заявило чудище, снимая свой маскарадный костюм.

Дети смеялись от радости, а Карлссон добавил:

— Привидение — лучшее средство от воров. Если бы люди это знали, они привязали бы по привидению к каждому сейфу у нас в городе.

Мамины деньги на хозяйство, кольцо и брошка были спасены. Малыш радостно запрыгал и сказал:

— Надо же, до чего люди глупые. Верят в привидения! Ведь на свете нет ничего сверхъестественного, мне папа говорил.

Он кивнул для убедительности и добавил:

— А эти воры! Они подумали, дураки, что из

шкафа вылетело привидение. А это обыкновенный Карлссон, который живет на крыше, и ничего сверхъестественного.

КАРЛССОН — ФОКУСНИК

На другое утро к маме в кухню протопала босиком маленькая заспанная растрепанная личность в полосатой голубой пижаме. Буссе и Беттан уже ушли в школу, а папа отправился в контору. Малышу, к счастью, нужно было уходить чуть попозже, и он радовался, что можно хоть немного побыть утром вдвоем с мамой.

Хотя Малыш был уже большой и ходил в школу, он любил забираться к маме на колени, когда этого никто не видел. Такое удовольствие сидеть спокойно и болтать, пока никто не мешает, петь друг другу песенки и рассказывать сказки.

Мама читала газету за кухонным столом и пила кофе. Малыш, ни слова не говоря, забрался к маме на колени и прильнул к ней, а она обняла его и держала, покуда он не проснулся, хорошенько.

Накануне вечером мама с папой вернулись довольно поздно, Малыш уже спал. Во сне он сбросил одеяло, и мама, укутывая его, заметила на простыне две ужасные дырки. К тому же простыня была запачкана черным мелком. «Неудивительно, что Малыш поспешил уснуть», — подумала мама. Но теперь, держа

провинившегося сына на коленях, она решила, что не отпустит его, не получив объяснения.

— Послушай, Малыш, — сказала она, — скажи-ка мне, кто это продырявил твою простынку? Только не вздумай сваливать все на Карлссона, который живет на крыше!

Малыш молчал, напряженно думая, что ответить. Ведь это в самом деле сделал Карлссон, который живет на крыше, но говорить об этом было нельзя. Лучше уж и про воров не рассказывать, все равно мама и этому не поверит!

— Ну, отвечай же! — сказала мама, не получив ответа.

— Может, ты лучше спросишь Гуниллу? — схитрил Малыш, мол, пусть она расскажет маме всю правду, ей-то мама поверит.

«Вот как, значит, это Гунилла изрезала простыню», — подумала мама. Она решила, что сын все-таки хороший мальчик, не ябеда, он хочет, чтобы Гунилла сама рассказала про то, что натворила. Мама прижала его к себе. Нет, сейчас она не будет больше расспрашивать про простыню. А вот у Гуниллы, как только увидит ее, она немедленно потребует объяснения.

— Ты ведь очень любишь Гуниллу, правда? — спросил она.

— Вообще-то да… — ответил Малыш.

Мама начала снова проглядывать газету краешком глаза, а Малыш молча сидел у нее на коленях и думал. Кого он, собственно говоря, любит? Больше всех маму… потом папу. Буссе и Беттан он тоже любит иногда, даже почти всегда… особенно Буссе. Но иной раз он до того на них злится, что готов лопнуть от злости! И Карлссона, который живет на крыше, любит. И Гуниллу тоже… довольно сильно. Может, он женится на ней, когда вырастет. Ведь жениться всем приходится, хочешь не хочешь. Хотя ему, ясное дело, хотелось бы лучше жениться на маме… Но так, наверно, не бывает. И тут Малышу в голову пришла мысль, от которой ему стало не по себе.

— Мама, а если Буссе умрет, когда вырастет, тогда я должен буду жениться на его жене?

Удивленная мама поставила кофейную чашку на блюдечко.

— Ты что это еще выдумал?

Похоже, ей хотелось рассмеяться, и Малыш испугался: а вдруг он сказал что-то глупое? Он не хотел продолжать разговор на эту тему. Но мама настаивала:

— Почему ты так решил?

— Потому что мне достался старый велосипед

Буссе. И его старые лыжи… и еще его коньки, на которых он катался, когда ему было столько лет, сколько мне сейчас… и его старая пижама, и кроссовки, и все-все.

— Но его старая жена тебе не достанется, уж это я тебе обещаю, — сказала мама и засмеялась.

— Может, тогда я могу на тебе жениться? — спросил Малыш.

— Не знаю, получится ли это, ведь я уже замужем за папой.

Да, против этого возразить было нечего…

— Вот неудача, — недовольно сказал Малыш, — надо же было нам с папой влюбиться в одну и ту же.

Мама снова засмеялась и ответила:

— Нет, знаешь, а мне это очень даже нравится.

— А раз так, — заявил Малыш, — придется мне жениться на Гунилле. Ведь на ком-то я должен жениться.

Он подумал и решил, что жить вместе с Гуниллой ему вовсе не хочется. Иногда она бывает такой вредной! И к тому же он хочет жить с мамой, папой, Буссе и Беттан. Жену ему заводить не очень-то хотелось.

— Я бы лучше завел собаку, чем жену, — сказал Малыш. — Мама, можно мне завести собаку?

Мама вздохнула. Вот тебе на, опять он за свое, подавай ему эту распрекрасную собаку! Это ей надоело не меньше, чем болтовня про Карлссона, который живет на крыше.

— Ну, Малыш, тебе, по-моему, пора идти одеваться. А не то опоздаешь в школу.

— Вот так всегда, — сердито ответил Малыш, — стоит мне попросить собаку, как ты сразу затеваешь разговор про школу!

Но на этот раз идти в школу было весело, ведь ему было о чем поговорить с Гуниллой и Кристером. Домой они тоже, как всегда, шли вместе, но ему с ними давно не было так хорошо — теперь Гунилла и Кристер тоже знали про Карлссона.

— Он такой забавный, — сказала Гунилла. — Ты думаешь, он сегодня тоже явится?

— Не знаю, — ответил Малыш, — он всегда говорит только приблизительно, а это значит, когда угодно.

— Я надеюсь, он прилетит *приблизительно* сегодня, — сказал Кристер. — Мы с Гуниллой пойдем к тебе домой, можно?

— Ясное дело, можно.

Нашелся еще кое-кто, пожелавший пойти с ними. Когда дети переходили улицу, к Малышу

пристал маленький черный пудель. Он обнюхал его коленку и дружелюбно тявкнул.

— Поглядите-ка, какой симпатяга! — с восторгом воскликнул Малыш. — Видно, он боится один переходить через дорогу и хочет идти с нами.

Малыш был бы рад перевести щенка хоть через все дороги. А щенок, видно, это чувствовал и топал по мостовой, тесно прижимаясь к ногам Малыша.

— Какой хорошенький, — сказала Гунилла. — Иди сюда, песик!

— Нет, он хочет идти со мной, — возразил Малыш и ласково похлопал щенка, — он меня полюбил.

— Меня он тоже полюбил, ясно? — ответила Гунилла.

Казалось, щенок любит всех на свете, лишь бы любили его. И Малыш полюбил его, ах как сильно он его полюбил! Он нагибался к нему, гладил его, называл ласковыми именами, говорил, что щенок — самый-пресамый славный-преславный на свете. Щенок махал хвостом, и похоже было, что соглашался с Малышом. Он весело тявкал, а когда дети свернули на свою улицу, потрусил за ними.

В голову Малыша закралась безумная надежда.

— Может, ему негде жить? — воскликнул он. —

Может, у него нет хозяина?

— Ясное дело, есть, — не соглашался Кристер.

— А ты молчи, — огрызнулся Малыш. — Ты почем знаешь?

Ведь у Кристера был Йоффа, разве он мог понять, что значит не иметь собаки, совсем никакой собаки!

— Иди ко мне, песик! — позвал Малыш, все больше уверяясь в том, что хозяина у щенка нет.

— Смотри, чтобы он не увязался за тобой! — сказал Кристер.

— Пусть увязывается, — ответил Малыш. — Я и хочу, чтобы он пошел ко мне.

И щенок пошел за ним. До самого подъезда. Потом Малыш взял его на руки и понес по лестнице.

— Попрошу у мамы, чтобы он остался у нас! — воскликнул он.

Но мамы дома не оказалось. На кухонном столе лежала записка. В ней говорилось, что мама внизу, в прачечной. Мол, если Малышу что-нибудь понадобится, пусть спустится к ней.

Щенок ракетой помчался в комнату Малыша, а Малыш, Гунилла и Кристер помчались за ним. Малыш был сам не свой от радости:

— Он хочет жить у меня!

Вдруг послышалось жужжание, и в окно влетел Карлссон, который живет на крыше.

— Хейсан-хоппсан! — крикнул он. — Никак вы его выстирали, что он так съежился?

— Разве ты не видишь, что это вовсе не Йоффа? — возмутился Малыш. — Это моя собака.

— Вовсе не твоя, — сказал Кристер.

— А у тебя нет собаки, — поддразнила Карлссона Гунилла.

— Да у меня… у меня их целая свора, не меньше тысячи, — ответил Карлссон. — Лучший в мире ухаживальщик за собаками…

— Я не видел у тебя никаких собак, — перебил его Малыш.

— Так они улетели, — объяснил Карлссон. — Я держу летающих собак.

Но Малыш не обратил внимания на слова Карлссона. Ведь даже целая тысяча летающих собак — ерунда в сравнении с этим славным щенком.

— Мне кажется, у него нет хозяина, — повторил Малыш.

Гунилла наклонилась над щенком.

— Во всяком случае, у него на ошейнике написано «Альберг», — объяснила она.

— Теперь тебе ясно, кто его хозяин? — спросил

Кристер.

— А может, этот Альберг уже умер, — ответил Малыш.

Тут ему в голову пришла счастливая мысль.

— А может, это *щенка* зовут Альберг! — сказал он и умоляюще посмотрел на Кристера с Гунилой. А те ехидно засмеялись.

— Да у меня несколько собак по кличке Альберг, — заявил Карлссон. — Хейсан-хоппсан, Альберг!

Щенок подпрыгнул и весело залаял.

— Что, видели? Он сам знает, что его зовут Альберг. Ко мне, Альберг, миленький!

Гунилла взяла щенка на руки.

— На ошейнике у него есть номер телефона, — безжалостно заявила она.

— У этого песика есть свой телефон, — пояснял Карлссон. — Скажи ему, пусть позвонит домой хозяйке и скажет, что заблудился. Мои собаки всегда так делают, когда заблудятся.

Он похлопал щенка маленькой пухлой ручкой.

— Вот совсем недавно одна из моих собак по кличке Альберг заблудилась и позвонила домой, чтобы сообщить об этом. Да только телефонный аппарат был не в порядке, и она попала не домой, а к старой майорше, что живет на Кунг-

схольмене[5]. Та услышала, что звонит собака, и ответила: «Вы ошиблись номером». — «А чего тогда отвечаете?..» — рассердился Альберг — ведь он умный пес.

Малыш не слушал Карлссона. Сейчас его интересовал только щенок. Даже когда Карлссон заявил, что не прочь попроказничать, он не обратил на это внимания. Тогда Карлссон выпятил нижнюю губу и сказал:

— Раз так, я с тобой не играю. Ты только и знаешь, что возиться со щенком. Мне ведь тоже хочется позабавиться!

И Кристер с Гуниллой с ним согласились.

— Мы могли бы устроить представление фокусника, — предложил Карлссон, перестав дуться. — Угадайте, кто лучший в мире фокусник?

Малыш, Гунилла и Кристер сразу догадались, что это именно Карлссон.

— Тогда решено, устроим представление! — объявил Карлссон.

— Давайте, — согласились дети.

— И билет будет стоить одну тянучку, идет? — предложил Карлссон.

— Идет, — ответили дети.

---

[5] Примечания: 5

Остров Кунгсхольмен — один из центральных районов Стокгольма.

— А тянучки эти пускай пойдут на благотворительные цели. Решено? — добавил Карлссон.

— Ладно, — сказали дети без восторга.

— У нас есть только одна действительно благотворительная цель: отдать их Карлссону, который живет на крыше.

Дети поглядели друг на друга.

— Вообще-то я не знаю… — начал было Кристер.

— Давайте соглашайтесь, — закричал Карлссон, — а не то я с вами не играю!

И они согласились отдать все тянучки Карлссону.

Кристер и Гунилла пошли на улицу и рассказали всем ребятам, что дома у Малыша будет представление фокусника. И все дети, у кого нашлось хотя бы пять эре карманных денег, побежали в магазин покупать «входные» тянучки.

У дверей в комнату Малыша стояла Гунилла. Дети отдавали ей каждый по тянучке, а она складывала их в коробочку с надписью: «На благотворительные цели».

Кристер поставил стулья в ряд посреди комнаты. Один угол был завешен одеялом, и оттуда слышалась какая-то возня и собачий лай.

— Ну что там они нам покажут! — сказал

мальчик, которого звали Кирре. — Конечно, какую-нибудь ерунду. Тогда я возьму назад свою тянучку.

Малыш, Гунилла и Кристер не любили Кирре, этого воображалу.

Но вот из-за одеяла-занавеса вышел Малыш. На руках он держал маленького щенка.

— Сейчас перед вами выступит лучший в мире фокусник и веселый пес по кличке Альберг, — объявил он.

— Так и есть, лучший в мире фокусник, — послышался голос за занавесом, и к публике вышел Карлссон.

На голове у него была шляпа папы Малыша с высокой тульей, а на плечах — мамин передник, завязанный под подбородком нарядным бантом. Передник он накинул вместо мантии, в какой выступают фокусники.

Все, кроме Кирре, захлопали в ладоши. Карлссон раскланялся, очень довольный. Потом он снял высокую шляпу и показал, что она пустая, как всегда делают фокусники.

— Пожалуйста, посмотрите, господа, в ней ничего, абсолютно ничего!

«Сейчас он вытащит кролика из шляпы, — подумал Малыш, ведь однажды он видел, как

фокусник проделал такой номер. — Вот будет здорово, если Карлссон сейчас вытащит кролика».

— Как говорится… здесь ничего нет, — мрачно повторил Карлссон, — и ничего не будет, если, конечно, вы туда что-нибудь не положите… — добавил он. — Я вижу, здесь сидит целая толпа прожорливых детей и ест тянучки. А сейчас мы пустим шляпу по кругу, чтобы каждый положил в нее по тянучке. И они пойдут на очень благотворительную цель.

Малыш обошел детей со шляпой, и там быстрехонько выросла кучка тянучек. Потом он отдал шляпу Карлссону, который встряхнул ее и сказал:

— Они порядком бренчат. А если бы шляпа была полная, они бы вовсе не бренчали.

Он положил в рот одну тянучку и принялся ее жевать.

— Вкус у них в самом деле благотворительный, — заметил он, продолжая жевать с довольным видом.

Кирре не положил в шляпу ни одной тянучки, хотя у него их был целый мешочек.

— Так вот, мои друзья… и Кирре, — сказал Карлссон, — перед вами умный песик Альберг. Он умеет все: звонить по телефону, летать, печь

булочки, разговаривать, поднимать лапу… одним словом… все!

И тут пуделек в самом деле поднял заднюю лапу на стул, на котором сидел Кирре, и на пол натекла маленькая лужица.

— Вы видите, что я не преувеличиваю, — это пес в самом деле умеет делать все!

— Тоже мне! — сказал Кирре и отодвинул свой стул от лужицы. — Это умеет делать каждая псина. Пусть-ка он лучше поговорит, это будет потруднее, ха-ха!

Карлссон повернулся к щенку:

— Так тебе трудно разговаривать, Альберг?

— Вовсе нет, — ответил Альберг, — трудно только, если я в это время курю сигару.

Малыш, Гунилла и Кристер прямо-таки подпрыгнули от изумления, — казалось, в самом деле говорит собака. Но Малыш подумал, что это все же проделки Карлссона. И пожалуй, даже решил, что это хорошо, ведь ему хотелось иметь обыкновенную собаку, а не говорящую,

— Милый Альберг, — продолжал Карлссон, — не расскажешь ли ты нашим друзьям… и Кирре… какую-нибудь историю из собачьей жизни?

— С удовольствием, — ответил Альберг. — Както недавно вечерком был я в кино, — начал он,

игриво прыгая вокруг Карлссона.

— Вот как, ты был в кино? — спросил Карлссон.

— Да, и рядом со мной на одной скамейке сидели две блохи.

— В самом деле? — удивился Карлссон.

— Да, а когда мы после вышли на улицу, одна из этих блох спросила другую: «Мы что — пойдем домой *пешком* или поедем на собаке?»

Представление понравилось всем детям, хотя фокусов в нем было маловато. Один Кирре сидел со скучающим видом.

— Скажи ему, пусть испечет булочки, — насмешливо сказал он.

— Не испечешь ли ты несколько булочек, Альберг? — попросил Карлссон.

Альберг зевнул и улегся на пол.

— Нет, не могу, — ответил он.

— Ха-ха! Так я и думал, — сказал Кирре.

— Не могу, потому что у меня дома нет дрожжей, — объяснил Альберг.

Всем детям понравился Альберг. Один только Кирре продолжал задаваться.

— Тогда пусть он полетает, — велел он, — на это дрожжей не надо.

— Полетать-то я могу, пожалуйста! Но обещал

своей маме никогда не летать в одиночку.

— Тогда иди ко мне, дорогой Альберг! — сказал Карлссон и взял щенка на руки. Секунду спустя Карлссон с Альбергом полетели. Вначале они поднялись к потолку, сделал пару витков вокруг лампы и вылетели в окно. Тут даже Кирре побледнел от удивления.

Все ребята бросились к окну поглядеть, как Карлссон и Альберг парят над крышами. А Малыш в отчаянии закричал:

— Карлссон, Карлссон, возвращайся с моей собакой!

Карлссон так и сделал. Он скоро вернулся и поставил Альберга на пол. Альберг встряхнулся, вид у него был очень удивленный, можно было подумать, что это первый полет в его жизни.

— Ну вот, на сегодня все, больше нам нечего вам предложить, — сказал Карлссон. — А у тебя есть, — обратился он к Кирре, слегка подтолкнув его.

Кирре понял, что он имеет в виду.

— Тянучки, — напомнил Карлссон.

Кирре взял свой мешочек и отдал его целиком Карлссону, правда, сначала взял себе одну тянучку.

— Ну и прожорлив ты, парень, — сказал

Карлссон и огляделся.

— А где коробка с благотворительными целями? — спросил он.

Гунилла принесла коробку. Она надеялась, что Карлссон, получив так много тянучек, теперь угостит ее. Но он даже не подумал. Он взял коробку и жадно пересчитал тянучки.

— Пятнадцать. Хватит на ужин! — воскликнул он. — Хейсан-хоппсан, мне пора отправляться домой ужинать.

И он вылетел в окно.

Детям было пора идти домой. Гунилле и Кристеру тоже. Малыш и Альберг остались одни, чему Малыш был очень рад. Он сел, взял щенка на руки и стал что-то шептать ему. А щенок, полизав ему лицо, уснул и тихо засопел во сне.

Потом пришла мама из прачечной, и вся история с собакой кончилась очень печально. Она не поверила, что у Альберга нет дома, позвонила по телефону, прочитав номер на ошейнике, и рассказала, что ее сын принес домой маленького черного пуделя.

Малыш стоял рядом с телефоном, держа щенка на руках, и не переставая шептал:

— Добрый Боженька, сделай так, чтобы это была не их собака.

Но это была *их* собака.

— Мой дорогой, — сказала мама, положив трубку, — хозяин Бобби — мальчик, которого зовут Стаффан Альберг.

— Бобби? — спросил Малыш.

— Да, так зовут этого щенка. Стаффан плакал целый день. Он придет за Бобби в семь часов.

Малыш промолчал, но лицо его побледнело, а глаза заблестели. Он обнял щенка и прошептал ему в ухо, так чтобы мама не услышала:

— Милый Альберг, я хочу, чтобы ты был моей собакой.

Но в семь часов пришел Стаффан Альберг и забрал своего щенка. А Малыш лег на диван и заплакал так горько, что, казалось, сердце у него вот-вот разорвется.

КАРЛССОН ИДЕТ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Наступило лето, занятия в школе окончились, и Малышу предстояло ехать к бабушке. Но сначала должно было произойти очень важное событие: Малышу исполнялось восемь лет. Ах, как долго он ждал этот день рождения… почти с того самого дня, когда ему исполнилось семь! Просто удивительно, как медленно тянется время между днями рождения, почти так же медленно, как между рождественскими праздниками!

Вечером накануне дня рождения у него был разговор с Карлссоном.

— У меня завтра день рождения, — сказал Малыш. — Придут Гунилла и Кристер, в моей комнате накроют стол…

Малыш замолчал с мрачным видом.

— Я бы с удовольствием пригласил и тебя, — добавил он, — да только…

Ведь мама была сердита на Карлссона, который живет на крыше. Бесполезно было просить у нее разрешения пригласить Карлссона на праздник.

Но Карлссон надулся хуже обычного.

— Раз меня не зовут, я с вами не играю, — заявил он, — ведь *мне* тоже охота повеселиться!

— Да, да, да, *приходи,* — торопливо сказал Малыш.

Он решил поговорить с мамой и настоять на своем.

— И что мы будем есть? — поинтересовался Карлссон, перестав дуться.

— Во-первых, торт, — ответил Малыш. — Будет торт, а на нем восемь свечек.

— Вот как, — удивился Карлссон, — а у меня есть предложение!

— Какое? — спросил Малыш.

— Ты не можешь попросить маму принести вместо этого восемь тортов и одну свечку?

Но Малыш ответил, что мама вряд ли согласится.

— А подарки тебе подарят хорошие? — спросил Карлссон.

— Не знаю, — сказал Малыш и вздохнул.

Он-то знал, что ему хочется получить больше всего на свете. Но это ему не подарят.

— Собаку мне не подарят ни за что на свете, — продолжал он. — Но других подарков мне, ясное дело, принесут целую кучу. И я все равно буду веселиться и не думать про собаку, это я уже решил.

— Так ведь у тебя есть я, а я — куда лучше, чем

собака!

Он склонил голову набок и посмотрел на Малыша.

— А вдруг тебе подарят тянучки? Тогда, я думаю, они сразу пойдут на благотворительные цели!

— Ладно, если мне подарят мешочек тянучек, я отдам его тебе.

Для Карлссона он был готов сделать все, тем более что теперь им предстояло расставание.

— Знаешь, Карлссон, послезавтра я поеду к бабушке и останусь у нее на все лето, — сообщил Малыш.

Карлссон сначала нахмурился, но потом с важностью сказал:

— Я тоже поеду к своей настоящей бабушке. Вот у меня бабушка — так бабушка. Она куда настоящее, чем твоя.

— А где живет твоя бабушка? — спросил Малыш.

— Понятно, в доме. А что, ты подумал, будто она бегает по улице все ночи напролет?

Но времени обсуждать бабушку Карлссона и подарки на день рождения Малыша у них уже не оставалось — час был поздний, пора Малышу ложиться спать, чтобы успеть вовремя проснуться в свой день рождения.

Малыш лежал и ждал, что дверь вот-вот откроется и все войдут к нему с подносом, а на подносе подарки и все такое прочее… Он просто умирал от нетерпения.

Но вот они подошли к его двери и запели «Живи сто лет», дверь распахнулась, и в комнату вошли все: мама, папа, Буссе и Беттан.

Малыш сел в постели и выпрямился. Глаза его сияли.

— Позволь нам, милый Малыш, поздравить тебя, — сказала мама.

И все сказали ему: «Позволь нам поздравить». На подносе красовался торт с восемью свечками и лежали подарки.

Много подарков. Правда, не столько, сколько он всегда получал на день рождения. На подносе лежало всего четыре пакета, считай не считай. Но папа сказал:

— Сегодня ты получишь еще и другие подарки. Не обязательно получать утром все сразу.

Малыш обрадовался этим четырем подаркам, была коробка с красками, игрушечный револьвер, книга и новые джинсы, и все это ему очень понравилось. Какие они все хорошие — мама с папой, и Буссе, и Беттан. Ни у кого нет таких добрых мамы с папой, брата и сестры!

Он выстрелил несколько раз из револьвера-хлопушки, здорово хлопало! А вся семья сидела у него на краю кровати, слушала и смотрела. Ах, как он был доволен!

— Подумать только, что прошло уже целых восемь лет с тех пор, как появился этот карапуз.

— Да, как время бежит! — подхватила мама. — Помнишь, какой дождь лил в этот день в Стокгольме?

— Мама, а я родился здесь, в Стокгольме? — спросил Малыш.

— Конечно, здесь, — отвечала мама.

— А Буссе и Беттан в Мальме?

— Да, в Мальме.

— А ты, папа, говорил, что родился в Гётеборге?

— Да, я гётеборгский парень.

— А где родилась мама?

— В Эскильстуне.

Малыш крепко обхватил ее шею руками.

— Здорово нам повезло, что мы все здесь встретились!

И они с ним согласились. И снова спели: «Живи сто лет», а Малыш снова пострелял из револьвера, и выстрелы снова прогремели отлично.

Так он стрелял до самого праздничного обеда.

Но не раз вспоминал он папины слова: «Позднее будут еще подарки». Короткое счастливое мгновение он думал, что, может быть, случится чудо и ему подарят собаку, но тут же понял: это невозможно. Малыш ругал себя за эти глупые мысли, ведь он решил весь день рождения не мечтать о собаке, не расстраиваться, а радоваться.

И Малыш *радовался*. Во второй половине дня мама принялась у него в комнате накрывать на стол. Поставила большущий букет цветов и красивые розовые чашки, три штуки.

— Мама, — сказал Малыш, — а нужно четыре чашки.

— Это зачем? — удивилась мама.

Малыш судорожно глотнул. Придется сказать, что он пригласил Карлссона, хотя знал, что маме это наверняка не понравится.

— Карлссон, который живет на крыше, тоже придет, — ответил Малыш и посмотрел маме прямо в глаза.

— О-о-о! — воскликнула мама. — О-о-о! Ну пусть придет, ведь сегодня твой день рождения.

Она похлопала Малыша по белобрысой макушке.

— Какие детские выдумки у тебя, Малыш. Даже не верится, что тебе исполнилось восемь… Сколь-

ко же тебе лет на самом деле?

— Я — мужчина в цвете лет, — с достоинством ответил Малыш. — И Карлссон тоже.

Время в день рождения ползло медленно, как улитка. Дело уже шло к вечеру, а новых подарков все не несли.

Под конец он все же получил один подарок. Буссе и Беттан, у которых каникулы еще не начались, пришли домой из школы и заперлись в комнате Буссе. Малыша они туда не пускали. Он слышал, как они там хихикали и шуршали бумагой. Малыш готов был просто лопнуть от любопытства.

Наконец они вышли, и Беттан со смехом протянула ему пакет. Малыш до того обрадовался, что хотел тут же разорвать бумагу, но Буссе сказал:

— Сначала прочти стишок, который приложен к подарку.

Они написали стишок крупными буквами, чтобы Малыш сам смог прочитать его. И он прочитал:

О собаке ты мечтал,
В доме всем надоедал.
А твои сестра и брат
Лишь добра тебе хотят.

Вот тебе отличный зверь,
Будешь нас любить теперь?
Мягкий плюшевый щенок
Сядет тихо в уголок,
Он послушен и умен,
На ковре не гадит он.

Малыш стоял молча, не двигаясь.

— Теперь разворачивай пакет, — велел ему Буссе.

Но Малыш бросил пакет на пол, из глаз у него брызнули слезы.

— Да что с тобой, Малыш? — воскликнула Беттан.

— Чего ты расстроился? — с огорчением прибавил Буссе.

— Прости нас, пойми, мы хотели только пошутить, — сказала Беттан, обнимая Малыша.

Малыш сердито оттолкнул ее. По его щекам текли слезы.

— Вы ведь знали, — крикнул он, всхлипывая, — что я хочу живую собаку, так и нечего дразниться!

Он помчался в свою комнату и бросился на кровать. Буссе и Беттан пошли за ним, прибежала мама. Но Малыш не обращал на них внимания.

Он весь трясся от рыданий. День рождения был совершенно испорчен. Ведь он решил веселиться, даже если не получит собаку, но когда они всучили ему плюшевого щенка… Когда Малыш подумал об этом, всхлипывания перешли в стоны. Он уткнулся лицом глубже в подушку. Расстроенная мама, Буссе и Беттан стояли у его постели.

— Я должна позвонить папе и попросить его прийти с работы пораньше, — решила мама.

Малыш продолжал плакать… Ну и что, если папа придет домой? Все было плохо, день рождения окончательно испорчен, ничего уже не поправить.

Малыш слышал, как мама звонила по телефону… но продолжал плакать. Слышал, как немного погодя вернулся домой папа… а он все плакал. Никогда больше не бывать ему веселым… Лучше бы ему умереть. Пусть тогда Буссе и Беттан берут себе плюшевого щенка и помнят всю жизнь, как они обидели своего младшего брата в день его рождения, когда он был еще жив.

И вдруг они все снова столпились возле его постели: папа, мама, Буссе и Беттан. Он еще глубже зарылся лицом в подушку.

— Послушай, Малыш, — сказал папа, — тебя кто-то ждет в прихожей.

Малыш не отвечал, и папа потряс его за плечо:

— Ты не слышишь? В прихожей тебя ждет маленький добрый друг.

— Гунилла и Кристер! — сердито пробормотал Малыш.

— Вовсе нет, кто-то, кого зовут Бимбо.

— Я не знаю никакого Бимбо! — разозлился Малыш.

— Вполне возможно, — сказала мама, — но он очень хочет с тобой познакомиться.

И тут из прихожей донесся отрывистый собачий лай.

Малыш изо всех сил вцепился в подушку… нет, хватит выдумывать всякие небылицы!

Но тявканье послышалось снова.

— Никак это собака? *Живая* собака?

— Да, это твоя собака, — сказал папа.

Буссе помчался в прихожую, но секунду спустя вернулся, держа на руках… Нет, такого быть не могло!.. На руках он держал маленького щенка — жесткошерстную таксу.

— Это моя *живая* собака? — прошептал Малыш.

Он протянул руки к Бимбо, а в глазах у него все еще стояли слезы: казалось, Малыш ожидал, что щенок вот-вот может испариться, исчезнуть.

Но Бимбо не исчезал. Бимбо сидел у него на руках, лизал ему лицо, ласково теребил лапами его уши. Это была самая настоящая живая собака.

— Ну, теперь ты доволен, Малыш? — спросил папа.

Малыш вздохнул. И зачем только папа спрашивает! Он до того рад, что у него даже болело где-то не то в душе, не то в животе, ну, где всегда болит, когда сильно радуешься.

— Понимаешь, Малыш, плюшевую собачку мы купили, чтобы Бимбо с ней играл, — сказала Беттан. — Мы не хотели дразнить тебя… ну, не очень, — добавила она.

Малыш им все простил. Впрочем, он почти не слышал ее слов. Ведь он разговаривал с Бимбо.

— Бимбо, маленький мой, ты мой песик.

Потом он заявил маме:

— Знаешь, по-моему, Бимбо даже красивее Альберга. Ведь жесткошерстные таксы самые прекрасные собаки на свете.

И тут он вспомнил, что в любую минуту могут прийти Гунилла с Кристером. Ой-ой-ой! Он даже не мог понять, как сразу много хорошего *может* случиться в один день. Подумать только, сейчас они увидят, что у него есть собака, которая *в самом деле* принадлежит ему, самая, самая, самая

красивая на свете.

Но вдруг он забеспокоился:

— Мама, а мне можно будет взять с собой собаку, когда я поеду к бабушке?

— Конечно, ты возьмешь ее в поезд вот в этой маленькой корзинке, — мама показала на собачью корзинку, которую Буссе принес из прихожей.

— О-о-о…х! — воскликнул Малыш. — О-о-о…х!

И как раз в эту секунду зазвонил дверной звонок. Вошли Гунилла и Кристер. Малыш бросился к ним с криком:

— А мне подарили собаку! Теперь это моя собственная собака!

— Надо же, какой хорошенький песик! — воскликнула Гунилла. Но тут же вспомнила, что надо сказать и добавила: — Имею честь поздравить! Вот тебе от Кристера и от меня.

Она протянула ему мешочек тянучек, а после бросилась к Бимбо и снова воскликнула:

— Ой, до чего же хорошенький!

Малышу было приятно это слышать.

— Почти такой же хорошенький, как Йоффа, — сказал Кристер.

— Пожалуй, даже еще красивее. Даже красивее Альберга.

— Да, намного лучше Альберга, — согласился Кристер.

Малыш решил, что оба они, и Гунилла, и Кристер, очень славные, и пригласил их к праздничному столу.

Мама уже успела расставить на столе целую горку маленьких бутербродов с ветчиной и сыром и кучу печенья. А на середине стола стоял торт, на нем горело восемь свечей.

Мама принесла из кухни большой термос с какао и тут же стала наполнять чашки.

— А разве мы не будем ждать Карлссона? — осторожно спросил Малыш.

Мама покачала головой:

— Знаешь, я думаю, теперь нам твой Карлссон ни к чему. Я думаю, он больше к нам не явится, я почти уверена в этом. Ведь теперь у нас есть Бимбо.

Да, теперь у него был Бимбо… но из-за этого Малышу даже еще больше хотелось, чтобы Карлссон был с ними на празднике!

Гунилла и Кристер сели за стол, и мама стала угощать их бутербродами. Малыш положил Бимбо в корзинку и тоже уселся за стол. А мама ушла и оставила детей одних.

Тут Буссе сунул голову в комнату и крикнул:

— Оставь нам с Беттан по кусочку торта!

— Ладно, оставлю, — пообещал Малыш, — хотя вообще-то это несправедливо, ведь вы уплетали торт целых семь-восемь лет еще до того, как я родился.

— Нечего болтать, я желаю съесть большой кусок, — ответил Буссе и закрыл дверь.

Едва дверь за ним закрылась, как послышалось знакомое жужжание и в комнату влетел Карлссон.

— Никак уже начали? Сколько вы успели съесть?

Малыш успокоил его, сказав, что они еще не успели ничего съесть.

— Отлично, — обрадовался Карлссон.

— А ты не хочешь сказать: «Имею честь поздравить...»? — спросила Карлссона Гунилла.

— Да, хочу, имею честь, — пробубнил Карлссон, — где я буду сидеть?

Для Карлссона на столе не было чашки. Заметив это, он насупился и выпятил нижнюю губу.

— Раз такая несправедливость, я не играю. Почему *мне* не поставили чашку?

Малыш поспешил отдать ему свою чашку. Потом он осторожно, на цыпочках, пошел на кухню и принес оттуда еще одну чашку.

— Карлссон, у меня теперь есть собака, — сообщил, вернувшись, Малыш. — Ее зовут Бимбо.

И он показал на спящего в корзине Бимбо.

— Вот как, очень приятно, — ответил Карлссон, — передай-ка мне вон *тот* бутерброд… и *тот*… и *этот!*

— Да, я принес тебе подарок на день рождения. Ведь я же самый добрый на свете, это уж точно.

Он вынул из кармана брюк свисток и протянул его Малышу:

— Этим свистком ты можешь подзывать своего Бимбо. Я тоже подаю сигналы свистком своим собакам, хотя всех моих собак зовут Альберг и они умеют летать.

— Каждую из них зовут Альберг? — удивился Кристер.

— Да, так зовут всю тысячу моих собак. А когда мы начнем резать торт?

— Спасибо, дорогой Карлссон, за свисток, — сказал Малыш. — Вот здорово будет подзывать свистком Бимбо!

— Впрочем, я буду его иногда одалживать у тебя, может, даже часто-часто. А тянучки у тебя есть? — с беспокойством спросил Карлссон.

— Ясное дело, есть. Гунилла с Кристером подарили.

— Они пойдут прямиком на благотворительные цели, — заявил Карлссон. Он схватил мешочек, сунул его в карман и набросился на бутерброды.

Гунилла, Кристер и Малыш поспешили съесть что-нибудь. Хорошо еще, что мама наготовила всего так много.

Мама, папа, Буссе и Беттан сидели в гостиной.

— Слышите, как они там веселятся! — сказала мама. — Ах, как я рада, что у Малыша есть теперь собака. Правда, хлопот с ней не оберешься, но уж тут ничего не поделаешь.

— Теперь он забудет свои глупые фантазии о Карлссоне, который живет на крыше, я уверен, — решил папа.

Из комнаты Малыша доносились смех и болтовня, и мама сказала:

— Давайте пойдем и поглядим на них, они такие хорошенькие, эти малыши!

— Да, пошли взглянем на них, — подхватила Беттан.

И все они — мама, папа, Буссе и Беттан — отправились в комнату к Малышу посмотреть, как пируют гости на его дне рождения.

Дверь открыл папа, но первой вскрикнула мама. Потому что она раньше всех увидела маленького толстенького дяденьку, сидевшего

рядом с Малышом.

Маленького толстенького дяденьку, до ушей измазанного кремом.

— Нет, я сейчас упаду в обморок, — объявила мама.

Папа, Буссе и Беттан стояли молча, вытаращив глаза.

— Видишь, мама, Карлссон все-таки прилетел, — сказал Малыш. — Ах, какой у меня сегодня хороший день рождения!

Маленький толстенький дяденька смахнул крем с физиономии и помахал папе, маме, Буссе и Беттан пухленькой ручкой, так что взбитые сливки брызнули во все стороны.

— Хейсан-хоппсан! — крикнул он. — Вы, понятно, раньше не имели чести знать меня?.. Меня зовут Карлссон, который живет на крыше… Ой, ой, Гунилла, не увлекайся тортом, оставь мне кусочек!

Он схватил Гуниллу за руку, и девочке пришлось отложить лопаточку для торта.

— Никогда еще не встречал такой жадной маленькой девочки, — сказал он и положил себе большущий кусок.

— Карлссон, который живет на крыше, — лучший в мире поедатель торта, — заявил он и

солнечно улыбнулся.

— Пошли отсюда! — шепнула мама.

— Да, лучше не мешать мне, — согласился Карлссон.

— Обещайте мне, — сказал папа, когда они закрыли за собой дверь, — обещайте мне вы все, ты, Буссе, и ты, Беттан, тоже, не говорить об этом *никому*, абсолютно *никому!*

— А почему? — спросил Буссе.

— Да потому, что никто вам не поверит, — ответил папа. — А если поверят, то нас до конца жизни не оставят ни на минуту в покое.

Папа, мама, Буссе и Беттан пообещали никому не рассказывать о странном приятеле Малыша.

И они выполнили обещание. Никто не услышал от них ни слова о Карлссоне. И потому Карлссон продолжает жить в своем маленьком домике, о котором никто не знает, хотя он стоит на обыкновенной крыше обыкновенного дома на самой обыкновенной стокгольмской улице. Карлссон может преспокойно летать где захочет и озорничать сколько угодно, именно этим он и занимается. Ведь он лучший в мире озорник.

Когда все бутерброды, все печенье и весь торт были съедены, когда Гунилла и Кристер ушли домой, а Бимбо уснул, Малыш попрощался с

Карлссоном. Карлссон сидел на жестком козырьке подоконника, готовый взлететь. Занавески медленно колыхались, на улице было тепло, стояло лето.

— Милый, милый Карлссон, это точно, что ты будешь жить на крыше, когда я вернусь от бабушки? — спросил Малыш.

— Спокойно, только без паники! — ответил Карлссон. — Буду, конечно, если только бабушка отпустит меня. Но в этом я не уверен. Ведь она считает меня лучшим в мире внуком.

— И ты тоже так думаешь?

— Ясное дело, а кто же, по-твоему, лучший в мире внук? *Ты* знаешь другого такого? — спросил Карлссон.

Тут он нажал кнопку у себя на животе. Мотор зажужжал.

— Ох, и поедим мы тортов, когда я вернусь! — крикнул Карлссон. — Ведь от них не толстеют! Хейсан-хоппсан, Малыш!

— Хейсан-хоппсан! — прокричал ему в ответ Малыш.

И Карлссон исчез.

А Бимбо лежал в корзиночке рядом с кроватью Малыша и спал. Малыш склонился над ним. Понюхал его. Погладил медленно маленькой

шершавой рукой голову щенка.

— Бимбо, завтра мы поедем к бабушке, — сказал Малыш. — Спокойной ночи, Бимбо! Спи крепко, Бимбо!

КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ, ПРИЛЕТАЕТ ВНОВЬ[6]

Lindgren Astrid. Karlsson på taket flyger igen. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1962

[6] Примечания: 6
Перевод Л. Брауде

КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ, ПРИЛЕТАЕТ ВНОВЬ

Мир так велик, и на свете так много домов. Есть дома большие и маленькие, красивые и уродливые, старые и новые. А еще есть на свете маленький-премаленький домик Карлссона, который живет на крыше. Сам Карлссон думает, что это самый лучший домик на свете и что он как раз впору самому лучшему на свете Карлссону. Точно так же думает Малыш. Малыш — это тот, который живет с мамой и папой, с Буссе и с Беттан в совершенно обыкновенном доме на совершенно обыкновенной улице в Стокгольме. А наверху, на крыше этого дома, как раз за дымовой трубой, — да-да, именно там примостился совсем маленький домик Карлссона, а на табличке у двери написано:

КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ,

-

самый лучший в мире Карлссон.

Может, кому-нибудь покажется удивительным, что кто-то живет на крыше, но только не

Малышу.

— А что в этом удивительного?! — говорит он. — Каждый должен жить там, где хочется.

Мама и папа тоже считают, что каждый должен жить там, где хочется. Но прежде, в самом начале, они не верили, что Карлссон вообще есть на свете. Не верили в это и Буссе и Беттан. Они не желали верить, будто там, наверху, живет маленький толстый дяденька, у которого на спине — пропеллер и который умеет летать.

— Врешь ты все, Малыш, — говорили Буссе и Беттан. — Карлссон — это просто твоя выдумка.

Чтобы проверить, правду ли они говорят, Малыш спросил как-то Карлссона — не выдумка ли он, на что Карлссон ответил:

— Сами они — выдумка.

Мама с папой думали, что Карлссон — что-то вроде мифической личности, ну, такой, какую многие дети создают в своем воображении, когда чувствуют себя одинокими.

— Бедный Малыш, — говорила мама. — Ведь Буссе и Беттан намного старше его и играть ему не с кем. Вот он и придумал этого Карлссона.

— Да, подарить бы ему хотя бы собаку, — говорил папа. — Ведь он так давно мечтал о ней. И стоит появиться собаке, как он тут же забудет

Карлссона.

Вот так и получилось, что малышу подарили Бимбо. Ему подарили Бимбо, который стал только его собственной и больше ничьей собакой. Это произошло в тот самый день, когда Малышу исполнилось восемь лет.

Как раз в тот самый день мама, папа, Буссе и Беттан увидели наконец-то Карлссона. Да, они и вправду его увидели! А произошло это так.

У Малыша в комнате был пир в честь дня его рождения. И он пригласил в гости Кристера с Гуниллой. Они учились в том же классе, что и он. А когда до папы с мамой и до Буссе с Беттан донеслись смех и болтовня из комнаты Малыша, мама сказала:

— Пошли поглядим на них! Они ведь такие хорошенькие!

— Да, конечно, — согласился папа.

И что же увидели папа и мама, Буссе и Беттан, когда заглянули в комнату Малыша!? Кто сидел там за праздничным столом с измазанной сливками физиономией и ел торт так, что чуть не подавился?! Кто, как не маленький толстенький дяденька, который орал во все горло:

— Хейсан-хоппсан, меня зовут Карлссон, который живет на крыше!.. Вы, понятно, раньше не

имели чести знать меня?!

Тут мама чуть не упала в обморок, а папа страшно разнервничался.

— Никому об этом не говорите, — сказал он. — Абсолютно никому!

— Почему же? — спросил Буссе.

И папа объяснил почему:

— Подумайте только, что начнется здесь, в этом доме, если люди узнают про Карлссона!.. Вам-то понятно, что он тут же появится на экране телевизора. На всех лестницах нашего дома мы будем натыкаться на телевизионные установки и фотокамеры, а каждые полчаса здесь начнут появляться по одному фотокорреспонденты, умирающие от желания запечатлеть Карлссона и Малыша. А бедный Малыш превратится в «Мальчика, обнаружившего Карлссона, который живет на крыше»; у нас же никогда не будет больше ни одной свободной минутки.

И мама, и Буссе, и Беттан прекрасно поняли все, что сказал папа, и потому приняли решение никогда никому не рассказывать о Карлссоне.

Случилось так, что Малыш на другой же день должен был уехать к бабушке за город и остаться там на все лето. Он очень этому радовался, но вместе с тем страшно беспокоился за Карлссона.

Ведь за это время Карлссону могло что угодно взбрести в голову. А если он улетит и исчезнет навсегда?

— Милый, добрый Карлссон, ты ведь по-прежнему будешь жить здесь на крыше, когда я вернусь домой от бабушки?! — сказал Малыш.

— Кто его знает, — ответил Карлссон. — Я тоже поеду к своей бабушке. Вот у меня бабушка так бабушка, куда настоящее, чем твоя, а послушать ее, так я — лучший в мире внук. Так что, кто ее знает… надо быть вовсе чокнутой, чтобы отпустить от себя самого лучшего в мире внука, или как по-твоему?

— А где живет твоя бабушка? — спросил Малыш.

— Понятно, в доме, — ответил Карлссон. — А ты думал, будто она бегает по улице все ночи напролет?

Больше Малышу ничего не удалось узнать. А на другой день он уехал к бабушке. Бимбо он взял с собой. До чего же весело было за городом! Малыш целыми днями играл и не так уж часто думал о Карлссоне. Но когда летние каникулы кончились и Малыш вернулся обратно в Стокгольм, он, не успев переступить порог, спросил:

— Мама, а ты случайно не видела Карлссона?

Мама покачала головой:

— Нет, не видела. Наверное, он куда-нибудь переехал.

— Не говори так, — попросил Малыш. — Хочу, чтобы он по-прежнему жил на крыше, он обязательно должен вернуться.

— Но ведь у тебя есть Бимбо, — попыталась утешить сына мама.

Она-то думала: как прекрасно было бы навсегда отделаться от Карлссона. Малыш погладил Бимбо:

— Да, конечно. И он такой славный! Но у него нет пропеллера, и он не может летать, да и с Карлссоном играть гораздо лучше.

Малыш побежал в свою комнату и открыл окно.

— Карлссон, ты там, наверху? — как можно громче закричал он.

Но ответа так и не получил. А назавтра Малыш снова пошел в школу. Теперь он ходил уже во второй класс. Потом, каждый день после обеда, он, сидя у себя в комнате, готовил уроки. Окно держал открытым, чтобы услышать, не раздастся ли жужжание какого-нибудь моторчика, вроде жужжания пропеллера Карлссона. Но единственный шум, который он слышал, был шум автомобилей

внизу на улице, а иногда — гудение какого-нибудь аэроплана, пролетавшего над крышей дома. Но ни разу не раздалось жужжание пропеллера Карлссона.

— Да, видно, он переехал, — печально сказал самому себе Малыш. — И, наверное, никогда не вернется назад.

Ложась по вечерам спать, он думал о Карлссоне, а порой тихонько плакал под одеялом, оттого что Карлссон улетел. Так проходили дни: школа, уроки, и никакого Карлссона.

Однажды после обеда Малыш сидел у себя в комнате и возился с почтовыми марками. Их у него в альбоме для марок — кляссере — была уже целая коллекция. Но несколько марок ждали своей очереди, чтобы попасть туда. Малыш приклеивал марки, и дело уже близилось к концу. У него оставалась всего одна марка, самая хорошая, которую он приберег напоследок. Марка была немецкая, и изображены были на ней Красная Шапочка и Серый Волк. «Какая красивая марка», — подумал Малыш, положив ее перед собой на стол. В тот же миг он услышал за окном *жужжание*. Жужжание, напоминавшее… да, в самом деле, напоминавшее жужжание пропеллера Карлссона! Но это и был сам Карлссон. Вломив-

шись с шумом прямо в окно, он закричал:

— Хейсан-хоппсан, Малыш!

— Хейсан-хоппсан, Карлссон! — закричал в ответ Малыш.

Вскочив из-за стола, невероятно счастливый, Малыш смотрел, как Карлссон несколько раз облетел лампу на потолке, прежде чем с негромким «бац» приземлился возле Малыша. Как только Карлссон выключил моторчик — он делал это, нажимая маленькую кнопку у себя на животе, — да, как только он это сделал, Малыш хотел кинуться к нему и обнять его. Но Карлссон оттолкнул его своей маленькой пухлой ручонкой и сказал:

— Без паники! Только без паники! Найдется у тебя какая-нибудь еда? Мясные фрикадельки или что-нибудь в этом роде? А может, кусочек торта со взбитыми сливками?

— Не-а, мама не готовила сегодня мясные фрикадельки. А торт со взбитыми сливками бывает у нас только в день рождения.

Карлссон фыркнул:

— И это называется «семья»? «Только в день рождения…» Ну, а если является дорогой старый друг, которого много месяцев не видели? Одного этого, как ни верти, вполне достаточно, чтобы подстегнуть твою маму.

— Да, но мы не знали… — начал было Малыш.

— Не знали! — возмутился Карлссон. — Вы могли бы надеяться! Вы могли бы надеяться, что я прилечу сегодня, и этого было бы достаточно для того, чтобы твоя мама тут же начала одной рукой лепить мясные фрикадельки, а другой — сбивать сливки.

— На обед мы сегодня ели фалунскую колбасу, — пристыженно сказал Малыш. — Может, ты хочешь…

— Фалунская колбаса, когда является дорогой старый друг, которого не видели несколько месяцев!

Карлссон снова фыркнул:

— Ну ладно, раз уж приходится бывать в этом доме, придется привыкать к чему угодно… Тащи сюда фалунскую колбасу!

Малыш со всех ног кинулся на кухню. Мамы дома не было, она пошла к врачу, так что спросить у нее разрешения он не мог. Но он был уверен, что ему разрешили бы угостить Карлссона фалунской колбасой. На тарелке лежало пять оставшихся ломтиков, и он захватил их для Карлссона, который ястребом кинулся на них. Он набил рот колбасой, и вид у него был вполне довольный.

— Ну вот, — сказал он. — Для колбасы вкус у

нее совсем недурной. Ясное дело, не такой, как у мясных фрикаделек, но что можно требовать от некоторых…

Малыш понял, что под словом «некоторых» подразумевается он сам, и поспешил перевести разговор на другую тему.

— Весело было у бабушки? — спросил Малыш.

— Да, так весело, что не стоит даже говорить, — ответил Карлссон. — Поэтому я вообще не собираюсь говорить об этом.

И он с голодным видом вонзил зубы в колбасу.

— Мне тоже было очень весело, — сказал Малыш.

И он начал рассказывать Карлссону обо всем, делал у бабушки.

— Она такая добрая, моя бабушка, такая добрая, — вспоминал Малыш. — И ты даже представить себе не можешь, как она мне обрадовалась. Она обняла меня изо всех сил.

— А зачем? — спросил Карлссон.

— Потому что она меня любит, понятно тебе? — спросил Малыш.

Карлссон перестал жевать.

— А тебе, ясное дело, и в голову не приходит, что моя бабушка любит меня еще больше, а? Тебе, ясное дело, и в голову не приходит, что она как

кинется на меня и давай обнимать, пока у меня лицо не посинело. А все потому, что она меня так любит. Тебе это и в голову не приходит, да? Но могу подтвердить, что у моей бабушки самые железные в мире кулачки, и люби она меня хоть на сто грамм больше, я не сидел бы здесь с тобой — она бы меня просто-напросто придушила.

— Вот это да! Здорово же твоя бабушка обнимается! — восхитился Малыш.

И хотя бабушка Малыша никогда не обнимала его так крепко, все же она наверняка любила его и всегда была добра к нему. И Малыш постарался внушить это Карлссону.

— Хотя она может быть и самой надоедливой на свете, — немного подумав, добавил Малыш. — Вечно ворчит, что надо переменить носки, что нельзя драться с Лассе Янссоном, и все такое в том же роде.

Карлссон отшвырнул в сторону теперь уже пустую тарелку.

— А тебе, ясное дело, и в голову не приходит, что моя бабушка еще надоедливее твоей, а? Тебе, ясное дело, и в голову не приходит, что она заводит будильник и вскакивает от его звонка в пять часов каждое утро только для того, чтобы успеть как следует наворчаться? А главное, чтоб

я сменил носки и не дрался с Лассе Янссоном?

— Ты знаешь Лассе Янссона? — изумленно спросил Малыш.

— Нет, к счастью, не знаю, — ответил Карлссон.

— Так почему же тогда твоя бабушка говорит, что… — продолжал удивляться Малыш.

— Потому что она самая приставучая бабушка на свете, — объяснил Карлссон. — Дошло до тебя наконец?! Ты знаешь Лассе Янссона, так как же ты смеешь говорить, что твоя бабушка самая надоедливая на свете? Ну уж нет, уж я-то, к счастью, знаю свою бабушку: она может нудить целый день, чтоб я не дрался с Лассе Янссоном… Хотя я никогда не видел этого парня и от всей души надеюсь, что мне никогда не придется его увидеть.

Малыш раздумывал. Чудно все это. Не очень-то ему нравилось, когда бабушка надоедала ему, а теперь вдруг оказалось, что ему словно бы надо подстегнуть Карлссона, убеждая, что его, Малыша, бабушка еще нуднее, чем она есть на самом деле.

— Правда, правда, стоит мне хоть чуть-чуть промочить ноги, как она начинает уже приставать, чтоб я сменил носки, — горячо уверял Малыш.

Карлссон кивнул:

— А тебе, ясное дело, не приходит в голову, что это моя бабушка хочет, чтоб я без конца переодевал носки, а?! Тебе, ясное дело, не приходит в голову, что стоит мне выйти из дому и влезть в лужу, как она уже несется, как спринтер, через весь поселок и нудно бубнит: «Смени носки, милый Карлссон, смени носки…». Такое тебе не приходит в голову, а?!

Малыш помедлил с ответом:

— Да, такое, пожалуй, может случиться…

Карлссон прижал Малыша к спинке стула, а сам, подбоченясь, встал перед ним.

— Не-ет, ты этого даже представить себе не можешь. А теперь послушай, я расскажу тебе, как все было. Я вышел из дому и влез в лужу… Дошло до тебя, а? И веселился вовсю. И вдруг, в самый разгар веселья, ко мне, как спринтер, несется бабушка и орет на весь поселок: «Смени носки, милый Карлссон, смени носки!»

— А что ответил ты? — спросил Малыш.

— А вот что: «Никогда я этого не сделаю, никогда, потому что я самый непослушный внук на свете». И поэтому я удрал от бабушки и залез на самую верхушку дерева, чтобы меня оставили в покое.

— Наверно, она растерялась, — сказал Малыш.

— Сразу видно, что ты не знаешь моей бабушки, — сказал Карлссон. — Бабушка помчалась следом за мной.

— И залезла на самую верхушку дерева? — удивленно спросил Малыш.

Карлссон кивнул:

— Тебе, ясное дело, и в голову не приходит, что моя бабушка умеет лазать по деревьям, а?! Да, представь себе, если ей приспичит, чтоб я сменил носки, она куда хочешь влезет, на любую вершину. «Смени носки, милый Карлссон, смени носки», — нудила она, залезая на ветку, на которой сидел я.

— Ну, а ты что? — спросил Малыш.

— Я? А что я мог поделать! — вздохнул Карлссон. — Пришлось переодеть носки. Иначе бы от нее не отделаться. Я сидел высоко, на самой верхушке дерева, на маленькой жалкой ветке и с опасностью для жизни переодевал носки.

— Ха-ха, все-то ты врешь! — сказал Малыш. — Откуда у тебя на дереве взялись носки?

— А ты вовсе не так глуп, как кажешься, — заметил Карлссон. — Так, по-твоему, у меня не было носков, чтоб их переодеть?

Задрав штанины, он выставил свои толстые ножки-колбаски в полосатых носках.

— А это что? — возмущенно спросил он. — Может, это не носки? Два носка, если зрение мне не изменяет. А разве я не сидел на ветке и не менял до одури носки, да так, что напялил левый на правую ногу, а правый на левую? Может, этого не было? Чего только не сделаешь, чтобы угодить моей старенькой бабушке!

— Да, но от этого твои ноги, наверное, суше не стали, — сказал Малыш.

— А разве я это говорил? — спросил Карлссон. — Говорил?

— Да, н-но т-тогда... — начал заикаться Малыш, — т-тогда в-выходит, т-ты м-менял н-носки з-зря!

Карлссон кивнул:

— Теперь-то ты понимаешь, кто самая приставучая бабушка на свете? Твоя бабушка пристает к тебе потому, что это просто необходимо, если внук такой отпетый злодей, как ты. Моя же бабушка — самая приставучая, потому что пристает ко мне совершенно зря. Можешь ты наконец вбить это в свою несчастную черепушку, а?

Но не прошло и минуты, как Карлссон, хохоча во все горло, слегка пихнул Малыша.

— Хейсан-хоппсан, Малыш! — сказал он. — Чихать нам на наших бабушек, давай как следует

позабавимся! Я так думаю!

— Хейсан-хоппсан, Карлссон! Я тоже так думаю! — согласился Малыш.

— А тебе не подарили новую паровую машину? — деловито поинтересовался Карлссон. — Помнишь, как нам было весело, когда мы взрывали ту, первую? Тебе не подарили новую, чтоб ее взорвать?

Но машину еще не подарили, и Карлссон, похоже, был очень этим недоволен. К счастью, его взгляд упал на пылесос, который позабыла в комнате Малыша мама, когда недавно убирала комнату. Негромко вскрикнув от радости, Карлссон подбежал к пылесосу и включил его.

— Отгадай, кто самый лучший на свете пылесосчик?

И он начал пылесосить изо всех сил.

— Если я не наведу вокруг чистоту, я просто сам не свой, — объявил он. — А всю эту грязь просто необходимо убрать. Какое счастье, что вам достался лучший на свете пылесосчик.

Малыш знал, что мама тщательнейшим образом пропылесосила всю комнату, и сказал об этом Карлссону, но тот лишь презрительно расхохотался.

— Женщины не умеют обращаться с такими

машинами, это, пожалуй, всякий знает. Нет, вот как надо! — вскричал Карлссон, принимаясь пылесосить одну из тонких белых занавесок, да так, что она тут же с легким шелестом наполовину въехала в пылесос.

— Ой, прекрати сейчас же! — закричал Малыш. — Занавеска слишком тонкая! Не видишь разве, она всасывается в пылесос… Прекрати сейчас же!

Карлссон пожал плечами.

— Пожалуйста, если тебе хочется жить в грязи и беспорядке! Мне-то что, — сказал он.

Не выключив пылесоса, он начал тянуть и вырывать из него занавеску. Но тот не желал выпускать свою добычу.

— Попробуй только не отдать! — пригрозил пылесосу Карлссон. — Ведь ты имеешь дело с Карлссоном, который живет на крыше, — лучшим перетягивальщиком каната.

Рванув занавеску изо всех сил, он вытащил ее из пылесоса. Но она была уже совсем черная и к тому же немножко рваная.

— О, погляди, на что похожа занавеска, — с несчастным видом сказал Малыш. — Посмотри, она совсем черная!

— Вот-вот, и, по-твоему, такую занавеску не

надо пылесосить! Ах ты, маленький грязнуля! — возмутился Карлссон.

Он погладил Малыша по голове.

— Не расстраивайся, из тебя все-таки может выйти отличный парень, хотя ты такой грязнущий. Вообще-то, возьму-ка я да и пропылесосю тебя немного… А может, твоя мама уже сделала это?

— Нет, она, правда-правда, этого не делала, — ответил Малыш.

Тут Карлссон подошел к нему, готовый кинуться на Малыша с пылесосом.

— Да, ох уж эти женщины, — вздохнул он. — Пропылесосить всю комнату и забыть самую грязную вещь на свете! Давай-ка начнем с ушей!

Малыша никогда раньше не пылесосили, но теперь он понял, что это такое: ему было так щекотно, что он хохотал во все горло. Карлссон пылесосил его исключительно аккуратно — и уши, и волосы, и вокруг шеи, и под мышками, и на спине, и на животе, пропылесосил он и ноги, вплоть до самых ступней.

— Вот это и называется «генеральная уборка», — заявил Карлссон.

— Если бы ты знал, как мне щекотно! — сказал Малыш.

— Да, за это тебе нужно бы заплатить мне особо, — потребовал Карлссон.

Потом Малышу захотелось устроить «генеральную уборку» Карлссона.

— Чур, теперь мой черед! Иди сюда, я буду пылесосить твои уши!

— Незачем, — осадил его Карлссон. — Ведь я мыл их в сентябре прошлого года. Здесь найдется кое-что погрязнее.

Оглядевшись по сторонам, он обнаружил на столе почтовую марку Малыша.

— Всякие бумажки валяются у тебя повсюду и засоряют комнату! — сказал он.

Не успел Малыш помешать, как он всосал Красную Шапочку в пылесос.

Малыш пришел в страшное отчаяние.

— Моя марка! — завопил он. — Пылесос засосал Красную Шапочку, этого я тебе никогда не прощу!

Карлссон выключил пылесос и сложил руки на груди.

— Прости! — попросил он. — Прости этого маленького человечка за то, что он добрый, услужливый и чистоплотный, за то, что он хочет сделать все, что в его силах. Прости его за это!

Казалось, он вот-вот заплачет!

— Ничего не поделаешь, — дрожащим голосом сказал он. — Все равно никогда никакой благодарности не услышишь... Кругом только ругань да ругань!

— О! — воскликнул Малыш. — О, не огорчайся! Но понимаешь, Красная Шапочка...

— Это что еще за дряхлая красная шапочка, про которую ты тявкаешь? — спросил Карлссон.

Он уже не плакал.

— Ну та, что нарисована на марке. А это моя самая лучшая почтовая марка.

Карлссон молча стоял, погруженный в раздумья. Но вдруг глаза его заблестели, и он лукаво улыбнулся.

— Отгадай, кто самый лучший на свете выдумывальщик игр? И отгадай, в какую игру мы станем играть? В Красную Шапочку и Серого Волка! Мы вообразим, будто пылесос — это Серый Волк, а я охотник, который приходит и вспарывает ему брюхо, и раз — бах, оттуда вылезает Красная Шапочка.

Он стал усердно озираться по сторонам.

— Нет ли у тебя где-нибудь топора? Такие вот пылесосы — твердые, как железо!

Топора у Малыша не было, и он очень этому обрадовался.

— Можно ведь открыть пылесос и сделать вид, будто вспарываешь брюхо Серому Волку.

— Если хочешь схалтурить, тогда да, — важно рассуждал Карлссон, — но это не в моих правилах так поступать, когда я вспарываю брюхо волкам. И поскольку в этом жалком доме нет самого необходимого, придется нам, верно, только сделать вид…

Он кинулся животом на пылесос и стал кусать ручку.

— Дурак! — кричал он. — Зачем ты проглотил Красную Шапочку?

Малыш подумал, что Карлссон еще не вышел из детского возраста, если играет в такие детские игры, но все равно смотреть на это было забавно.

— Без паники, малютка Красная Шапочка! — орал Карлссон. — Надевай свою шапку и галоши, потому что сейчас ты у меня выйдешь на волю!

И в ту же минуту Карлссон открыл пылесос, а все содержимое его вывалил на ковер. Получилась огромная серая куча отвратительной пыли.

— Ой, тебе надо было вывалить это все в бумажный мешок, — расстроился Малыш.

— В бумажный мешок… так написано в сказке, да? — спросил Карлссон. — Там написано, что охотник вспорол брюхо Волку и вывалил Крас-

ную Шапочку в бумажный мешок? Разве так там написано?

— Не-а, — ответил Малыш, — ясное дело, нет…

— Ну и молчи тогда! — распорядился Карлссон. — Попробуй только выдумать что-нибудь, чего нет в сказке! Я тогда с тобой не играю!

Больше ему ничего не удалось произнести, потому что от окна потянуло сквозняком и метнувшаяся с пола куча пыли ударила ему в нос.

Он чихнул. Чихнул прямо в кучу пыли. Крохотный кусочек бумаги взлетел и опустился у ног Малыша.

— Погляди, это Красная Шапочка! — закричал Малыш, поспешно поднимая маленькую запыленную марку.

— Вот как я работаю всегда, — с довольным видом сказал Карлссон. — Стоит мне только чихнуть, — и все уже в порядке! Может, хватит скандалить из-за Красной Шапочки!

Малыш, ужасно радуясь, смахнул пыль со своей любимой марки. Тут Карлссон снова чихнул — и целая туча пыли вновь взметнулась с пола.

— Отгадай, кто самый лучший чихальщик на свете? — спросил Карлссон. — Стоит мне чихнуть, и вся пыль снова уляжется на пол. Подожди, сейчас увидишь!

Но Малыш уже ничего не слышал. Теперь ему хотелось только одного: наклеить в альбом свою марку.

А посреди тучи пыли стоял Карлссон и самозабвенно чихал. Он чихал и чихал, а когда начихался вволю, почти вся куча пыли была сметена с пола.

— Видишь, и никакого бумажного мешка не надо, — сказал Карлссон. — Теперь вся пыль лежит на своих обычных местах. Главное для меня — порядок во всем. Если я не наведу вокруг чистоту, я просто сам не свой!

Но Малыш смотрел только на свою почтовую марку. Наконец-то он ее наклеил! Какая она красивая!

— Может, пропылесосить тебе уши еще раз? — заботливо спросил Карлссон. — Ты ведь ни фига не слышишь!

— Что ты сказал? — спросил Малыш.

— Ну, я сказал: уж не думаешь ли ты, что только я один должен изнурять себя работой, пока не натру на руках мозоли. Я ведь без конца убирал твою комнату. Так, может, тебя не очень затруднит слетать со мной на крышу и прибрать мою?

Малыш отшвырнул альбом с марками в сторону. Слетать наверх на крышу… Ни о чем в мире он

больше не мечтал! Всего один-единственный раз он был там наверху, у Карлссона, в его маленьком домике на крыше. В тот раз мама устроила ему веселенькую жизнь и вызвала целый пожарный корпус, чтобы снять его оттуда.

Правда, это было давно, и теперь он гораздо старше; он — уже большой мальчик и может вскарабкаться на какую угодно крышу. Хорошо бы знать, понимает ли это мама? Однако спросить у нее разрешения он не мог, так как ее не было дома. А может, лучше и не спрашивать?

— Ну как, летишь со мной? — спросил Карлссон.

Малыш еще раз подумал.

— А если ты уронишь меня во время полета? — спросил он.

Видно было, что Карлссона это ничуть не испугало.

— Подумаешь, — сказал он. — На свете ведь так много детей! Одним ребенком больше, одним меньше, разница невелика. Пустяки! Дело житейское!

— Я тебе — не дело житейское, и если я свалюсь...

— Без паники! — сказал Карлссон, погладив его по голове. — Ты не свалишься вниз. Я буду

держать тебя так же крепко, как держит меня моя бабушка. Правда, ты всего-навсего маленький грязный мальчишка. Но все-таки ты мне по душе. Особенно после того, как выдержал генеральную уборку и все прочее. — И он еще раз погладил Малыша. — Да, чудно, но ты мне все-таки по душе, хотя ты всего-навсего маленький глупый мальчишка! Вот подожди, прилетим на крышу и я обниму тебя так крепко, что у тебя посинеет лицо. Не беспокойся, я обниму тебя не хуже моей бабушки!

Он нажал кнопку на животе, моторчик включился, и Карлссон крепко обхватил руками Малыша. Вылетев в окно, они оказались в небесной синеве. Разорванная занавеска медленно колыхалась, словно хотела сказать им «до свидания».

ДОМА У КАРЛССОНА

Маленькие домики, примостившиеся на крыше, бывают по-настоящему уютны, особенно такие, как домик Карлссона. В домике Карлссона — окна с зелеными ставенками, есть и маленькое крылечко, а может, это мостки, на которых так замечательно удобно сидеть. Там можно сидеть по вечерам и глядеть на звезды или днем — попивать сок, заедая его пряниками. Если, конечно, они у тебя есть. Ночью там можно спать, если в домике слишком жарко, а утром, когда проснешься, можно увидеть, как вдалеке, в Эстермальме, над крышами домов восходит солнце. Да, это в самом деле очень уютный домик, так удачно примостившийся между дымовой трубой и глухой стеной, что он едва заметен. Если только, разумеется, не угораздит тебя наткнуться на него прямо за дымовой трубой. Но по крыше редко кто ходит.

— Здесь наверху все совсем по-другому! — воскликнул Малыш, когда Карлссон опустился вместе с ним на крылечко домика.

— Да, к счастью, — ответил Карлссон.

Малыш огляделся по сторонам.

— Сколько тут всяких крыш и разных разностей, — сказал он.

— Много километров крыш, — уточнил Карлссон, — по которым можно гулять и озорничать сколько влезет.

— А ты думаешь, мы тут тоже будем озорничать? — живо спросил Малыш.

Он вспомнил, как интересно было в прошлый раз, когда они с Карлссоном озорничали на этой крыше.

Но Карлссон строго посмотрел на него:

— Отлыниваешь от уборки, да? Сначала я чуть не надорвался, пытаясь навести у тебя хоть какой-нибудь порядок, чтобы тебе после всего этого разгуливать тут и озорничать весь остаток дня. Ты на это рассчитывал?

Малыш вообще ни на что не рассчитывал.

— Я охотно помогу тебе убрать домик, если это нужно, — сказал он.

— Ну хорошо, — согласился Карлссон.

Он открыл дверь, и Малыш вошел в домик самого лучшего в мире Карлссона.

— Пожалуйста, — снова повторил Малыш, — раз нужно, то…

Тут он смолк на некоторое время и застыл на месте, между тем как глаза его становились все

больше и больше от удивления.

— …раз нужно, то… — наконец вымолвил он. В домике Карлссона была всего одна комнатка. В этой комнатке стоял верстак, чтоб и строгать на нем, и есть, и ставить туда разные штучки-дрючки. И еще был там диванчик, чтобы и спать на нем, и прыгать до одури, и прятать в нем вещи. А еще два стула, чтобы на них сидеть, и ставить на них разные предметы, и залезать на них, если нужно что-нибудь запихнуть в шкаф. Но это все равно не получилось бы, потому что шкаф и без того был битком набит вещами, которые не могли стоять на полу или висеть на гвоздях, вбитых в стены, потому что там и без того было множество других предметов и вещей… огромное множество! Был там у Карлссона и открытый очаг со всякой кухонной утварью, расставленной по краям железной решетки, на которой можно готовить еду. Наверху, на кухонной полке, также виднелось множество всяких штучек-дрючек. А вот на потолке не висело почти ничего. Разве что коловорот и мешочек орехов, да пугач и клещи, да пара домашних туфель, и еще рубанок, и еще ночная рубашка Карлссона, и мочалка для мытья посуды, да кочерга и маленький чемоданчик, да еще мешочек сушеных вишен… А больше

ничего.

Малыш долго-долго молча стоял на пороге, оглядываясь по сторонам.

— Ну что, съел? Язык проглотил? Здесь немало вещей, не то что у тебя внизу; там едва ли найдется хотя бы несколько.

— Да, правда, вещи здесь есть, — согласился Малыш. — Понятно, что тебе хочется заняться уборкой.

Карлссон бросился на диванчик и удобно там разлегся.

— Ошибаешься, — сказал он. — Я вовсе не хочу заняться уборкой. Этого хочешь ты… после того как я положил столько трудов у тебя внизу. А то нет?

— Ты что, совсем мне не поможешь? — удивился обеспокоенный Малыш.

Карлссон облокотился на подушку и замурлыкал так, как мурлыкают кошки, со всеми удобствами развалившись на диване.

— Да, конечно, я помогу тебе, — пообещал он, намурлыкавшись вволю.

— Вот и хорошо, — облегченно вздохнул Малыш. — А я так испугался, что думал, будто…

— Неужели я не помогу тебе, — повторил Карлссон. — Я все время буду петь и подбад-

ривать тебя. Хейсан, хоппсан, послушай-ка! И работа у тебя будет спориться!

Малыш не очень-то был в этом уверен.

Не так уж много довелось ему заниматься в жизни уборками. Конечно, он обычно убирал свои игрушки, и маме приходилось напоминать ему об этом каких-нибудь раза три-четыре, ну, не больше пяти раз, и он тут же принимался убирать игрушки, даже если ему это казалось обременительным и абсолютно ненужным. Но убирать у Карлссона — дело совсем другое.

— С чего мне начать? — поинтересовался Малыш.

— Ну и глупый же ты, работы тут всего ничего, начнем с ореховых скорлупок, — важно заявил Карлссон. — А генеральная уборка нам ни к чему, ведь я все время слежу за чистотой и никогда не запускаю комнату. Прибери немножко! Наведи красоту! Чтобы все блестело!

Ореховые скорлупки валялись на полу среди апельсиновых корок, и вишневых косточек, и колбасных шкурок, и клочков бумаги, и обгоревших спичек, и прочего подобного мусора, под которым не было видно пола.

— Есть у тебя пылесос? — поразмыслив немного, спросил Малыш.

Заметно было, что Карлссону этот вопрос не понравился. Он недовольно взглянул на Малыша:

— Я вижу, тут кто-то просто лентяй! У меня есть лучшая на свете швабра и самый лучший на свете совок для мусора. Но некоторым лентяям, видите ли, подавай пылесос! Уж не для того ли, чтобы увильнуть от работы? — Карлссон фыркнул. — Да захоти я только, у меня была бы хоть тысяча пылесосов. Но я не такой лентяй, как некоторые другие. Я люблю усердно трудиться, но и хорошенько поразмяться тоже!

— И я, — оправдывался Малыш, — но... Да и вообще, у тебя ведь нет электричества, чтобы пользоваться пылесосом.

Он вспомнил, что домик Карлссона был совершенно лишен всяких современных удобств. Там не было ни электричества, ни водопровода. У Карлссона была лишь керосиновая лампа, чтобы освещать комнату по вечерам, а дождевую воду он брал из бочки, стоявшей возле угла его домика.

— Да и мусоропровода у тебя нет, — заметил Малыш, — хотя он-то тебе больше всего и нужен.

— Как, разве у меня нет мусоропровода? — удивился Карлссон. — Да что ты об этом знаешь! Давай мети пол, а я покажу тебе самый лучший

на свете мусоропровод.

Малыш, вздохнув, взял в руки половую щетку и принялся за работу.

Карлссон лежал, заложив руки под голову, и смотрел, как трудится Малыш. И очень довольный его работой, запел песенку, точь-в-точь как обещал Малышу:

Кто работал целый день,
Кто не знает слова «лень»,
Тот умеет веселиться,
Отдохнуть и порезвиться. [7]

— Лучше не скажешь, — произнес Карлссон, зарываясь в подушку, чтобы было еще удобнее. Потом он снова запел, а Малыш все подметал и подметал комнату. В самый разгар работы Карлссон сказал:

— Пока ты все равно занят уборкой, мог бы сварить мне чашечку кофе.

— Я должен сварить тебе еще и кофе? — спросил Малыш.

— Да, заранее благодарен, — вежливо поблагодарил его Карлссон. — Хотя мне не хочется доставлять тебе лишние хлопоты. Правда, надо

---

[7] Примечания: 7
Перевод стихотворений Н. Беляковой.

всего-навсего разжечь огонь, принести немного воды и сварить кофе. Ну, а пить кофе я уж, так и быть, буду сам.

Малыш невесело глянул на пол; никак не скажешь, что он навел там хотя бы малейшую красоту.

— А ты не можешь сам сварить кофе, пока я подметаю? — предложил он Карлссону.

Карлссон тяжело вздохнул.

— Интересно, как здесь на севере *становятся* такими ленивыми, как ты? — спросил он. — Раз чад все равно занят уборкой… Неужели так трудно сварить заодно еще и немножко кофе?

— Нет, конечно, — робко ответил Малыш, — хотя, если бы я сказал все, что думаю…

— Но ты этого *не скажешь*, — прервал его Карлссон. — Не трать на это время. Постарайся лучше услужить тому, кто из сил выбивался из-за тебя, пылесосил тебе уши и не знаю что еще…

Малыш отложил в сторону половую щетку. Взяв ведро, он выскочил за водой. Вытащив из штабеля дров несколько поленьев, он запихнул их в камин и начал разжигать огонь.

— Я не привык к такой работе, — оправдываясь, сказал он. — А ты не сможешь… ну хотя бы огонь разжечь?

— И не мечтай, — ответил Карлссон, — будь я на ногах — тогда другое дело, я бы показал тебе класс, научил бы растапливать очаг. Но раз я сейчас лежу на диване, что бывает крайне редко, ты не вправе требовать, чтоб я еще обслуживал и тебя.

Малыш все понял. Он попытался еще разок, и тогда в очаге внезапно затрещали дрова и зашумел огонь.

— Загорелось! — воскликнул довольный Малыш.

— Вот видишь! Всего-навсего немножко энергии — и порядок! — поучал его Карлссон. — А теперь поставь кофе на огонь, возьми маленький красивый подносик, достань несколько булочек и можешь подметать, пока кофе не сварится.

— Ну, а как кофе… ты уверен, что будешь пить его сам? — ехидно спросил Малыш.

Иногда он мог быть и довольно ехидным.

— Спрашиваешь?! Кофе я буду пить сам! — заверил Карлссон. — Но ты тоже можешь выпить маленькую чашечку. Сам не знаю, почему я такой гостеприимный!

И когда Малыш наконец подмел пол и сгреб совком все ореховые скорлупки, и вишневые косточки, и клочки бумаги, и выкинул их в большое

мусорное ведро Карлссона, они уселись на край диванчика и стали пить кофе. Попивая кофе, Малыш и Карлссон съели много-много булочек. А Малыш, сидя на краю диванчика, думал, как хорошо ему рядом с Карлссоном, хотя и нелегко наводить у него красоту.

— Где же этот твой мусоропровод? — спросил Малыш, проглотив последний ломтик своей булочки.

— Сейчас покажу! — сказал Карлссон. — Забирай с собой мусорное ведро — и пошли. — Он первым спустился на мостки. — Вот где! — показал он на водосточную трубу.

— Как так... Что ты придумал? — спросил Малыш.

— Спускайся к трубе, — приказал Карлссон. — Это и есть самый лучший на свете мусоропровод.

— Неужели я должен выбросить весь этот мусор *на улицу?* — спросил Малыш. — Так, наверное, делать нельзя.

Карлссон рванул к себе мусорное ведро.

— Сейчас увидишь! Иди сюда!

Высоко подняв ведро, он бросился бежать по крыше. Малыш испугался. Подумать только, вдруг Карлссон не сможет остановиться, когда

домчится до водосточной трубы!

— Стой! — закричал Малыш. — Стой!

И Карлссон притормозил свой бег. Но не раньше, чем оказался у самого края крыши.

— Чего ты ждешь?! — закричал Карлссон. — Иди сюда!

Малыш сел на крышу и стал осторожно скользить вниз к водосточной трубе.

— Самый лучший в мире мусоропровод… Высота падения двадцать метров, — заявил Карлссон и быстро опрокинул содержимое мусорного ведра в трубу. По лучшему на свете мусоропроводу пронесся вниз на улицу обильный поток вишневых косточек, ореховых скорлупок и клочков бумаги и свалился прямо на какого-то важного господина, который шел по тротуару с сигарой в зубах.

— Ой! — воскликнул Малыш. — Ой-ой-ой, смотри, все высыпалось ему на голову!

Карлссон пожал плечами:

— А кто его просил сунуться прямо под мусоропровод? В самый разгар генеральной уборки!

Малыш все равно очень расстроился.

— Да, но ореховая скорлупа, наверно, угодила ему под рубашку, а вишневые косточки — в волосы! Разве это приятно?!

— Пустяки! Дело житейское! — сказал

Карлссон. — Если у тебя самая большая неприятность в жизни — это несколько ореховых скорлупок на рубашке, можно только радоваться!

Но непохоже, что господин с сигарой искренне радовался тому, что с ним случилось. Сверху было видно, как он отряхивался, а потом они услыхали, что он зовет полицейского.

— И как это некоторые умеют скандалить по пустякам! — возмущался Карлссон. — Да, благодарности не дождешься! А ведь если вишневые косточки пустят корни у него в волосах, там вырастет маленькое красивое вишневое деревце. И когда он сможет целыми днями разгуливать, собирая вишни на голове, есть их и выплевывать косточки.

Но полицейский на улице так и не появился. Господину с сигарой пришлось так и пойти домой — с ореховыми скорлупками и вишневыми косточками.

Карлссон и Малыш стали карабкаться по скату крыши наверх, к домику Карлссона.

— Вообще-то мне тоже хочется выплевывать вишневые косточки, — сказал Карлссон. — Раз ты все равно занимаешься уборкой, можешь заодно достать мешочек с вишнями, он висит в домике на потолке.

— Думаешь, я дотянусь до потолка? — спросил Малыш.

— Полезай на верстак, — посоветовал Карлссон.

Малыш так и сделал, а потом Карлссон и сидели на крылечке, ели сушеные вишни и плевали косточки в разные стороны. Косточки с веселым стуком скатывались вниз по крыше.

Начало смеркаться. Мягкие теплые осенние сумерки спускались на все крыши и на все дома. Малыш придвинулся поближе к Карлссону. Было так уютно сидеть на крылечке и выплевывать вишневые косточки. А темнота все сгущалась и сгущалась. Дома внизу совершенно преобразились, стали мрачными и таинственными, а под конец совершенно черными. Казалось, кто-то большими ножницами вырезал их из черной бумаги и только наклеил сверху вместо светящихся окон несколько четырехугольничков из золотой бумаги. Все больше и больше светящихся четырехугольничков появлялось теперь на всей этой черноте, потому что люди начали уже зажигать свет. Малыш попытался сосчитать освещенные окна; сначала их было всего три, затем стало десять, а затем много-премного… Там, за окнами, можно было видеть, как расхаживают в своих

комнатах люди, занимаясь разными делами. И можно было без конца задумываться и представлять себе, какие эти люди и почему они живут именно там, а не где-нибудь, в каком-нибудь другом месте.

Но задумывался над этим только Малыш, Карлссон же нисколько не задумывался.

— Должны же они где-нибудь жить, эти несчастные людишки, — сказал Карлссон. — Не у всех же есть домики на крыше. И не все могут быть лучшим в мире Карлссоном.

КАРЛССОН РЕТИРУЕТ ФРЁКЕН БОКК

Пока Малыш трудился в гостях у Карлссона, его мама была на приеме у врача. Это отняло гораздо больше времени, чем она рассчитывала, и когда она наконец вернулась домой, Малыш преспокойно сидел у себя в комнате, разглядывая почтовые марки.

— Привет, Малыш! — воскликнула мама. — Ты, как всегда, занят марками?

— Да, — ответил Малыш, и это была чистая правда.

О том, что буквально несколько минут тому назад он был наверху, на крыше, он говорить не стал. Конечно, мама умная и понимает почти все. Но он не был абсолютно уверен в том, что она все правильно поймет, если он скажет: «А я снова побывал на крыше!» Малыш решил вообще ничего не говорить о Карлссоне. По крайней мере, сейчас. И не раньше чем вся семья соберется вместе к обеду. Вот будет великолепный сюрприз за столом! Да и вообще мама почему-то была не очень веселой. Между глаз у нее залегла морщинка, которой обычно там не было. Малыш задумался, почему она появилась.

Потом вернулись домой все остальные и сели обедать. Они сидели вместе за столом — мама и папа, и Буссе, и Беттан, и Малыш и ели голубцы, а Малыш, как обычно, выбирал из капусты мясной фарш, потому что саму капусту терпеть не мог. Он любил только начинку, завернутую в капустные листья. Но у его ног под столом лежал Бимбо и ел все подряд, все что попало. Малыш свернул капустный лист в маленький липкий пакетик и сунул его Бимбо.

— Мама, скажи ему, чтобы он так не делал, — тут же наябедничала Беттан. — А не то Бимбо станет таким же невоспитанным, как Малыш.

— Конечно, конечно, — сказала мама. — Конечно, конечно!

Но казалось, она даже не слышит, что говорит ее дочь.

— Меня, по крайней мере, заставляли есть все, когда *я* была маленькая, — сказала Беттан.

Малыш показал ей язык:

— Вот как? А незаметно, чтоб это пошло тебе на пользу!

— Внезапно на глазах у мамы выступили слезы.

— Не ссорьтесь, пожалуйста, — попросила она. — Я не в силах это слышать.

И тут же раскрыла тайну, почему она такая невеселая.

— Доктор определил у меня малокровие. «Страшное переутомление», — сказал он. Я должна уехать и отдохнуть… Просто не знаю, что делать!

За столом воцарилась мертвая тишина. Долгое время никто не произносил ни слова. Какая печальная новость! «Мама больна, это, в самом деле, печально», — так думали они все. «И ей надо уехать, а это еще хуже», — думал Малыш.

— Хочу, чтобы каждый день, когда я возвращаюсь из школы, ты стояла бы на кухне в переднике и пекла булочки, — сказал Малыш.

— Ты думаешь только о себе, — строго одернул его Буссе.

Малыш прижался к маме.

— Да, а не то и булочек не поешь, — продолжал Малыш.

Но мама даже не слышала, что он говорил. Она разговаривала с папой:

— Раз так получилось, необходимо найти помощницу по хозяйству.

Папа с мамой были очень расстроены. И за обедом в тот день было вовсе не так уютно, как всегда. Малыш понял: надо что-то сделать, чтобы

стало немножко повеселее; а кто, кроме него, может это устроить?

— А сейчас отгадайте веселую загадку, — сказал он. — Отгадайте, кто вернулся к нам обратно?

— Кто?.. О, надеюсь, не Карлссон? — спросила мама. — Неужели на нас свалилось еще и это несчастье?

Малыш с упреком взглянул на нее:

— Я-то думал, что новость веселая и вовсе он не несчастье.

Буссе расхохотался:

— Ну и жизнь теперь пойдет в нашем доме. Мамы не будет, а будет Карлссон, да еще экономка в придачу, которая будет свирепствовать как ей вздумается.

— Не пугай меня, — сказала мама. — Подумать только, если она увидит Карлссона, что тогда?

Папа строго взглянул на Малыша:

— Вообще ничего не «будет». Экономка не должна ни видеть Карлссона, ни даже слышать про него. Обещай нам это, Малыш.

— Карлссон летает куда ему вздумается, — ответил Малыш. — Но я обещаю не рассказывать о нем.

— Ни одной живой душе, — продолжил папа. — И не забывай, о чем мы договорились.

— Ладно, ни одной *живой душе* не скажу, — обещал Малыш. — Разве что только фрёкен в школе.

Но папа покачал головой:

— Фрёкен ни в коем случае! Абсолютно! Ни при каких условиях!

— Тс-с-с! — прошептал Малыш. — Тогда я и экономке не стану рассказывать. Ведь с ней, наверное, придется еще хуже, чем с Карлссоном.

Мама вздохнула.

— Неизвестно еще, сможем ли мы найти экономку, — сказала она.

Но уже на другой день она поместила объявление в газете. И одна-единственная экономка откликнулась на него. Звали ее фрёкен Бокк[8]. А через несколько часов она пришла, чтобы получить работу. Малыша же угораздило именно в тот самый день схватить воспаление уха, и ему хотелось быть как можно ближе к маме. А лучше всего — сидеть у нее на коленях, хотя он, вообще-то говоря, был уже слишком большой для этого.

— Когда воспаление уха, то можно, — сказал Малыш, залезая к маме на колени.

Тут в дверь и позвонили. Это явилась фрёкен Бокк. Малышу не позволили больше сидеть на

---

[8] Примечания: 8
Бокк (швед.) — коза.

коленях у мамы. Но все время, пока фрёкен Бокк находилась у них в доме, он вертелся рядом с маминым стулом, прижимаясь больным ухом к ее руке, и время от времени, когда в ухе особенно стреляло, тихонько стонал.

Малыш надеялся, что фрёкен Бокк будет молодая, и красивая, и добрая, примерно как фрёкен в школе. Но оказалась она пожилой и решительной дамой. Она была высокой и дородной, с несколькими подбородками. А еще у нее были такие злые глаза, что Малыш испугался. Он сразу почувствовал, что она ему не по душе. Это, разумеется, почувствовал и Бимбо, потому что лаял на нее изо всех сил.

— Вот как, здесь есть собака, — сказала фрёкен Бокк.

Мама забеспокоилась.

— Вы не любите собак, фрёкен Бокк? — спросила она.

— Нет, люблю, но только если они хорошо воспитаны.

— Не знаю, так ли уж хорошо воспитан Бимбо, — смущенно заметила мама.

Фрёкен Бокк энергично кивнула головой:

— Но если я решусь пойти к вам в экономки, то у меня щенок будет воспитан хорошо. Мне и

прежде приходилось заниматься собаками.

Малыш искренне надеялся, что она не решится пойти к ним в экономки. Как раз в эту минуту у него стрельнуло в ухе, и он не смог удержаться, чтобы не застонать. Правда, совсем немножко.

— Да-да, собаки, которые лают, и малыши, которые хнычут, — сказала, скривив рот, фрёкен Бокк.

Ей, вероятно, казалось, что это шутка, но Малыш счел ее слова не очень-то веселой шуткой и тихонько произнес как бы про себя: «А еще у меня ботинки скрипят».

Услышав эти слова, мама покраснела и поспешно сказала:

— Надеюсь, вы любите детей, фрёкен Бокк, не правда ли?

— Да, только если они хорошо воспитаны, — сказала фрёкен Бокк, вперив взгляд в Малыша.

И мама снова страшно смутилась.

— Не знаю, так ли уж хорошо воспитан Малыш, — пробормотала она.

— Но у меня он будет хорошо воспитан, — сказала фрёкен Бокк. — Подождите немного, мне ведь приходилось заниматься и детьми.

Малышу стало страшно. Ему было так жалко всех детей, которыми занималась прежде фрёкен

Бокк. А теперь он и сам станет таким ребенком; не удивительно, что у него был испуганный вид.

Мама тоже, казалось, призадумалась. Погладив Малыша по голове, она сказала:

— Что касается этого ребенка, то здесь гораздо лучше действует приветливость.

— Однако я заметила, что это не всегда помогает, — сказала фрёкен Бокк. — Дети нуждаются также в твердой руке.

Затем фрёкен Бокк решительно высказалась по поводу того, какое жалованье она хотела бы получать, и решительно заявила, что ее следует называть «домоправительницей», а не «экономкой». И с этим вопросом было покончено.

Тут папа как раз вернулся из конторы, и мама представила ему фрёкен Бокк:

— Наша домоправительница, фрёкен Бокк!

— Наша домокозлючка, фрёкен Бокк! — воскликнул Малыш.

Затем он поспешно выскочил в дверь. За ним по пятам, дико лая, мчался Бимбо.

Назавтра мама уехала к бабушке. Все плакали, когда она уезжала, а больше всех — Малыш.

— Не хочу оставаться один с Домокозлючкой! — всхлипывал он.

Но случилось так, как и должно было случить-

ся, ведь Буссе и Беттан после полудня долго еще оставались в школе, а папа не возвращался домой раньше пяти. И ежедневно много-много долгих часов придется Малышу один на один сражаться с Домокозлючкой. Поэтому он и плакал.

Мама поцеловала его.

— Попробуй быть хорошим… Ну ради меня! И ни в коем случае не называй ее Домокозлючкой!

Несчастья начались уже на следующий день, когда Малыш вернулся домой из школы. Ни мамы, ни какао и булочек в кухне не было. Была одна только фрёкен Бокк, и, похоже, она не очень-то обрадовалась при виде Малыша.

— Никаких булочек тебе не будет, — твердо заявила она. — Нечего кусочничать! Булочки только портят аппетит!

Но булочки-то она все-таки испекла. Целое блюдо с булочками стояло на подоконнике перед открытым окном, чтобы булочки остыли.

— Да, но… — начал было Малыш.

— Никаких «но», — строго оборвала его фрёкен Бокк. — И вообще не желаю, чтобы на кухне вертелись всякие малявки. Немедленно ступай в свою комнату и учи уроки. Да не забудь повесить куртку и вымыть руки. А теперь марш отсюда!

Обозленный и голодный, Малыш пошел в свою

комнату. Бимбо спал.

Но стоило появиться Малышу, как он ракетой полетел ему навстречу. По крайней мере, хоть одно на свете существо радо было его видеть.

Малыш обхватил щенка руками:

— Тебе она тоже наговорила всяких глупостей? Терпеть ее не могу. «Не забудь повесить куртку и вымыть руки…» — а может, мне надо еще проветрить шкафы и вымыть ноги, а? Я *всегда* вешаю куртку безо всяких напоминаний. Съела?

Он швырнул куртку в собачью корзинку, и Бимбо тотчас улегся на нее и стал покусывать рукав.

Малыш подошел к окну и выглянул на улицу. Стоя у окна, он думал, какой же он несчастный и как ужасно ему не хватает мамы. Вдруг он увидел картину, которая сильно приободрила его. По другую сторону улицы Карлссон проводил над крышей летные маневры. Он кружил то туда, то сюда между дымовыми трубами и время от времени кувыркался в воздухе.

Малыш усердно замахал ему рукой, и Карлссон, с шумом разрезая воздух, примчался на такой бешеной скорости, что Малышу пришлось отскочить в сторону, когда прямо в окно вломился Карлссон.

— Хейсан-хоппсан, Малыш! — воскликнул

Карлссон. — Может, я чем-то тебя обидел? Почему у тебя такой кислый вид? А может, ты болен?

— Не-а, вовсе нет! — ответил Малыш.

И он рассказал Карлссону обо всех своих несчастьях. Мама уехала, а вместо нее в квартире появилась домокозлючка, приставучая, злая и жадная. Булочки и то у нее не допросишься, хотя на окне стоит целое блюдо.

У Карлссона заблестели глаза.

— Повезло тебе! — воскликнул он. — Отгадай, кто самый лучший на свете приручальщик домокозлючек?

Малыш тотчас понял, что это, должно быть, сам Карлссон. Но как может Карлссон укротить фрёкен Бокк, он никак не мог понять.

— Я начну с того, что стану ее *ретировать*, — сказал Карлссон.

— Ты имеешь в виду «третировать»? — спросил Малыш.

Такие дурацкие замечания Карлссон терпеть не мог.

— Если б я имел в виду «третировать», я бы так и сказал. *Ретировать* — примерно то же самое, только звучит оно более дьявольски. Неужели ты сам не слышишь?

Повторив это слово, Малыш должен был при-

знать, что Карлссон прав. *Ретировать* в самом деле звучало как-то дьявольски.

— Думаю, я начну немного ретировать ее булочками, — важно заявил Карлссон. — А ты мне поможешь.

— Как? — спросил Малыш.

— Тебе надо только выйти на кухню и завести разговор с Домокозлючкой.

— Да, но… — засомневался Малыш.

— Никаких «но», — оборвал его Карлссон, — заведи с ней разговор, чтобы ей волей-неволей пришлось бы хотя б на миг отвернуться от булочек.

Карлссон даже закудахтал от смеха. Затем нажал стартовую кнопку на животе, и моторчик затарахтел. Весело кудахча, Карлссон вырулил через окно.

А Малыш бодро отправился на кухню. Теперь, когда в помощниках у него был самый лучший на свете приручальщик домокозлючек, он больше не боялся.

На этот раз фрёкен Бокк обрадовалась ему еще меньше, чем раньше. Дело в том, что она собиралась приятно провести время, попивая кофе и заедая его свежими булочками. Было совершенно очевидно, что кусочничать вредно только детям.

Фрёкен Бокк хмуро посмотрела на Малыша.

— Что тебе надо? — спросила она, и голос ее был таким же злобным, как взгляд.

Малыш задумался. Теперь было самое время начать разговор. Ну и ну! Вот так штука! Что ему сказать?

— Отгадайте, чем я буду заниматься, когда вырасту таким большим, как вы, фрёкен Бокк? — в конце концов спросил он.

В тот же миг за окном раздалось жужжание, и он узнал это жужжание. Но Карлссона он не увидел. Единственное, что он увидел, это толстенькую ручонку, которая вынырнула из окна и схватила одну из булочек, лежавших на блюде. Малыш хихикнул. Фрёкен же Бокк ничего не заметила.

— Ну и что ты будешь делать, когда вырастешь большой? — нетерпеливо спросила она.

Спросила не потому, что ей и в самом деле хотелось это узнать. Ей хотелось только как можно скорее избавиться от Малыша.

— А вот отгадайте! — сказал Малыш.

И тут он снова увидел толстенькую ручонку, промелькнувшую мимо и на лету схватившую булочку. Малыш снова хихикнул. Он пытался остановиться, но не смог. Смех булькал у него в

горле, пытаясь вырваться наружу.

Фрёкен Бокк рассерженно посмотрела на него. Она, верно, думала, что он — самый надоедливый мальчишка на свете. И надо же, пристал к ней, как раз когда она собралась спокойно посидеть за чашечкой кофе!

— Отгадайте, чем я буду заниматься, когда вырасту такой большой, как вы, фрёкен Бокк? — сказал он и снова хихикнул. Потому что увидел на этот раз уже две маленьких ручонки, которые сгребли остальные булочки, лежавшие на блюде.

— Нет у меня времени слушать твои глупости, — сказала фрёкен Бокк, — да мне и неинтересно, чем ты будешь заниматься, когда вырастешь большой. Но пока ты еще маленький, ты должен быть вежливым, послушным, учить уроки и сию же минуту исчезнуть из кухни.

— Да, конечно, — сказал Малыш и захихикал так, что был вынужден прислониться к двери. — Но когда я стану большой как вы, фрёкен Бокк, я сяду на диету, чтобы похудеть, уж это точно.

У фрёкен Бокк был такой вид, словно она собиралась на него кинуться. Но в тот же миг за окном послышалось коровье мычание. Фрёкен Бокк быстро обернулась и сразу увидела, что булочки все исчезли.

Фрёкен Бокк взвыла:

— Боже милостивый, где мои булочки?

Она ринулась к окну, думая, что, возможно, увидит, как убегает вор с целой охапкой булочек. Но ведь семья Свантессон жила на пятом этаже, и фрёкен Бокк следовало понимать, что таких длинноногих воров не бывает.

Фрёкен Бокк в совершеннейшем ужасе опустилась на стул.

— Неужели это голуби? — пробормотала она.

— Больше похоже на корову, — сказал Малыш. — Может, за окном сегодня летает какая-нибудь корова, которая любит булочки?

— Не говори глупости, — оборвала его фрёкен Бокк.

Тут Малыш снова услышал, как за окном жужжит Карлссон, и чтобы фрёкен Бокк не обратила на него внимания, запел как можно громче:

Корова на крыльях блестящих
К нам в кухню спустилась с небес,
Ей булочек хочется тоже,
Она их с охотою съест.

Малыш обычно сочинял стишки вместе с мамой и решил, что стишок о корове ему удался. Фрёкен же Бокк была совершенно другого мне-

ния.

— Замолчи со своими глупостями, — крикнула она.

В эту самую минуту у окна что-то звякнуло. Они подскочили от страха. А потом увидели, что это звякнуло. На пустом блюде, откуда исчезли булочки, лежала монетка в пять эре.

Малыш снова захихикал.

— Какая честная корова, — сказал он. — Она платит за булочки.

Фрёкен Бокк побагровела от злости.

— Что за глупые шутки! — заорала она и кинулась к окну. — Должно быть, в квартире над нами кто-то развлекается, воруя булочки и сбрасывая вниз пятиэровые монетки.

— Над нами нет никакой квартиры, — объяснил Малыш. — Мы живем на самом верхнем этаже, под крышей.

Фрёкен Бокк совершенно обезумела.

— Ничего не понимаю! — кричала она. — Абсолютно ничего!

— Да, я это заметил, — сказал Малыш. — Но не расстраивайтесь, не всем же быть сообразительными…

Тут раздался звон пощечины. Фрёкен Бокк, ударив Малыша, заорала:

— Я отучу тебя! Ты у меня не будешь таким бессовестным! — кричала фрёкен Бокк.

— Не-а, пожалуйста, не учите меня, не надо, — попросил ее Малыш. — А не то мама не узнает меня, когда вернется домой.

У Малыша заблестели глаза. Он чуть не заплакал. Никогда в жизни он не получал пощечин, и это ему не понравилось. Он сердито таращил глаза на фрёкен Бокк. Схватив за руку, та толкнула Малыша в его комнату.

— Сиди тут и терзайся угрызениями совести, — сказала она. — Я запру дверь и вытащу ключ, так что ты хоть некоторое время не сможешь таскаться на кухню.

Потом она посмотрела на ручные часы.

— Одного часа, пожалуй, хватит на твое исправление. Я приду в три часа и выпущу тебя. А за это время можешь придумать, что сказать, когда будешь просить прощения.

И фрёкен Бокк ушла. Малыш слышал, как она повернула ключ.

Малыш оказался взаперти, это было неприятно. Он был вне себя от злости на фрёкен Бокк. Но в то же время он и в самом деле чувствовал угрызения совести, потому что вел себя не совсем прилично. Мама, верно, решит, что он раздраз-

нил Домокозлючку и потерял всякий стыд. Да... мама. Он заколебался: не поплакать ли ему хоть немножко.

Но тут он услышал жужжание, и в окно влетел Карлссон.

КАРЛССОН ПРИГЛАШАЕТ МАЛЫША НА ПИР И УГОЩАЕТ ЕГО БУЛОЧКАМИ

— Как насчет того, чтобы немножко перекусить? — спросил Карлссон. — Какао и булочки ждут на крылечке… я тебя приглашаю!

Малыш не спускал с него глаз. О, нет никого на свете лучше Карлссона! Малышу захотелось его обнять. Он было попытался это сделать, но Карлссон отпихнул его.

— Только без паники! Ты не в гостях у своей бабушки. Ну, летишь со мной?

— Спрашиваешь! — ответил Малыш. — Хотя вообще-то меня заперли. Вообще-то я все равно что в тюрьме.

— Так считает Домокозлючка, да? — спросил Карлссон. — Пусть она думает так еще некоторое время.

Его глаза засветились, и он, страшно довольный, несколько раз слегка подпрыгнул перед Малышом.

— Знаешь что? Давай играть в такую игру: будто ты сидишь в тюремной камере и так ужасно страдаешь! В тюремщиках у тебя противная

Домокозлючка. И тут вдруг является один чертовски храбрый и сильный, и красивый, в меру упитанный герой, и спасает тебя.

— Какой такой герой? — удивился Малыш. Карлссон с укоризной посмотрел на него:

— Попробуй отгадать, если сможешь!

— Ах, вот как, это ты! — воскликнул Малыш. — Тогда, я думаю, ты можешь тут же меня и спасти.

Карлссон ничего не имел против того, чтобы спасти Малыша.

— Потому что он к тому же еще очень быстрый и проворный, этот герой, — заверил Малыша Карлссон. — Быстрый, как ястреб, да-да, правда, и храбрый, и сильный, и красивый, и в меру упитанный… Он является — раз! — и спасает тебя, и он *такой* храбрый, *такой!..* Ой-ой, вот он!

Карлссон крепко обхватил своими ручонками Малыша и быстро и храбро взмыл с ним ввысь. Бимбо залаял, увидев, как Малыш исчезает через окно, но Малыш закричал ему:

— Только без паники! Я скоро вернусь!

Наверху, на крылечке у Карлссона лежали в ряд десять булочек, очень аппетитных на вид.

— Вдобавок еще и заплачено честно за каждую, — сказал Карлссон. — Давай разделим по справедливости, тебе семь и мне семь.

— Так не получится, — поправил его Малыш. — Семь и семь — четырнадцать, а здесь ведь всего десять булочек.

Карлссон поспешно сгреб свои семь булочек в одну небольшую горку.

— Во всяком случае эти мои, — сказал он, прикрыв горку булочек пухлой ручонкой. — Нынче в школах не умеют считать. Но я вовсе не обязан страдать из-за этого. Я сказал, мы возьмем каждый по семь, и это мои.

Малыш кивнул:

— Мне все равно больше трех не съесть. Ну а где у тебя какао?

— Внизу, у Домокозлючки, — ответил Карлссон. — Оттуда мы сейчас и принесем его.

Малыш испуганно посмотрел на него. У него не было ни малейшего желания снова встречаться с фрёкен Бокк и схватить, быть может, еще пару пощечин. Да и как им добраться до баночки с какао? Она ведь стояла не у открытого окна, как блюдо с булочками, а на полочке рядом с плитой, прямо на глазах у фрёкен Бокк.

— Что ты собираешься делать? — спросил Малыш.

Карлссон удовлетворенно закудахтал:

— Да, ясное дело, тебе, такому маленькому

глупому мальчишке, этого не понять. Но уж если случайно лучший на свете шутильщик взялся за это дело, можешь быть совершенно спокоен.

— Да, но как… — начал было Малыш.

— Скажи мне, — спросил Карлссон, — ты когда-нибудь обращал внимание на балкончики, которые есть в этом доме, ну, где выколачивают перины?

Конечно, Малыш обращал на них внимание. Мама обычно выколачивала кухонные дорожки у них на балкончике, так удобно расположенном всего на полмарша выше, считая от двери кухни.

— Всего десять шагов от дверей квартиры. Даже такой маленький копуша, как ты, мог бы спокойно пробежать этот марш очень быстро.

Малыш ничего не понял:

— А зачем мне лезть на балкончик, где выбивают перины?

Карлссон вздохнул:

— Неужто тебе надо все разжевать, маленький, глупый ты мальчишка! Ладно, разинь уши и слушай, что я надумал!

— Да, я слушаю! — подтвердил Малыш.

— Так вот, — сказал Карлссон. — Маленький глупый мальчишка приземляется вместе с Карлссоном на балкончике. Затем он опускает-

ся на полмарша вниз и долго и упорно звонит в дверь, понятно тебе? Злющая Домокозлючка слышит звонок и твердым шагом идет из кухни, чтобы открыть двери… Значит, на кухне никого нет! Храбрый и в меру упитанный герой влетает между тем в окно и снова пулей вылетает обратно, на этот раз с баночкой какао в руках. Маленький и глупый мальчишка звонит еще раз, чтоб только подразнить Домокозлючку, и мчится обратно на балкончик. Злющая Домокозлючка открывает дверь и, позеленев от злости, видит, что никто не стоит за дверью, протягивая ей букет алых роз. Она рычит и захлопывает дверь. Маленький глупый мальчишка продолжает хихикать на балкончике до тех пор, пока не является в меру упитанный герой и не уносит его на пир с булочками на крыше. Хейсан-хоппсан, Малыш! Отгадай, кто самый лучший на свете шутильщик… А теперь в путь!

Не успел Малыш и глазом моргнуть, как уже сидел на спине у Карлссона и несся с крыши на балкончик, где выбивают перины. Карлссон сделал такую мертвую петлю, что у Малыша засвистело в ушах и защекотало в животе куда хуже, чем во время катания на американских горах в парке Грёна Лунден — Зеленой Роще.

Затем все произошло точь-в-точь так, как было задумано. Карлссон с громким жужжанием полетел к кухонному окну, а Малыш, сбежав вниз, начал долго и упорно звонить в дверь. Вскоре за дверью послышались шаги, приближавшиеся к прихожей. Тогда он и вправду захихикал и ринулся обратно на балкончик. Через секунду дверь внизу отворилась, и фрёкен Бокк высунула голову. Малыш мог бы ее увидеть, выгляни он осторожно через стекло балконной двери. Но и так было ясно, что Карлссон говорил правду: злющая Домокозлючка позеленела от злости, когда за дверью никого не оказалось. Громко беседуя сама с собой, она еще долго стояла в дверном проеме, словно ожидая, что тот, кто внезапно позвонил, вынырнет внезапно перед ней. Но тот, кто позвонил, тихонько хихикал на балкончике до тех пор, пока в меру упитанный герой не прилетел за ним и не унес его на пир с булочками у себя на крылечке.

Это был самый лучший из пиров с булочками, на котором довелось побывать Малышу.

— Вот здорово! — сказал он, когда, сидя на крылечке рядом с Карлссон ом, жевал свою булочку, пил какао и разглядывал крыши и башни Стокгольма, блестевшие на солнце. Булочки были

вкусные, какао — тоже замечательно вкусное. Он сам сварил его на очаге у Карлссона. Все, что нужно, — и молоко, и какао, и сахар Карлссон захватил с собой из кухни.

— И честно заплатил за всю эту муть. Пять эре лежат на столе, — сказал Карлссон. — Если ты честный, то честный до конца, с этим уж ничего не поделаешь.

— А где ты взял все эти пятиэровики? — поинтересовался Малыш.

— Из кошелька, который на днях нашел на улице, — ответил Карлссон. — Битком набитый пятиэровиками и другими денежками!

— Бедняга тот, кто потерял этот кошелек, — вздохнул Малыш. — Наверно, расстроился.

— Еще бы не расстроиться, — возмутился Карлссон. — Уж если ты шофер такси, то будь любезен, следи как следует за своими вещами!

— Откуда ты знаешь, что он был шофер такси? — спросил Малыш.

— Ха, я видел, как он потерял свой кошелек, — ответил Карлссон. — А то, что он шофер такси, сразу видно. У него герб на фуражке. Дурак я, что ли!

Малыш с укором взглянул на Карлссона. В самом деле, разве можно так поступать с находка-

ми, об этом непременно надо сказать Карлссону. Но не стоит говорить об этом именно сейчас… Когда-нибудь в другой раз!

Сейчас ему хотелось сидеть на крылечке, наслаждаясь солнечным светом, и булочками, и какао, и обществом Карлссона.

Карлссон вскоре умял все семь булочек. У Малыша так быстро не получалось. Он пока доедал только вторую. Третья еще лежала рядом с ним на крылечке.

— Ой, до чего же мне хорошо! — сказал Малыш.

Карлссон наклонился и сердито заглянул ему в глаза.

— А вот и неправда. И вовсе тебе не хорошо.

Он положил руку на лоб Малыша:

— Так я и думал! Типичный случай булочковой лихорадки.

Малыш с удивлением взглянул на него:

— А что это такое… булочковая лихорадка?

— А это когда съедаешь слишком много булочек.

— Тогда у тебя, наверно, булочковая лихорадка еще сильнее моей.

— Ты так думаешь? — спросил Карлссон. — Но видишь ли, у меня *уже* была булочковая лихо-

радка в три года, а заболеть ею можно только один раз в жизни, точь-в-точь как корью или коклюшем.

Малыш вовсе не чувствовал себя больным и попытался сказать об этом Карлссону. Но Карлссон заставил его лечь на крылечке и стал усердно брызгать ему в лицо какао.

— Это чтобы ты не упал в обморок, — любезно объяснил Малышу Карлссон.

И сгреб себе последнюю булочку Малыша.

— Ни одной булочки больше! Это была бы для тебя верная смерть! Но подумай, какое счастье для несчастной маленькой булочки, что на свете есть я. А не то пришлось бы ей валяться здесь на крылечке в полном одиночестве, — и он стал быстро уплетать булочку.

— Ну вот, она больше не одинока, — сказал Карлссон, удовлетворенно похлопав себя по животу.

— Нет, теперь она — вместе со своими семью товарками — блаженствует в моем животе!

Малыш тоже блаженствовал, да-да. Лежа на крылечке, он ощущал, как ему хорошо, несмотря на булочковую лихорадку. Он был сыт и охотно уступил эту последнюю булочку Карлссону.

Но тут он случайно взглянул на свои часы. Было

без нескольких минут три. Малыш засмеялся:

— Скоро явится фрёкен Бокк, чтобы выпустить меня из темницы. О, хотел бы я видеть ее лицо, когда она войдет ко мне в комнату, а меня там — нет!

Карлссон ласково похлопал его по плечу:

— Обращайся со всеми своими даже самыми маленькими желаниями к Карлссону, и он выполнит их все до одного. А сейчас сбегай и принеси мой бинокль. Он висит на четырнадцатом гвозде, считая от диванчика, и довольно высоко. Придется тебе влезть на верстак.

Малыш хихикнул:

— Ладно! Только у меня ведь булочковая лихорадка, разве при такой болезни не надо лежать спокойно?

Карлссон решительно покачал головой:

— Лежать спокойно и хихикать... Думаешь, это помогает от лихорадки? Наоборот, чем больше ты станешь лазать по стенам и крышам, тем скорее выздоровеешь. Об этом можно прочитать в любом медицинском справочнике.

И поскольку Малышу очень хотелось избавиться от своей булочковой лихорадки, он послушно вбежал в домик Карлссона, залез на верстак и снял бинокль, висевший на четырнадцатом гвоз-

де, считая от диванчика. На том же гвозде висела и картина, в одном из углов которой был изображен маленький красный петушок. Карлссон сам нарисовал его. Малыш сразу вспомнил, что Карлссон — лучший в мире рисовальщик петухов. А здесь он создал «Портрет ужасно одинокого маленького красного петушка» — так было написано на картине. И правда, этот петух был самым одиноким, самым маленьким и самым красным из всех петухов, которых Малышу довелось видеть в своей жизни. Но у Малыша не было времени смотреть на него дольше. Было уже почти три часа, и он страшно торопился.

Когда Малыш явился с биноклем, Карлссон ждал его, уже готовый к полету. И не успел Малыш вякнуть хотя бы слово, как Карлссон с громким жужжанием уже пересек вместе с ним улицу и приземлился на крыше дома, расположенного прямо напротив.

И тогда Малыш понял:

— Ой, какая удобная наблюдательная вышка, если есть бинокль и если хотят заглянуть в мою комнату!

— Бинокль есть, и заглянуть хотят! — подтвердил Карлссон, приставив к глазам бинокль.

Затем Малышу тоже дали бинокль, и он так

отчетливо увидел свою комнату, словно сам в ней находился. Там спал в корзинке Бимбо, там стояла кровать Малыша, его стол с учебниками, там висели на стене часы. И вот они пробили три часа. Но фрёкен Бокк не показывалась.

— Без паники! Только без паники! — воскликнул Карлссон. — Она уже на подходе, потому что я чувствую, как мурашки бегают у меня по спине, а кожа стала просто гусиная!

Вырвав бинокль из рук Малыша, он приставил его к глазам.

— Ну, что я сказал? Наконец-то открывается дверь и входит эта милая и симпатичная тетенька — ничуть не хуже предводительницы людоедов. — Он просто зашелся от смеха. — Ну к ну! Как она вытаращила глаза! Где же Малыш? Подумать только! Что, если он вывалился из окна?

Так, видно, подумала и фрёкен Бокк, потому что в жутком испуге ринулась к окну. Малышу стало по-настоящему жаль ее. Высунувшись из окна, она посмотрела на улицу, словно ожидая увидеть там Малыша.

— Нет, его там нет, — сказал Карлссон. — Какая неприятность!

Явно успокоившись, фрёкен Бокк отошла от

окна и снова стала искать Малыша.

— Теперь она ищет тебя, — комментировал Карлссон. — Ищет в кровати… и под столом… и *под* кроватью, хо-хо-ага-ага… подожди-ка, теперь она идет к шкафу; она, верно, думает, что ты лежишь там и, скорчившись, ревешь.

Карлссон снова зашелся от смеха.

— Теперь самое время подшутить над ней, — сказал он.

— А как? — поинтересовался Малыш.

— А вот как, — сказал Карлссон. И не успел Малыш вякнуть хотя бы слово, как Карлссон с громким жужжанием уже пересек вместе с ним улицу и швырнул Малыша в окно его комнаты.

— Хейсан-хоппсан! Малыш, будь поласковее с Домокозлючкой, — заботливо посоветовал ему Карлссон.

И улетел прочь.

Малыш не думал, что это самый лучший способ шутить. Но ему нужно было сделать все, что в его силах, чтобы подыграть Карлссону. Поэтому он тихо и спокойно подкрался к своему столу, сел на стул и открыл учебник арифметики. Он слышал, как фрёкен Бокк роется в шкафу. И нетерпеливо ждал, когда она вылезет оттуда. И она вылезла. И первое, что увидела, был Малыш. Она прислони-

лась к дверце шкафа и молча застыла, не спуская с него глаз. Затем несколько раз моргнула, словно проверяя, не изменяет ли ей зрение.

— Господи Боже мой! Где ты прятался? — под конец спросила она.

Малыш с невинным видом поднял глаза от учебника:

— А я вовсе не прятался. Я сижу тут и решаю свои задачки. Я ведь не знал, что вы, фрёкен Бокк, любите играть в прятки. Пожалуйста… полезайте снова в шкаф… а я вас охотно поищу.

Фрёкен Бокк не ответила ни слова. Она молча стояла и думала.

— Уж не заболеваю ли я, на самом деле? — пробормотала она. — В этом доме творится что-то несусветное.

И вот тут-то Малыш услышал, как кто-то закрывает дверь снаружи. Малыш хихикнул. Лучший на свете приручатель домокозлючек наверняка влетел в открытое окно кухни, чтобы показать Домокозлючке, каково сидеть взаперти.

Фрёкен Бокк ничего не заметила. Она только стояла с задумчивым видом. А под конец сказала:

— Чудеса! Ну ладно, иди поиграй, пока я готовлю обед.

— Спасибо, вы очень любезны, — сказал Малыш. — Так мне больше не надо сидеть взаперти?

— Да, не надо, — ответила фрёкен Бокк и подошла к двери. Взявшись за ручку, она нажала на нее сначала один раз, потом другой. Но дверь не желала открываться. Тогда она налегла на дверь всей своей тяжестью. Но это не помогло. Дверь не поддавалась. Фрёкен Бокк взвыла.

— Кто закрыл дверь? — орала она.

— Вероятно, это сделали вы, фрёкен Бокк, — ответил Малыш.

Фрёкен Бокк фыркнула:

— Болтовня! Как можно запереть дверь снаружи, когда я в комнате?

— Не знаю, — сказал Малыш.

— Может, это Буссе или Беттан, — предположила фрёкен Бокк.

— Не-а, они еще в школе, — заверил ее Малыш.

Тут фрёкен Бокк тяжело плюхнулась на стул.

— Знаешь, что я думаю, — сказала она. — Я думаю, что здесь в доме обитает привидение.

Малыш кивнул головой. О, как прекрасно, что фрёкен Бокк думает, будто Карлссон — привидение. Может, тогда она уберется от них. Ведь не захочет же она оставаться в доме, где водятся

привидения!

— Вы боитесь привидений, фрёкен Бокк? — спросил Малыш.

— Вовсе нет, — ответила фрёкен Бокк. — Я их обожаю! Подумать только! Теперь я, может, попаду на экран телевизора! Знаешь, у них на телевидении есть целая серия передач о людях, которые встречались с привидениями и рассказывают об этих встречах. Ну, а рассказа о том, что мне довелось пережить здесь за один-единственный день, хватит на десять телепрограмм.

У фрёкен Бокк был вполне довольный вид.

— Можешь мне поверить, это приведет в ярость мою сестру Фриду. Ведь Фрида уже выступала по телевидению и рассказала обо всех привидениях, которых она видела, а также обо всех таинственных голосах, которые ей доводилось слышать, и еще неизвестно о чем. Но теперь я основательно собью с нее спесь.

— А что, фрёкен Бокк, вы слышали голоса каких-либо привидений? — полюбопытствовал Малыш.

— Да разве ты не помнишь, как недавно, когда исчезли булочки, мычали под окном? Я попытаюсь воспроизвести это мычание на телевидении, чтобы люди знали, как оно звучит.

И она замычала так, что Малыш даже подпрыгнул на стуле.

— Вот примерно так, — сказала довольная фрёкен Бокк.

За окном послышалось еще более громкое мычание, и домоправительница побледнела.

— Оно отвечает мне, — прошептала она. — Привидение отвечает мне. Я скажу об этом на телевидении. Боже мой, как разозлится Фрида!

И она рассказала Малышу, как хвастала на телевидении Фрида всеми своими историями о привидениях.

— Послушать ее, так весь Васастан так и кишит привидениями, и большинство, разумеется, обосновалось в нашей квартире, хотя их никогда не бывает в моей комнате, а только в комнате Фриды. Подумать только, однажды вечером там появилась рука какого-то привидения и написала на стене предостережение для Фриды! Уж ей-то оно, право, было необходимо, — сказала фрёкен Бокк.

— Какое же предостережение? — спросил Малыш.

Фрёкен Бокк немного подумала:

— Да, как же это было… вот что там было написано: «Берегись! Отведенный тебе срок жизни

безгранично краток. Будь серьезнее».

У Малыша был такой вид, будто он ничего не понял из ее слов, да он и в самом деле ничего не понял, так что фрёкен Бокк пришлось ему объяснить:

— Это было предостережение Фриде о том, что ей следует измениться и начать вести более достойный образ жизни.

— И она послушалась? — спросил Малыш.

Фрёкен Бокк фыркнула:

— Ну, этого я, конечно, не думаю. Хвастается она по-прежнему, воображает, будто она этакая телезвезда, хотя и была-то на телевидении всего один раз. Зато теперь я знаю, кто сумеет сбить с нее спесь.

Фрёкен Бокк потирала руки от удовольствия: она наконец-то собьет с Фриды спесь, и ей было совершенно безразлично, что она сидела взаперти вместе с Малышом. Она сидела очень довольная, сравнивая истории о привидениях, рассказанные сестрой, со своими собственными до тех пор, пока Буссе не вернулся домой из школы.

Тут Малыш закричал:

— Иди сюда и открой дверь! Я заперт вместе с Домоко… с фрёкен Бокк.

Буссе открыл дверь и очень удивился.

— Кто это, Господи Боже мой, вас запер? — спросил он.

— Когда-нибудь услышишь об этом по телевидению, — с таинственным видом сказала фрёкен Бокк.

Она заторопилась готовить обед и, широко шагая, промаршировала на кухню. И тут же раздался громкий крик.

Малыш помчался на кухню.

Фрёкен Бокк сидела на стуле еще бледнее прежнего и молча показывала пальцем на стену.

Оказывается, не только Фрида получила предостережение, написанное рукой привидения. Его получила и фрёкен Бокк. Оно было написано большими неровными буквами и видно издалека.

«Берегись! В твоих бессовестно дорогих булочках — очень мало корицы!»

КАРЛССОН И ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ЯЩИК

Папа вернулся домой к обеду[9] и принес печальную новость:

— Бедные дети, похоже, скоро вам придется остаться на несколько дней совсем одним. Мне совершенно неожиданно придется лететь по делам в Лондон. Как бы чего не случилось! Сможете ли вы управиться без меня?

— Ясное дело, сможем, — ответил Малыш. — Только не суйся под пропеллер.

Папа рассмеялся:

— Я думал вовсе не о себе, а о том, как вы справитесь дома без мамы и без меня.

Буссе и Беттан считали, что все будет прекрасно.

— А это даже здорово — хоть какое-то время пожить без родителей, — сказала Беттан.

— Да, но подумайте о Малыше, — напомнил папа.

Беттан нежно потрепала белобрысую макушку брата.

— Я буду ему вместо мамы, — пообещала она.

---

[9] Примечания: 9
Обед в Швеции в 5–7 часов вечера.

Папа не очень-то поверил этому, да и Малыш тоже.

— Тебя ведь вечно нет дома, бегаешь со своими кавалерами, особенно когда больше всего нужна, — пробормотал Малыш.

Буссе попытался его утешить:

— Но зато у тебя есть я.

— Да, ты у меня есть — на Эстермальмском стадионе, — произнес Малыш.

Буссе расхохотался:

— Значит, остается одна Домокозлючка. Она не бегает с кавалерами и не играет в футбол.

— Не-а, а жаль, — сказал Малыш.

Он сидел, пытаясь прочувствовать, как ему не нравится фрёкен Бокк. Но тут он заметил нечто странное — больше он на нее не злился. Ну просто ни капельки! Малыш очень удивился. Как это случилось? Неужто достаточно посидеть вместе с человеком пару часов, чтобы научиться выносить его? Нельзя сказать, что он внезапно полюбил фрёкен Бокк, — до этого далеко, но все же стал относиться к ней немножко лучше. Бедняга, ведь ей приходится жить вместе с этой Фридой! Малыш-то хорошо знал, что такое иметь надоедливую сестру. А Беттан все-таки не хваталась по телевидению привидениями, как Фрида.

— Я не хочу, чтобы вы оставались по ночам одни, — сказал папа. — Думаю, лучше всего спросить фрёкен Бокк, не захочет ли она пожить здесь, пока я в отъезде.

— Неужели мне придется быть с ней в одной квартире не только днем, но и ночью? — огорчился Малыш.

Но в глубине души он чувствовал, как хорошо, если кто-то будет заботиться о них, пусть даже если это всего-навсего Домокозлючка.

А фрёкен Бокк более чем охотно согласилась прийти и жить с детьми. Оставшись наедине с Малышом, она объяснила почему.

— Понимаешь, по ночам привидения являются чаще. И я соберу такой материал для телевизионной программы, что Фрида свалится со стула, когда увидит меня на экране.

Малыш забеспокоился. А что, если фрёкен Бокк, пока папа отсутствует, начнет таскать к ним в дом толпы телевизионщиков! А ведь кого-нибудь из них угораздит увидеть Карлссона. Ой, тогда он наверняка попадет на телеэкран, это уж точно; хотя какое он привидение! Он всего-навсего Карлссон. А тогда — конец покою и миру в доме, чего так боялись мама с папой. Малыш понял, что необходимо предупредить Карлссона и просить

его быть осторожней.

Ему удалось это сделать только на следующий день вечером, когда он остался дома один. Папа улетел в Лондон, Буссе и Беттан разбежались, а фрёкен Бокк решила прогуляться к себе домой на улицу Фрейгатан, чтобы спросить у Фриды, не являлись ли ей снова какие-нибудь привидения.

— Я скоро вернусь, — сказала она Малышу, перед тем как уйти. — А если явятся какие-нибудь привидения, попроси их подождать меня, ха-ха-ха!

Фрёкен Бокк редко шутила и почти никогда не смеялась.

Когда же это иной раз случалось, то все благодарили судьбу, что это случалось не часто. Но в эту минуту домоправительница была как раз очень оживлена. Малыш еще долго слышал, как она смеялась, даже на самых нижних ступеньках лестницы.

Вскоре после ее ухода в окно влетел Карлссон.

— Хейсан-хоппсан, Малыш! Чем будем заниматься? — поинтересовался он. — Нет ли у тебя какой-нибудь паровой машины, которую можно взорвать, или же какой-нибудь домокозлючки, которую можно ретировать? Все, что угодно, только чтоб было весело, а не то я так не играю.

— Мы можем посмотреть телек! — предложил Малыш.

Подумать только, оказалось, что Карлссон не имел ни малейшего понятия о телевидении! Ни разу в жизни он не видел телевизора! Малыш повел его в гостиную и с гордостью показал ему прекрасный телевизор марки «23».

— Смотри!

— Это еще что за ящик? — спросил Карлссон.

— Никакой это не ящик, а телевизор, — объяснил Малыш.

— А что держат в таких ящиках? — спросил Карлссон. — Может, булочки?

Малыш расхохотался:

— Не совсем! Сейчас увидишь, что это такое.

Малыш включил аппарат, и вдруг, откуда ни возьмись, на экране появился незнакомый дяденька и стал рассказывать о том, какая погода будет на крайнем севере Норланда.

Глаза Карлссона стали круглыми от удивления.

— Как вам удалось сунуть его в этот ящик?

Малыш расхохотался во все горло.

— Ну, а ты как думаешь? Он залез туда, когда был совсем маленьким, понятно?

— А зачем он вам? — захотел узнать Карлссон.

— Ты что, не понимаешь? Ведь я шучу! — воскликнул Малыш. — Он вовсе не залезал туда, когда был маленьким, и вовсе он нам не нужен. Он просто там, понятно тебе, и рассказывает о том, какая будет завтра погода. Потому что он такой вот предсказывальщик погоды, ну ты знаешь…

Карлссон возмущенно фыркнул:

— И у вас есть специальный дядька, засунутый в ящик, чтобы болтать о том, какая погода будет завтра… Вот это да! Сами увидите! Лучше меня спросите… будет гром и молния, и дождь, и град, и буря, и землетрясение… Ну как, доволен?

— Завтра на Норландском побережье ожидается буря и дождь, — произнес предсказывальщик погоды на экране телевизора.

Карлссон восхищенно расхохотался:

— Ну, что я говорил… Буря и дождь!

Подойдя к самому телевизору, он прижался носом к носу предсказывальщика погоды.

— А еще землетрясение, что же ты забыл! Бедные жители Норланда! Какая ужасная погода их ожидает! Но они должны радоваться, что их вообще ожидает какая ни на есть погода! Подумать только, а если б они остались вообще безо всякой погоды!

И он дружески шлепнул дяденьку на экране телевизора.

— Какой милый дядька, — сказал он. — Куда меньше меня ростом. Мне это нравится.

Потом он встал на колени и осмотрел аппарат снизу.

— Интересно, с какой стороны он туда влез?

Малыш попытался объяснить ему, что это вовсе не живой человек, а просто картинка на экране, но тут Карлссон чуть не рассердился:

— Можешь заливать кому-нибудь другому, дурашка! Ведь он же шевелится! Ну, а погода на крайнем севере Норланда… разве станут мертвые болтать об этом, а?

Малыш не очень много знал о телевидении, но изо всех сил старался объяснить все, что мог, Карлссону. И еще он хотел воспользоваться случаем и предупредить Карлссона о грозящей ему опасности.

— Ты не поверишь, но фрёкен Бокк очень хочет попасть в телевизор, — начал было он, но Карлссон тут же дико расхохотался:

— Домокозлючка в таком маленьком ящике! Эта огромная туша? Да ей надо сделаться в четыре раза меньше, чтобы попасть туда!

Малыш вздохнул. Карлссон, видно, так ничего

и не понял. Малышу пришлось снова объяснять все с самого начала. Это казалось безнадежным, но в конце концов ему все же удалось объяснить Карлссону, как удивительно работает этот аппарат. Фрёкен Бокк вовсе не нужно самой залезать в телевизионный ящик; она может тихо и спокойно сидеть на расстоянии многих-многих миль от него, и все же ее увидят, живую и здоровую, на экране телевизора, заверил Карлссона Малыш.

— Живую и здоровую Домокозлючку… О! Какой ужас! — сказал Карлссон. — Лучше выкинь этот ящик и поменяй его на другой, с булочками. Они нам пригодятся.

Как раз в эту минуту на экране появилась красивая дикторша. Она так дружелюбно улыбалась, что Карлссон не мог оторвать от нее глаз.

— Хотя само собой, — сказал он, — эти булочки должны быть *очень* вкусные. Сразу даже не угадаешь, что в этом ящике всего гораздо больше, чем может показаться с первого взгляда.

Дикторша по-прежнему улыбалась Карлссону, а Карлссон, подталкивая в бок Малыша, улыбался ей в ответ.

— Нет, ты только взгляни на эту маленькую фифочку. Я ей нравлюсь… да, ведь она видит, что я — красивый, весь такой умный и в меру

упитанный мужчина в цвете лет.

Внезапно дикторша исчезла. Вместо нее на экране появилось двое серьезных некрасивых мужчин, которые только и делали, что болтали и болтали без конца. Карлссону это не понравилось. Он начал вертеть и крутить все колесики подряд и нажимать на все кнопки, какие только были.

— Не надо, не делай этого, — попросил Малыш.

— Нет, надо, — возразил ему Карлссон, — потому что я хочу выкрутить обратно ту маленькую фифочку.

Он бешено вертел колесики и нажимал кнопки, но дикторша так и не появилась. Зато некрасивые господа стали еще уродливее. Ноги у них стали маленькими-премаленькими, а лбы — очень высокими. Это было единственное, чего добился Карлссон и что его очень рассмешило. Потом он долго забавлялся, то включая, то выключая телевизор.

— Дядьки появляются и исчезают, когда я этого хочу, — сказал довольный Карлссон.

Двое мужчин все болтали и болтали без конца, как только Карлссон предоставлял им такую возможность.

— Я, со своей стороны, полагаю… — говорил один.

— Какое мне дело до того, что ты полагаешь, — сказал Карлссон. — Отправляйся-ка домой и ложись спать!

Он, громко щелкнув, выключил аппарат и восторженно засмеялся:

— Подумать только, как взбесился этот дядька, когда ему не позволили сказать, что он полагает со своей стороны!

Карлссону уже надоел телевизор, ему хотелось чего-нибудь новенького и веселого.

— А где же Домокозлючка? Подавай ее сюда, чтоб я мог ее фигурить.

— А как это?.. — с тревогой спросил Малыш.

— Существует, — важно ответил Карлссон, — три способа укрощения домокозлючек: ретировать или фирюлить, или фигурить. Вообще это все одно и то же, но фирюлить, что значит озорничать, больше похоже на рукопашный бой.

Малыш еще больше встревожился. Подумать только! Если Карлссон вступит в рукопашный бой с фрёкен Бокк, она тут же его увидит, а этого ни в коем случае допускать нельзя. Как это ни трудно, но придется Малышу, пока мама и папа в отъезде, его стеречь. Придется как-то запугать Карлссона, чтобы у него самого хватило ума держаться подальше от фрёкен Бокк. Поразмыслив

немного, Малыш лукаво спросил:

— А ты, Карлссон, не хотел бы попасть в телевизор?

Карлссон энергично потряс головой:

— В этот ящик? Я? Никогда — покуда я здоров и могу защищаться.

Но потом лицо его приняло несколько задумчивое выражение.

— Хотя, пожалуй, если бы вместе со мной там оказалась и эта маленькая фифочка!

Малыш решительно заявил, что Карлссон даже мечтать об этом не может. Мол, если он и попадет в телевизор, то только вместе с фрёкен Бокк.

Карлссон аж подпрыгнул.

— Домокозлючка и я в одном ящике… ой, ой! Если на крайнем севере, в Норланде, еще не было землетрясения, то оно непременно будет, заруби себе на носу! Как тебе могла прийти в голову такая нелепица?

Тогда Малыш рассказал ему все, что знал о телевизионной программе, посвященной привидениям, в которой собиралась участвовать фрёкен Бокк, да так, чтоб Фрида от зависти свалилась со стула.

— Разве Домокозлючка видела какое-то привидение? — удивился Карлссон.

— Нет, *не видела,* — ответил Малыш. — Но *слышала,* как одно из них мычало под окном. Она думает, что ты и есть привидение.

И Малыш обстоятельно объяснил Карлссону, как связаны между собой Фрида, Домокозлючка, сам Карлссон и телевидение. Но если он думал, что это запугает Карлссона, то жестоко ошибся. Хлопнув себя по коленке, Карлссон заскулил от восторга, а наскулившись до одури, стукнул Малыша по спине:

— Береги Домокозлючку! Она — лучшее украшение вашего дома! Пожалуйста, береги ее! Уж теперь-то мы повеселимся вволю!

— А как? — робко спросил Малыш.

— Слушайте! Слушайте! — орал Карлссон. — Теперь не только Фрида свалится со стула! Нет, теперь держитесь и вы все — домокозлючки и дядьки в телевизоре, — вы увидите, кто примчится на всех парах!

Малыш еще больше забеспокоился:

— Кто примчится на всех парах?

— Маленькое привидение из Васастана! Ха-ха! — закричал в ответ Карлссон. — Слушайте! Слушайте!

Малыш перестал спорить. Ведь он предупреждал Карлссона и пытался сделать так, как

хотели мама с папой. Ну что ж! Пусть будет так, как хочет Карлссон. Потому что в любом случае этим все кончается. Пусть проказничает, играет в привидение и фирюлит; он, Малыш, и не думает ему больше мешать. И когда он наконец решился на это, то понял, что теперь уж они повеселятся как следует! Он вспомнил, что Карлссон уже был однажды привидением и насмерть испугал воров, которые хотели украсть все мамины деньги на хозяйство и столовое серебро. Карлссон тоже не забыл эту историю.

— Помнишь, как мы однажды повеселились? — спросил он.

— А вообще-то, где одежда, которую я надевал, когда был привидением?

Малышу пришлось признаться, что мама отобрала ее. Она очень рассердилась в тот раз из-за простыни, которую испортил Карлссон. Но потом залатала дырку и снова превратила одежду привидения в обыкновенную простыню.

Услышав об этом, Карлссон негодующе хмыкнул:

— Ничего не могут оставить в покое!

Он сел на стул и надулся.

— Если так будет продолжаться, я больше не играю. Можете сами подыскивать себе привиде-

ния, какие хотите.

Но тотчас же, вскочив со стула, подбежал к бельевому шкафу и отворил дверцу:

— К счастью, здесь еще много простыней!

Он рванул к себе одну из самых лучших и тонких маминых простынок, но тут к нему с криком ринулся Малыш:

— Нет, только не эту! Оставь ее… здесь есть старые ненужные простыни, они, наверно, подойдут.

Карлссон был явно недоволен.

— Старые простыни! А я-то думал, что маленькое привидение из Васастана достойно носить хотя бы красивую воскресную одежду. Хотя понятно, дом-то у вас — небогатый… давай сюда это тряпье!

И Малыш, порывшись в шкафу, выудил оттуда несколько рваных простыней, которые подал Карлссону.

— Если ты сошьешь их, то может получиться неплохая одежда для привидения, — сказал он.

Карлссон угрюмо стоял, держа в руках простыни.

— Если я их сошью! Ты, очевидно, думаешь: если *ты* их сошьешь! Давай полетим ко мне, чтобы Домокозлючка не ворвалась к нам, пока

ты будешь сметывать простыни.

После этого Малыш целый час сидел на крыше у Карлссона и шил одежду для привидения. В школе на уроках труда он научился вышивать вперед иголкой, назад иголкой и крестом. Но никто не учил его сшивать из двух рваных простыней одежду для привидения. Ему пришлось самому придумывать, как это сделать. Он было попробовал просить Карлссона помочь ему.

— Мог хотя бы скроить свою одежду, — предложил Малыш.

Но Карлссон покачал головой:

— Уж если б я и стал кроить, то только раскроил бы голову твоей маме. Вот ей бы я раскроил ее охотно. Видите ли, ей очень нужна одежда привидения! Это будет только справедливо, если ты сошьешь мне новую. Давай работай, и нечего хныкать!

Кроме того, Карлссон добавил, что у него вообще нет времени шить, мол, ему необходимо нарисовать картину, и притом — немедленно.

— Понимаешь, это надо делать срочно, если к тебе является вдохновение, а ко мне оно явилось буквально сию минуту. «Плюх» — послышалось вдруг; это ко мне явилось вдохновение.

Малыш не знал, что за штука такая — вдох-

новение. Но Карлссон объяснил ему: это вроде болезни, которая нападает на всех рисовальщиков картин. И после этого им хочется только рисовать, рисовать и рисовать, а не шить одежду для привидений.

И Малыш, примостившись на верстаке, сидел там скрестив ноги, как настоящий портной, и шил. Сам же Карлссон, забравшись в угол у очага, рисовал картину. За окном уже стемнело, но в домике Карлссона было светло и уютно; горела керосиновая лампа, в очаге мерцал огонь.

— Надеюсь, ты был прилежным и внимательным на уроках труда, — сказал Карлссон. — Потому что я хочу, чтоб одежда привидения была нарядной. Мне бы пришлись по душе фестончики вокруг шеи, а может, и вышивка зигзагом.

Малыш не ответил. Он все шил и шил, дрова потрескивали, а Карлссон рисовал.

— А что ты все-таки рисуешь? — спросил Малыш.

— А вот увидишь, когда картина будет готова, — сказал Карлссон.

Под конец Малыш кое-как сшил одежду для привидения, которая, как ему казалось, подойдет Карлссону. Карлссон примерил ее и остался очень доволен. Он сделал несколько кругов по комнате,

чтобы предстать во всей красе.

Малыш задрожал от страха. Ему показалось, что у Карлссона жуткий вид, как у настоящего призрака. Бедная фрёкен Бокк, ей ведь так хотелось, чтобы в доме поселились привидения, и вот, пожалуйста, теперь у нее появилось, по крайней мере, одно, но зато такое, что может испугать кого угодно.

— Пусть теперь Домокозлючка посылает за дядьками с телевидения! — орал Карлссон. — Потому что скоро прилетит Маленькое привидение из Васастана, моторизованное, дикое и прекрасное, и ужасно-ужасно опасное.

Карлссон летал по комнате, удовлетворенно посмеиваясь. Картина его уже совершенно не интересовала. Малыш подошел к ней поближе, посмотреть, что нарисовал Карлссон.

«Портрет моих кроликов», — было написано внизу, у самой рамки. Но нарисовал Карлссон какую-то маленькую рыжую зверюшку, напоминавшую больше всего лису.

— А разве это не лиса? — спросил Малыш.

Карлссон подлетел к нему и приземлился рядом. Склонив голову набок, он посмотрел на портрет:

— Да, ясное дело, это лиса. Точно, это лиса, на-

рисованная лучшим на свете рисовальщиком лисиц.

— Да, но там написано «Портрет моих кроликов»... — сказал Малыш. — Где же тогда кролики?

— А они в брюхе у лисы, — ответил Карлссон.

КАРЛССОН МАСТЕРИТ ТЕЛЕФОН

Когда на следующее утро Буссе и Беттан проснулись, они увидели, что на теле у них выступила какая-то странная сыпь.

— Скарлатина, — изрекла, посмотрев на них, фрёкен Бокк.

То же самое сказал врач, которого она вызвала:

— Скарлатина! Немедленно отправить их в эпидемическую больницу!

И, указав на Малыша, добавил:

— А этого временно изолировать!

Малыш заплакал. Он не хотел, чтоб его изолировали. Он даже не знал, что такое — «изолировать», но звучало это препротивно.

— Чепуха! — заявил Буссе после ухода врача. — Это значит, тебе всего-навсего не надо ходить в школу и встречаться с другими детьми, чтобы их не заразить.

Беттан лежала со слезами на глазах.

— Бедный Малыш! — сказала она. — Ты останешься совсем один! Надо позвонить маме.

Но фрёкен Бокк и слышать о том не желала.

— Ни в коем случае. Фру Свантессон необходимы отдых и покой. Вспомните, она тоже больна.

Я пригляжу за ним хорошенько!

Она кивнула Малышу, который, весь зареванный, стоял рядом с кроватью Беттан.

А потом времени для разговоров уже не было, потому что приехала «скорая помощь» и забрала Буссе и Беттан. Малыш плакал. Хотя иногда он и злился на своих брата и сестру, но все-таки очень их любил и страшно переживал, что им надо ехать в больницу.

— Привет, Малыш! — сказал Буссе, когда санитары уносили его из дома.

— До свидания, любимый мой крошка, не огорчайся. Мы, наверно, скоро вернемся домой! — пообещала Малышу Беттан.

Малыш рыдал:

— Ты так думаешь! А если вы умрете?

Фрёкен Бокк ругала его потом за эти слова… Как можно быть таким глупым и думать, что от скарлатины умирают!

Тогда Малыш пошел в свою комнату. Там у него был Бимбо, и он взял его на руки.

— Теперь у меня остался только ты, — сказал Малыш, обнимая Бимбо. — И еще, конечно, Карлссон.

Бимбо, вероятно, понял, что Малыш расстроен. Он лизнул его в лицо, словно хотел сказать: «Да,

правда, я у тебя… И еще Карлссон!»

Малыш долго сидел в комнате. И хотя он как раз ужасно тосковал без мамы, все же чувствовал, как чудесно, что на свете есть Бимбо. Он вспомнил, что обещал писать маме, и решил сделать это сейчас же, не откладывая.

«Дорогая мама! — написал он. — Пахоже наша семья аканчательно розваливается у Буссе и Беттан скалатина и они в больнице а меня велели изолировать. Эта не болно. Но я наверно тоже забалею скалатиной а папа в Лондоне если он еще жив хотя я не слышал что он бальной но он наверно бальной раз все остальные бальны. Я скутчаю по тебе как ты вобще поживаешь ты очень бальна? Тут кое что случилось с Карлссоном, о чем я хотел поговорить но я не стану потому что ты тогда только расстроишься а тебе нужен отдых и покой говорит Домокозлючка она не бальна и Карлссон тоже хотя с ними это наверно скоро случится. До свидания милая мамочка, отдыхай покойся с миром!»

— Больше я писать не буду, — сказал Малыш

щенку, — не хочу пугать ее.

Потом он подошел к окну и позвонил Карлссону. Да, он в самом деле позвонил ему. Ведь вчера вечером Карлссон сделал нечто очень хитроумное. Он провел телефон между своим домиком на крыше и комнатой Малыша этажом ниже.

— Привидению нельзя прилетать и появляться на авось в доме, — сказал Карлссон. — Но теперь Карлссон провел самый лучший на свете телефон. Так что ты можешь позвонить и заказать привидение как раз на то время, когда Домокозлючка сидит на каком-нибудь подходящем месте и, глядя в ночь, высматривает меня, маленького и ужасно опасного!

Устройство состояло из коровьего колокольчика — колокольчика, который носят коровы, — надежно прикрепленного к коньку крыши Карлссона, и шнура, протянутого от коровьего колокольчика к окну Малыша.

— Ты дергаешь за шнур, — инструктировал Малыша Карлссон, — наверху у меня звонит колокольчик, и — хлоп! — Маленькое привидение из Васастана мигом уже тут как тут, а Домокозлючка грохается в обморок. Верно, здорово?

Малышу тоже показалось, что это здорово. И не только из-за всей этой чертовщины с привиде-

ниями. Раньше ему приходилось сидеть и ждать, ждать без конца, когда Карлссон соблаговолит навестить его. А теперь он мог позвонить ему, когда нужно было с ним поговорить. И вот как раз в эту минуту Малыш почувствовал, что ему просто необходимо поговорить с Карлссоном. Он стал изо всех сил дергать шнур и тут же услыхал, как наверху на крыше без конца звонит и звонит колокольчик. А вскоре услышал и жужжание моторчика; но у Карлссона, влетевшего в окошко, был хмурый и сонный вид.

— Ты что же думаешь, это будильник? — брюзгливо проворчал он.

— Ах, прости меня, — извинился Малыш, — а ты спал?

— Тебе надо было спросить об этом, прежде чем будить меня. Сам-то ты вечно спишь как сурок, и тебе невдомек, каково таким беднягам, как я, которые почти никогда не смыкают глаз. И уж когда удается спокойно заснуть, о, тогда друзья должны, затаив дыхание, оберегать твой покой, а не трезвонить в колокола, как на пожар.

— Разве ты плохо спишь? — спросил Малыш.

Карлссон угрюмо кивнул в ответ:

— Да, представь себе, плохо.

Малыш огорчился:

— Как мне жаль тебя… у тебя в самом деле такой скверный сон?

— Прескверный, — ответил Карлссон. — Вообще-то по ночам я сплю, как камень, и по утрам тоже. Хуже всего после обеда; тогда я только лежу и ворочаюсь с бока на бок.

Он молча постоял, печалясь о своей бессоннице, но уже через минуту встрепенулся и живо огляделся по сторонам.

— Если б я получил хоть какой-нибудь маленький подарок, я, быть может, не стал бы так сильно расстраиваться из-за того, что ты меня разбудил.

Малыш не хотел, чтобы Карлссон расстраивался, и начал рыться в своих вещах.

— Хочешь мою губную гармошку?

Карлссон схватил губную гармошку:

— Да, я всегда хотел какой-нибудь музыкальный инструмент, да, спасибо тебе, я возьму хоть этот… ведь контрабаса-то у тебя все равно нет?!

Приложив гармошку к губам и издав несколько убийственных звуков, он посмотрел на Малыша горящими глазами:

— Слышал? Я только что сочинил мелодию. Она называется «Плач Маленького привидения».

Тогда Малыш сказал, что жалобные песни очень подходят дому, где все больны, и рассказал

Карлссону про скарлатину, которой заразились его брат и сестра.

— Подумать только, как жалко Буссе и Беттан, — сказал Малыш.

Но Карлссон ответил, что скарлатина — дело житейское, и тут не о чем волноваться. Вообще получилось очень удачно, что Буссе и Беттан попали в эпидемичку, как раз когда в доме наконец-то начнут появляться настоящие привидения.

Не успел Карлссон договорить, как Малыш подпрыгнул от страха. Он услыхал за дверью шаги фрёкен Бокк и понял, что она в любую минуту может войти к нему в комнату. Карлссон тоже понял, что надо немедленно исчезнуть. Плюх — кинувшись на пол, он свернулся в маленький клубочек и покатился под кровать Малыша. Малыш быстро уселся на кровать и прикрыл колени полой купального халата, чтобы она свисала вниз, как можно больше скрывая Карлссона от глаз фрёкен Бокк.

В тот же миг дверь открылась и в комнату шагнула фрёкен с половой щеткой и совком в руках.

— У меня здесь уборка, — сказала она, — выйди ненадолго на кухню!

Малыш так разволновался, что даже вспотел.

— Не-а, не хочу! — сказал он. — Я буду сидеть

здесь, раз меня надо изолировать.

Фрёкен Бокк рассердилась.

— А ты знаешь, что у тебя под кроватью? — спросила она.

Малыш покраснел… неужели она уже заметила Карлссона?

— Ничего… ничего под моей кроватью нет, — заикаясь, сказал он.

— Представь себе, что есть, — возразила ему фрёкен Бокк. — Там полным-полно больших клочьев пыли, которые я собираюсь вымести. Подвинься!

Малыш совершенно обезумел.

— Нет! — закричал он. — Я буду сидеть здесь и буду изолированный.

Тогда фрёкен Бокк, бормоча себе что-то под нос, принялась мести в другом конце комнаты.

— Сиди, ради Бога, пока я не уберу тут! А потом будь любезен перейти в какой-нибудь другой угол и изолироваться там, упрямый мальчишка!

Кусая ногти, Малыш стал лихорадочно думать, что же теперь будет. Но внезапно он вздрогнул и захихикал. Это Карлссон защекотал его под коленкой, а Малыш так боялся щекотки!

Фрёкен Бокк злобно посмотрела на него:

— Ага, ты еще смеешься, хотя твои мама, и брат,

и сестра болеют и страдают!

Малыш снова почувствовал, как Карлссон щекочет его под коленкой, и на этот раз он так громко захихикал, что чуть не свалился с кровати.

— Можно узнать, отчего это тебе так весело? — кисло спросила фрёкен Бокк.

— Хи-хи! — хихикал Малыш. — Я вспомнил одну веселую историю…

Он ломал голову, желая придумать какую-нибудь историю.

— Ну, историю о быке, который погнался за лошадью, а лошадь так перепугалась, что влезла на дерево. Слыхали вы эту историю, фрёкен Бокк?

Буссе часто рассказывал эту историю, но Малыш никогда не смеялся, потому что очень жалел беднягу лошадь, которой пришлось влезть на дерево.

Фрёкен Бокк даже не улыбнулась.

— Что за дурацкие анекдоты! Ты ведь прекрасно знаешь, что лошади не могут влезть на дерево.

— Не-а, не могут, — подтвердил Малыш, точь-в-точь как говорил это Буссе. — Но что ей было делать, если за ней, черт возьми, мчалось разъяренное животное?

Буссе говорил, что «черт возьми» *можно* гово-

рить только когда в рассказе поминается черт. Но фрёкен Бокк вовсе так не думала. Она с отвращением смотрела на Малыша:

— Вот ты смеешься и ругаешься скверными словами, а твои мама, брат и сестра болеют и страдают. Как тут не удивляться…

Но тут ее прервали. Из-под кровати внезапно донесся «Плач Маленького привидения», всего лишь несколько душераздирающих звуков было вполне достаточно для того, чтобы фрёкен Бокк так и подскочила на месте.

— Боже мой, что это такое?

— Не знаю, — ответил Малыш.

Но фрёкен Бокк знала, она-то знала, что это за звуки!

— Я не я, если это не звуки из мира иного.

— Из мира иного… какого же? — спросил Малыш.

— Из мира привидений, — ответила фрёкен Бокк. — В этой комнате никого, кроме нас с тобой, нет, и никто из нас не издавал таких звуков. Это был голос привидения, а вовсе не человека. Разве ты не слышал? Это звучало как призыв страждущей души.

Вытаращив от ужаса глаза, она уставилась на Малыша:

— Боже милостивый, теперь-то я просто *должна* написать на телевидение!

Отшвырнув щетку и совок, фрёкен Бокк села за письменный стол, схватила лист бумаги и начала писать. Писала она долго и старательно.

А потом сказала Малышу:

— Послушай-ка, сейчас ты услышишь! И она прочитала:

«Шведскому радио и телевидению.

Моя сестра Фрида Бокк принимала участие в вашей серии передач о духах и привидениях. Я не считаю эту программу удачной, а Фрида — пусть она думает все, что угодно, это ее дело… Но не все потеряно, и передачи эти должны и могут стать гораздо лучше и интересней. Потому что теперь я сама очутилась в доме с настоящими привидениями и посылаю вам перечень всех моих наблюдений над ними:

1. Странное мычание за окном, но никакой коровы там не было, потому что мы живем на пятом этаже, так что это были лишь звуки, похожие на мычание.

2. Таинственно исчезают разные вещи

и предметы, например булочки и сидящие взаперти мальчишки.

3. Двери запираются снаружи, между тем как я сижу в комнате. Объясните мне это явление, если можете!

4. Ужасающая записка привидения на кухонной стене!

5. Внезапные горестные звуки во время уборки, звуки, похожие на плач. Сейчас же приезжайте сюда, потому что все это может стать телевизионной программой, которая заставит говорить о себе.

С глубоким уважением Хильдур Бокк.

P.S. Как вам могло прийти в голову пригласить Фриду, именно ее, на телевидение?»

Затем фрёкен Бокк, преисполненная энергии, помчалась опускать письмо в почтовый ящик. Малыш заглянул под кровать. Карлссон лежал там с горящими глазами. Он тут же вылез, радостный и довольный.

— Послушай-ка! — закричал он. — Подожди до вечера, когда стемнеет! У Домокозлючки и вправду появится кое-что, о чем можно будет написать на телевидение.

Малыш снова захихикал и с нежностью посмотрел на Карлссона.

— Вот повезло мне, что меня изолировали вместе с тобой, — сказал Малыш.

На какой-то миг он вспомнил о Кристере и Гунилле, с которыми всегда играл. Вообще-то ему надо бы огорчаться, что он не будет с ними видеться.

«Ну да все равно, — подумал Малыш, — с Карлссоном играть веселее».

Хотя именно сейчас у Карлссона не было времени с ним играть. Ему надо было немедленно лететь домой и приладить к моторчику глушитель.

— Не годится, чтобы Маленькое привидение из Васастана прилетало со страшным грохотом, словно летающий бочонок, понятно? Нет, оно должно прилететь тихо, незаметно и так, чтобы шерсть на голове у Домокозлючки стала дыбом.

Затем Карлссон и Малыш договорились о том, как подавать сигналы с помощью их хитроумного телефона.

— Если ты позвонишь *один* раз, это будет означать: «Сейчас же прилетай!», а если два, то: «Ни в коем случае не прилетай!», а три раза, то: «Подумать только, что на свете есть некто

такой красивый, чертовски умный, и в меру упитанный, и храбрый, и прекрасный во всех отношениях, как только ты, Карлссон!»

— А зачем мне звонить тебе об этом? — спросил Малыш.

— Затем, что надо говорить своим друзьям ласковые и подбадривающие слова примерно каждые пять минут, а я не могу так часто являться сюда. Понятно?

Малыш задумчиво посмотрел на Карлссона:

— Я ведь — твой друг, да? Но я как-то не замечал, чтобы *ты* говорил мне такие слова.

Тут Карлссон расхохотался:

— Ну и ну! То ты, а то я! Кто ты такой? Ты — всего-навсего маленький глупый мальчишка!

Малыш кивнул в знак согласия. Он знал, что Карлссон прав.

— Но ты все равно меня любишь? Верно?

— Да, в самом деле люблю, — заверил его Карлссон. — Даже сам не знаю почему. Я не раз ломал над этим голову, когда лежал после обеда и мучился бессонницей.

Он погладил Малыша по щеке:

— Ясное дело, я люблю тебя, и, верно, есть за что… может, за то, что ты так непохож на меня, бедный ты ребенок!

Он взлетел на подоконник и помахал на прощание рукой.

— А если ты будешь звонить, как на пожар, — крикнул он на лету, — то это будет означать, что либо дом *загорелся*, либо ты хочешь мне сказать: «Ну вот, я снова разбудил тебя, дорогой Карлссон, возьми большую сумку, прилетай ко мне и забери за это все мои игрушки… Я их тебе дарю!»

И тут Карлссон улетел.

А Бимбо кинулся на пол прямо под носом у Малыша и начал бить хвостом так, будто выколачивал ковер. Обычно он делал это, когда хотел показать, что по-настоящему кому-то рад и желает, чтобы на него обратили внимание. Малыш лег рядом с ним на пол. Тогда Бимбо вскочил и залаял от радости. Затем он прижался к плечу Малыша и закрыл глаза.

— Тебе нравится, что я не хожу в школу, сижу дома и что меня изолировали? — спросил Малыш. — Ах ты, мой Бимбо! Ты, ясное дело, думаешь, что это я — лучший на свете.

МАЛЕНЬКОЕ ПРИВИДЕНИЕ ИЗ ВАСАСТАНА

Малыш провел в одиночестве весь этот долгий день и мечтал, чтобы поскорее наступил вечер. Ему казалось, что вечер этот будет не хуже сочельника. Он играл с Бимбо, рассматривал свои марки и немножко позанимался арифметикой, чтобы не очень отстать от своих одноклассников. А когда настало время Кристеру вернуться из школы, он позвонил ему и рассказал, что Буссе и Беттан заболели скарлатиной.

— Мне нельзя идти в зубрильню, я изолирован!

Ему показалось, что слова его прозвучали довольно внушительно и даже красиво. То же самое, очевидно, показалось и Кристеру, потому что он промолчал в ответ.

— Можешь рассказать об этом Гунилле, — разрешил Малыш.

— А тебе не скучно? — спросил Кристер, когда наконец обрел дар речи.

— Да нет, — сказал Малыш, — ведь у меня есть…

Тут он замолчал. Он хотел сказать «Карлссон», но не смог, папа не велел. Правда, весной Кристер и Гунилла много раз встречались с Карлссоном, но ведь это было *до того*, как папа заявил, что ни одной живой душе нельзя говорить о Карлссоне. Тем более что Кристер и Гунилла, вероятно, уже забыли о нем, и Малыш счел, что это только кстати.

«Теперь он стал моим собственным тайным Карлссоном», — подумал он и быстро распрощался с Кристером.

— Привет! Я спешу! Больше у меня нет времени!

Грустно было Малышу обедать с одной только фрёкен Бокк. Но она приготовила очень вкусные фрикадельки, и Малыш съел их довольно много.

На сладкое ему дали яблочный пирог с ванильным соусом. И тогда он начал думать, что, быть может, фрёкен Бокк не так уж и безнадежна.

«Самое лучшее у Домокозлючки — ее яблочный пирог, — подумал Малыш, — а в яблочном — ванильный соус, а в ванильном соусе — что именно я его ем».

Все-таки обед был невеселый, раз за столом столько пустых мест. Малыш тосковал без мамы и без папы, без Буссе и Беттан, ему не хватало их

всех и именно в таком порядке — сначала мамы, а потом уже всех остальных. Нет, в самом деле, это было невесело; кроме того, фрёкен Бокк все время болтала о Фриде, а Фрида порядком уже Малышу надоела.

Но вот настал вечер. Была уже осень, темнело рано. Малыш стоял у окна своей комнаты, бледный от нетерпения, и видел, как над крышами домов зажигаются звезды. Он ждал. И ждать было гораздо хуже, чем *рождественским* вечером. Тогда ведь ожидаешь только юльтомте — рождественского домового, а разве можно сравнить его с Маленьким привидением из Васастана… Ни в коем случае! Малыш нервно кусал ногти. Он знал, что где-то там, наверху, ждет своего часа и Карлссон! Фрёкен Бокк сидела на кухне и парила ноги в лоханке с водой. Каждый день она принимала ножную ванну, а потом приходила к Малышу пожелать ему спокойной ночи, это она ему обещала. И тогда уже — самое время звонить в колокольчик. А затем… Боже милостивый, как говорила фрёкен Бокк… Боже милостивый, до чего же будет интересно, просто дух захватывает!

— Если она сейчас же не явится, я лопну от нетерпения, — пробормотал Малыш.

И она явилась! Фрёкен Бокк вошла в комнату;

ее голые ноги были чисто вымыты. Малыш так испугался, что затрепетал, словно маленькая рыбка, хотя ждал и знал, что она придет.

Домоправительница недовольно посмотрела на него:

— Почему ты стоишь у открытого окна в одной пижаме? Сейчас же ложись!

— Я… я только смотрю на звезды, — запинаясь, произнес Малыш. — Не хотите ли, фрёкен Бокк, тоже взглянуть на них?

Он спросил это, желая хитростью заманить ее к окну. Одновременно он незаметно сунул руку за занавеску, где был шнурок, и сильно рванул его. Он услышал, как на крыше зазвенел колокольчик. Услышала звон и фрёкен Бокк.

— Я слышу звон колокольчика из космоса, — сказала она. — Как странно!

— Да, странно! — согласился с ней Малыш.

И тут же затаил дыхание. Потому что с крыши, плавно скользя, поплыло в воздухе белое и в меру упитанное привидение. Оно появилось в сопровождении музыки. Музыка звучала очень тихо и печально, но в осенней ночи играли «Плач Маленького привидения». Ошибки быть не могло!

— Там… о, ты только погляди… о, Боже милостивый, — сказала фрёкен Бокк.

Побледнев как мел, она опустилась на стул. Надо же! Сама ведь говорила, что не боится никаких привидений!

Малыш попытался ее успокоить.

— Да, теперь я тоже верю, что на свете есть привидения, — сказал он. — Но это же — совсем Маленькое привидение. Оно, наверно, вовсе не опасное.

Фрёкен Бокк не слушала его. Ее дикий взгляд был устремлен в окно, туда, где привидение демонстрировало свои фантастические виражи.

— Уберите его прочь! Уберите его прочь! — задыхаясь, произносила она.

Но Маленькое привидение из Васастана убрать было невозможно. Оно парило, то поднимаясь, то опускаясь, а время от времени кувыркалось в воздухе. И даже когда оно кувыркалось, не смолкала монотонная печальная музыка.

«Да, это по-настоящему красиво и торжественно, — думал Малыш. — Маленькое белое привидение, темное звездное небо и печальная музыка».

Но фрёкен Бокк вовсе так не считала. Вцепившись в Малыша, она крикнула:

— Бежим, спрячемся в спальне!

Квартира семьи Свантессонов состояла из пя-

ти комнат, кухни, прихожей и ванной. У детей — у Буссе, у Беттан и у Малыша была у каждого своя маленькая комнатка, у мамы с папой была спальня, и еще у них была большая гостиная. Теперь же, когда мама с папой уехали, в спальне поселилась фрёкен Бокк. Окна спальни выходили во Двор, окна Малыша — на улицу.

— Идем! — задыхаясь, произнесла фрёкен Бокк. — Идем, спрячемся!

Малыш яростно сопротивлялся. Зачем прятаться от привидения с его проделками, если они только-только начались? Но фрёкен Бокк была неумолима!

— Скорее, пока я не грохнулась в обморок!

Несмотря на сопротивление Малыша, она втащила его в спальню. Окно там было также открыто, но фрёкен Бокк рванулась вперед и шумно его захлопнула. Она тщательно задернула шторы, опустила жалюзи. Затем, насколько хватило сил забаррикадировала дверь мебелью. Было совершенно ясно, что она ни за что на свете не желает больше видеть никаких привидений. Малыш не мог этого понять, ведь раньше она так увлекалась всякими призраками и привидениями! Сидя на папиной кровати и видя, в каком она отчаянии, Малыш покачал головой и сказал:

— Да, Фрида бы так не боялась!

Но как раз в эту минуту фрёкен Бокк и слышать не желала о Фриде. Она продолжала тащить к дверям мебель — бюро и стол, все стулья и маленькую книжную полку. Перед дверью образовалась просто великолепная баррикада.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала фрёкен Бокк. — Теперь, я думаю, можно сидеть совершенно спокойно.

Тут из-под папиной кровати донесся глухой голос, который еще более удовлетворенно произнес:

— Теперь, я думаю, можно сидеть спокойно! Мы заперты на всю ночь!

И Маленькое привидение со страшным шумом и свистом взмыло ввысь.

— Помогите! Помогите! — заорала фрёкен Бокк.

— Ну, что там еще стряслось? — спросило привидение. — Тяжело таскать мебель, да? Какая из тебя носильщица!

И привидение еще долго и неудержимо хохотало над собственной шуткой. Фрёкен Бокк было не до смеха. Кинувшись к двери, она начала разбрасывать мебель с такой силой, что стулья закружились в воздухе. Опрокинув баррикаду,

она с громким криком рванулась в прихожую.

Привидение понеслось следом.

Малыш не преминул сделать то же самое. Последним же, дико лая, несся Бимбо. Он узнал привидение по запаху и думал, что все это только веселая игра. То же самое думало, разумеется, и привидение.

— У-у! — выло привидение, порхая чуть ли не над самой головой фрёкен Бокк. Иногда оно позволяло ей несколько опередить себя, отчего игра становилась еще более захватывающей. Они носились по всей квартире — фрёкен Бокк впереди, а Маленькое привидение — сзади, они влетали то в кухню, то в гостиную, то в комнату Малыша, и тут же вылетали обратно, бесконечно кружа по квартире.

Фрёкен Бокк все время кричала, да так, что привидение в конце концов даже попыталось ее успокоить:

— Ну, ну, ну, хватит выть! Зачем же орать, когда так весело!

Но это не помогло. Фрёкен Бокк, продолжая горланить, снова выбежала на кухню. Там, на полу, после ножной ванны по-прежнему оставалась лоханка с водой, а привидение преследовало фрёкен Бокк по пятам.

— У-у! — выло оно ей прямо в уши, и фрёкен Бокк, споткнувшись о лоханку, с грохотом повалилась на пол. И тут же завыла, как сирена в тумане, а привидение сказало:

— Шш!.. Ты насмерть напугаешь и меня, и соседей. Если ты не заткнешься, сюда явится полиция.

Пол на кухне весь был залит водой, а посреди лужи лежала фрёкен Бокк. На удивление быстро, хотя и с трудом, она поднялась из лужи и снова бросилась бежать из кухни с такой скоростью, что мокрые юбки так и шлепали ее по ногам.

Привидение же не могло удержаться от того, чтобы не поплясать в лоханке, где еще оставалось немного воды.

— Здорово забрызгали все стены! — обратилось довольное привидение к Малышу. — Да и все люди на свете обожают натыкаться на лоханки с водой. Чего же она-то вопит?

Привидение подпрыгнуло напоследок в лоханке, а потом снова собралось в погоню за фрёкен Бокк. Но она не показывалась. Лишь на паркетном полу прихожей остались следы ее мокрых ног.

— Бегущая рысью Домокозлючка, — сказало привидение. — Вот ее свежие следы. А куда они

ведут, мы скоро увидим. Кто самая лучшая на свете собака-ищейка? Отгадай!

Следы вели к ванной комнате. Фрёкен Бокк заперлась там, и уже издали можно было слышать ее торжествующий хохот. Маленькое привидение постучалось в дверь.

— Открой, говорю!

Из ванной донесся новый взрыв высокомерного хохота.

— Сейчас же открой… так я не играю! — воскликнуло привидение.

Хохот фрёкен Бокк смолк, но дверь все-таки не открылась. Тогда привидение обратилось к Малышу, который стоял рядом, тяжело дыша после дикой погони.

— Попробуй скажи ей ты! Какое тут веселье, если она запирается в ванной!

Малыш осторожно постучался в дверь.

— Это всего-навсего я, — сказал он. — А вы долго собираетесь сидеть в ванной, фрёкен Бокк?

— Всю ночь, можешь в этом не сомневаться, — ответствовала та. — Я как раз собираюсь устроить себе в ванне постель из всех полотенец, какие здесь только найдутся.

Тут уже привидение всерьез взялось за дело.

— Да ради Бога, пожалуйста! Ты можешь испор-

тить все на свете, и нам уже *никакого* веселья не видать! Но отгадай: кто, в таком случае, собирается слетать к Фриде? И устроить ей спектакль с привидением? Отгадай!

Долгое время в ванной стояла тишина, Фрёкен Бокк, верно, сидела там, мучительно обдумывая услышанную ужасную новость. Но в конце концов она слабым, жалким голосом умоляюще произнесла:

— Нет, не делай этого, а? Это… это мне не нравится!

— Раз так, давай выходи! — заявило привидение. — А не то мы прямиком помчимся на Фрейгатан. И тогда мы снова увидим Фриду в телевизионном ящике, это уж точно.

Слышно было, как фрёкен Бокк несколько раз вздохнула. А потом крикнула:

— Эй, Малыш, приложи ухо к замочной скважине, я шепну тебе несколько слов.

Малыш сделал то, что она просила. Он приложил ухо к замочной скважине, и фрёкен Бокк шепотом сказала ему:

— Понимаешь, я думала, что не боюсь привидений, а оказывается, боюсь. А ты — такой храбрый, ты не мог бы попросить это ужасное создание исчезнуть и прилететь в другой раз, ко-

гда я уже чуть-чуть привыкну к нему? Но только, пожалуйста, пусть обещает, *что не будет*, пока я привыкаю, летать к Фриде.

— Посмотрю, что можно сделать, — сказал Малыш.

Он повернулся, чтобы поговорить с привидением. Но никакого привидения там больше не было.

— Улетело! — закричал Малыш. — Наверно, привидение отправилось к себе домой! Давайте выходите!

Но фрёкен Бокк не осмелилась выйти из ванной, пока Малыш не обыскал всю квартиру и не убедился, что никакого привидения больше нет.

Затем фрёкен Бокк, дрожа всем телом, долго сидела в комнате Малыша. Но мало-помалу она ожила и приободрилась, причем приободрилась довольно основательно.

— Ой, это было просто ужасно! — сказала она. — Но подумай только, *подумай*, какая получится телевизионная программа! Фриде даже не снилось ничего мало-мальски похожего.

Сидя в комнате Малыша, она радовалась как ребенок. И только иногда, вспоминая, как за ней гналось привидение, снова начинала дрожать.

— Откровенно говоря, привидений и призраков

с меня хватит, — сказала она. — Глаза бы мои не видели больше этого уродца!

Не успела она произнести эти слова, как из шкафа Малыша послышалось глухое мычание, и этого было достаточно, чтобы фрёкен Бокк снова начала кричать:

— Слыхал! Привидение, точно, сидит в шкафу… ой, сдается мне, я умираю!

Малышу стало ее жалко, но он не знал, чем бы ее утешить.

— Да нет! — сказал он наконец. — Наверно, никакое это не привидение… подумать только, а что, если это маленькая коровка… да, будем надеяться, что это — маленькая коровка.

Но тут из шкафа послышался голос:

— Маленькая коровка! Ха! Подумать только! И вовсе это не коровка!

Дверца шкафа отворилась, и оттуда выскочило Маленькое привидение из Васастана в своем белом одеянии, собственноручно сшитом Малышом. Глухо вздыхая, как вздыхают обычно привидения, оно взлетело ввысь и начало описывать небольшие круги вокруг люстры.

— Ой! Ой! Это — самое опасное на свете привидение, а вовсе не какая-нибудь там маленькая коровка! — вопило привидение.

Фрёкен Бокк закричала. Привидение же продолжало описывать все новые и новые круги, оно летело все быстрее и быстрее! Все пронзительнее и пронзительнее кричала фрёкен Бокк, все отчаяннее и отчаяннее становилось привидение.

Но тут вдруг что-то произошло. Привидение, увлекшись, сделало несколько не совсем удачных кругов, и неожиданно его одежды застряли на рожках люстры.

— Тр-р! — послышался треск старых ветхих простыней, которые свалились с привидения и остались висеть на люстре, а вокруг нее по-прежнему летал Карлссон в своем будничном синем комбинезончике, клетчатой рубашке и носках в красную полоску. Он был так безумно захвачен всем происходящим, что ничего не заметил. Он только летал и летал и, подобно привидению, вздыхал и стонал все страшнее и страшнее. Описывая четвертый круг, он внезапно заметил то, что висело на люстре, развеваясь от сквознячка.

— Что это за накидку повесили на люстру? — спросил он. — Это что — какая-нибудь мухоловка?

Малыш смог лишь пролепетать:

— Нет, Карлссон, это не мухоловка.

Тогда Карлссон взглянул на свое пухленькое

тело и увидел, какая постигла его беда, увидел свой синий комбинезончик и понял, что он — больше не Маленькое привидение из Васастана, а всего-навсего — Карлссон.

Чуточку смущенно плюхнувшись, он приземлился возле Малыша и сказал:

— Ладно, беда может случиться даже с самым лучшим на свете… только что мы видели этому пример… ну да ладно, во всяком случае, это — дело житейское!

Бледная как смерть фрёкен Бокк сидела, не спуская глаз с Карлссона. Как выброшенная на берег рыба, она ловила ртом воздух. Но в конце концов ей удалось выдавить из себя несколько слов:

— Кто… кто… милостивый Боже… кто это такой?

И Малыш, глотая слезы, ответил:

— Это — Карлссон, который живет на крыше.

— А кто такой, — задыхаясь, спросила фрёкен Бокк, — кто такой — Карлссон, который живет на крыше?

Карлссон поклонился:

— Красивый, и весь такой умный, и в меру упитанный мужчина в цвете лет. Представь себе, что это я и есть!

КАРЛССОН — НЕ ПРИВИДЕНИЕ! ОН ВСЕГО-НАВСЕГО КАРЛССОН

Этот вечер Малышу никогда в жизни не забыть! Фрёкен Бокк, сидя на стуле, плакала, а Карлссон стоял чуть поодаль, и вид у него был почти что пристыженный. Никто не произносил слова, все было просто ужасно.

«От таких дел на лбу появляются морщины», — думал Малыш, потому что так иногда говорила мама. Это бывало, когда Буссе являлся домой с тремя плохими отметками сразу или же когда Беттан ныла и клянчила дубленку как раз в то время, когда папе надо было платить за телевизор. Или же когда Малыш, бросив камень на школьном дворе, разбивал стекло. Тогда мама, вздыхая, говорила: «От таких дел на лбу появляются морщины!»

Примерно то же самое чувствовал в эту минуту Малыш. Фу, как все это неприятно! Фрёкен Бокк плакала так, что слезы градом катились у нее по щекам. А почему? Только потому, что Карлссон оказался вовсе не привидением.

— Прощай моя телевизионная программа! —

сказала она и злобно поглядела на Карлссона. — А ведь я уже сказала Фриде…

Закрыв лицо руками, она душераздирающе заплакала, и никто так и не смог расслышать, что она сказала Фриде…

— Но ведь я же красивый, и чертовски умный, и в меру упитанный мужчина в цвете лет, — пытался успокоить ее Карлссон. — И я, верно, тоже смог бы побывать в этом ящике… может, с какой-нибудь маленькой фифочкой или с кем-то еще в этом роде!

Отняв руки от лица, фрёкен Бокк посмотрела на Карлссона и фыркнула:

— Красивый, чертовски умный и в меру упитанный мужчина… Только такого там и не хватало! Только такого и надо притащить на телевидение! Да таких там и без того полным-полно!

Злобно и недоверчиво взглянула она на Карлссона… Этот маленький толстячок… наверно, он все-таки мальчишка, хотя с виду и похож на маленького дядьку?

И она спросила Малыша:

— А это что за личность, собственно говоря?

И Малыш честно и правдиво ответил:

— Это мой друг, мы вместе играем.

— Так я и думала, — съязвила фрёкен Бокк.

И снова заплакала. Малыш был страшно удивлен.

Ведь мама с папой внушили себе, что стоит хоть кому-нибудь увидеть Карлссона, как в доме начнется сумасшедшая жизнь, со всех сторон набегут разные люди и Карлссона захотят показать по телевидению. А единственный человек, который в самом деле *видел* Карлссона, их экономка, сидит и плачет, считая, что Карлссон вовсе никому не интересен, раз он не призрак и не привидение. Ни малейшего впечатления не произвело на фрёкен Бокк даже то, что у него — пропеллер и что он, Карлссон, умеет летать. В этот миг Карлссон как раз взлетел в воздух, чтобы снять с люстры свое призрачное одеяние, но фрёкен Бокк все равно смотрела на него еще более злобно, чем раньше.

— Чего только нет у мальчишек в наше время! — сказала она. — Всякие там пропеллеры и другие штуки — все, что угодно! Скоро они даже на Луну полетят еще до того, как начнут ходить в школу!

Сидя на стуле, она злилась все больше и больше, потому что теперь наконец поняла, кто таскал у нее булочки, и мычал под окнами, и сочинял записки от имени привидения на кухонной стене. Подумать только, дарить детям разную технику,

чтобы они могли летать и дурачить пожилых людей! А все эти проделки привидений, о которых она рассказала в письме на Шведское радио, — не что иное, как проказы мальчишки!.. Нет, она не в силах больше видеть этого маленького толстого негодяйчика!

— Сейчас же ступай домой, ну ты... как там тебя зовут!

— Карлссон! — сказал Карлссон.

— Знаю, — сердито ответила фрёкен Бокк, — но у тебя, верно, кроме фамилии есть еще и какое-нибудь имя?

— Имя мое — Карлссон, и фамилия — тоже Карлссон!

— Не дразни меня, а не то я разозлюсь. Да, впрочем, я уже разозлилась, — сказала фрёкен Бокк. — Имя — это слово, которым тебя называют, ты что, не знаешь? Как называет тебя твой папа, когда зовет тебя?

— Негодный мальчишка! — удовлетворенно ответил Карлссон.

Фрёкен Бокк согласно кивнула:

— Верно! Твой папа прав!

И Карлссон с нею согласился.

— Да, да, в детстве я был негодным мальчишкой! Хотя это было уже давным-давно, а теперь я

— самый большой паинька на свете!

Но фрёкен Бокк не слушала. Она молча сидела в раздумье и явно уже начала успокаиваться.

— Ну ладно! — наконец сказала она. — Я знаю, по крайней мере, одного человека, которого все это страшно обрадует!

— Кого же? — спросил Малыш.

— Фриду! — с горечью сказала фрёкен Бокк.

Вздохнув, она исчезла на кухне, чтобы вытереть пол и поставить на место лоханку.

Карлссон и Малыш были счастливы, что наконец-то остались одни.

— И как это некоторые умеют скандалить по пустякам! — возмущался, пожимая плечами, Карлссон. — Я ведь ничего плохого ей не сделал.

— Не-а, — подтвердил Малыш, — может, только ретировал ее немножко. Зато теперь мы будем такими паиньками!

Карлссон думал точно так же.

— Конечно, мы будем паиньками! Я-то всегда был самый паиньковый на свете. Но я все равно хочу веселиться, а не то я не играю!

Малыш поразмышлял немного, пытаясь придумать что-нибудь веселое для Карлссона. Но это вовсе не требовалось, потому что Карлссон все придумал сам. Он кинулся в шкаф Малыша:

— Погоди-ка, когда я был привидением, я заметил тут одну забавную штуку.

И он вылез из шкафа, держа в руках маленькую крысоловку. Малыш раздобыл ее, когда жил у бабушки, а потом привез с собой в город.

— Потому что мне бы очень хотелось поймать крысу и приручить ее, пусть она станет моей домашней крыской, — объяснил Малыш маме.

Но мама сказала, что в городских квартирах крысы, слава Богу, не водятся. По крайней мере, у них! Малыш рассказал про это Карлссону, но тот с ним не согласился:

— Здесь может появиться маленькая крыса, которая подкрадется сюда, только чтобы обрадовать твою маму.

Он объяснил Малышу, как будет здорово, если они смогут поймать эту неожиданную крысу. Потому что тогда он, Карлссон, сможет взять ее в домик на крыше; а если у нее появятся крысята, то постепенно можно будет завести целую крысиную ферму.

— И тогда я дам объявление в газете, — сказал Карлссон: — «Если вам нужны крысы, немедленно звоните на крысиную ферму Карлссона!»

— Да, и в городских квартирах тоже можно будет развести крыс, — мечтательно сказал Ма-

лыш.

Он показал Карлссону, как ставить крысоловку.

— Но туда, само собой, надо поместить ломтик сыра или шкурку от свиного сала, иначе никакая крыса просто не полезет.

Карлссон сунул руку в карман и вытащил маленькую шкурку от сала.

— Здорово, что я приберег ее от обеда, хотя сначала собирался бросить в мусоропровод.

Поместив корочку от сала в крысоловку, он поставил ее под кровать Малыша.

— Вот так! Пусть теперь крыса приходит, ей вздумается.

О фрёкен Бокк они почти и думать забыли. Но вдруг из кухни послышалось какое-то дребезжание.

— Похоже, она готовит еду, — сказал Карлссон. — Она грохочет сковородками.

И в самом деле, вскоре из кухни донесся слабый, но очень вкусный запах фрикаделек.

— Она подогревает фрикадельки, которые остались от обеда, — объяснил Малыш. — Ах, как я проголодался!

Карлссон ринулся к дверям.

— Бегом марш на кухню! — закричал он.

Малыш подумал, что Карлссон и в самом деле храбрый, если осмеливается идти туда, но и ему не хотелось отставать от него. Он робко последовал за Карлссоном. Карлссон был уже на кухне.

— Ну и ну! Сдается, мы поспели как раз к легкому ужину! Точно!

Фрёкен Бокк, стоя у плиты, переворачивала фрикадельки. Но, заметив Карлссона, поставила сковородку на плиту и пошла ему навстречу. Вид у нее был злобный и опасный.

— Сгинь! — закричала она. — Вон отсюда, вон!

Карлссон сердито выпятил нижнюю губу:

— Раз ты такая вредная, я больше не играю. Мне ведь тоже нужно съесть хоть несколько фрикаделек! Ты что, не понимаешь! Когда целый вечер летаешь, играя в привидение, до того хочется есть!

Одним прыжком очутившись у плиты, он схватил фрикадельку со сковороды. Но делать этого ему бы не следовало. Фрёкен Бокк, взвыв от возмущения, кинулась к нему. Схватив Карлссона за шиворот, она выкинула его за дверь кухни с черного хода.

— Сгинь! — закричала она. — Проваливай домой, и чтоб духу твоего здесь больше не было!

Малыша охватил дикий гнев и отчаяние…

да как она смела так обойтись с его любимым Карлссоном!

— Фи, какая же вы злая, фрёкен Бокк! — сказал он со слезами в голосе. — Карлссон мой товарищ, мы с ним играем, и он, ясное дело, *имеет право* здесь находиться…

Но больше он не успел произнести ни слова, потому что дверь кухни отворилась и туда шагнул Карлссон, тоже злой, как шершень.

Подбежав прямо к фрёкен Бокк, он топнул ногой:

— Так я не играю! — заорал он. — Выставить меня с черного хода, фу… я хочу, чтобы меня выставили за дверь с парадного, как всех приличных людей!

Фрёкен Бокк снова схватила Карлссона за шиворот.

— С большим удовольствием! — сказала она.

И несмотря на то, что Малыш бежал за ними, плакал и всячески протестовал, протащила Карлссона через всю квартиру и выбросила с парадного хода. Так, как ему того хотелось.

— Ну вот, — сказала она. — Теперь достаточно прилично для тебя?

— Да, теперь вполне прилично, — ответил Карлссон.

И тут фрёкен Бокк снова захлопнула за ним дверь, да так, что та чуть не треснула!

— Наконец-то, — сказала она, отправляясь обратно на кухню.

Малыш бежал за фрёкен Бокк, ругая ее:

— Фу, какая вы, фрёкен Бокк, злая и несправедливая! Карлссон, ясное дело, имеет право быть у нас на кухне!

А он и в самом деле был там! Когда фрёкен Бокк с Малышом пришли туда, Карлссон уже, тут как тут, стоя у плиты, ел фрикадельки.

— Ага, конечно, я хотел, чтобы меня выставили с парадного хода, — объяснил им Карлссон, — чтобы потом снова войти с черного и съесть несколько вкусных фрикаделек.

Тут фрёкен Бокк опять схватила его за шиворот и выкинула в третий раз за дверь кухни, теперь уже снова с черного хода.

— Ну и ну! Просто удивительно! — сказала она. — Ты хуже слепня, от которого не отвяжешься… Но если я запру двери, может, нам удастся в конце концов избавиться от тебя.

— Ну что ж, там посмотрим, — довольно мягко сказал Карлссон.

Дверь за ним захлопнулась, и фрёкен Бокк проверила, хорошенько ли она заперта.

— Фу, до чего же вы, фрёкен Бокк, злющая! — сказал Малыш.

Но она его не слышала. Она подошла прямо к плите, где на сковороде так аппетитно жарились фрикадельки.

— Может, наконец-то и самой удастся съесть фрикадельку после того, что довелось пережить сегодня вечером, — сказала она.

И тут из открытого окна послышался голос:

— Добрый вечер! Привет! Есть кто-нибудь дома? Осталось еще хоть несколько фрикаделек?

На подоконнике, весело ухмыляясь, сидел довольный Карлссон. Малыш расхохотался и спросил:

— Ты прилетел с балкончика, где выбивают ковры?

Карлссон кивнул:

— Ага! И вот я опять здесь, с вами. То-то вы, верно, рады!.. А особенно ты, что стоишь у плиты!

Фрёкен Бокк стояла, зажав в руке фрикадельку. Она только было собралась сунуть ее в рот, но, увидев Карлссона, застыла на месте и только смотрела на него во все глаза.

— Никогда в жизни не видел такой обжорливой девчонки, — сказал Карлссон и тут же спикировал прямо над головой фрёкен Бокк. Выхватив

на лету фрикадельку, он немедленно проглотил ее и снова взмыл к потолку. Но тут фрёкен Бокк необычайно оживилась. Слегка вскрикнув, она схватила выбивалку для ковров и припустила вслед за Карлссоном.

— Ах ты, свинья этакая, я — не я, если не выгоню тебя отсюда!

Карлссон с торжествующим видом описывал круги вокруг люстры.

— Эй, эй, неужто мы снова подеремся! — вопил он. — Такой удачи, такого веселья у меня не было с самого детства, когда мой милый папочка гонял меня хлопушкой для мух вокруг озера Меларен. Эх, ну и повеселились же мы тогда!

Карлссон понесся в прихожую, и снова началась дикая охота по всей квартире. Впереди, посмеиваясь и крича от радости, летел Карлссон, за ним с выбивалкой в руках следовала фрёкен Бокк, потом бежал Малыш, а последним, бешено лая, мчался Бимбо.

— Ой, ой! — вопил Карлссон.

Фрёкен Бокк преследовала его буквально по пятам, но, как только она оказывалась слишком близко, Карлссон ускорял свой полет, тут же взмывая к самому потолку. И как фрёкен Бокк ни размахивала выбивалкой, самое большее, что ей

удавалось, — это коснуться его подошв.

— Ай, ай, ай! Чур, не щекотать мне ноги, мне это не нравится, так я не играю!

Фрёкен Бокк задыхалась на бегу, и ее большие широкие ступни шлепали по паркету. Бедняжка, у нее так и не нашлось времени надеть чулки и туфли из-за всех этих привидений и дикой беготни, что выпали на ее долю в тот вечер. Она начала уставать, но сдаваться и не думала.

— Ну погоди! — кричала она, продолжая рваться за Карлссоном.

Время от времени она слегка подпрыгивала, чтобы добраться до него выбивалкой, но Карлссон только хохотал во все горло и улетал прочь.

Малыш тоже хохотал и никак не мог остановиться. Он хихикал так, что у него заболел живот, и когда Карлссон и фрёкен Бокк в третий раз с шумом промчались через его комнату, он бросился на кровать, чтобы немного передохнуть. Там он и лежал в совершенном изнеможении, и никак не мог удержаться от хихиканья, видя, как фрёкен Бокк гоняется за Карлссоном, пытаясь прижать его к стене.

— Ой, ой! — вопил Карлссон.

— Получишь у меня за свои «Ой, ой!», — задыхаясь, пообещала фрёкен Бокк.

Она дико размахивала выбивалкой, и ей в самом деле удалось загнать Карлссона в угол рядом с кроватью Малыша.

— Ну наконец-то! — закричала фрёкен Бокк. — Теперь ты у меня в руках!

И тут же взвыла так, что совершенно оглушила Малыша. Он даже перестал хихикать.

«Ой, — подумал он, — теперь Карлссон попался!»

Но попался не Карлссон. Попалась фрёкен Бокк. Большой палец ее ноги угодил в крысоловку.

— О-о-о-х! О-о-о-ох! — застонала фрёкен Бокк.

Вытянув ногу, она, онемев от страха и удивления, уставилась на странный предмет, плотно висевший на большом пальце ее ноги.

— Ой, ой, ой! — завопил и Малыш. — Подождите, я сейчас помогу вам… о, простите, пожалуйста, это не нарочно!

— О-о-о-х! — взвыла фрёкен Бокк, когда Малыш помог ей высвободить палец из крысоловки и она наконец снова обрела дар речи. — Почему у тебя под кроватью крысоловка?

Малышу и вправду стало жаль фрёкен Бокк, и он, запинаясь, отчаянно произнес:

— Потому что… потому что… мы хотели поймать туда крысу и устроить сюрприз.

— Хотя и не такую здоровенную, — вмешался Карлссон, — а маленькую, хорошенькую, с длинным хвостиком.

Фрёкен Бокк взглянула на Карлссона и застонала:

— Ты… ты… а теперь убирайся отсюда раз и навсегда!

И она снова бросилась за ним с выбивалкой в руках.

— Ой, ой! — заорал Карлссон.

Он вылетел в прихожую, миг — и погоня уже неистово бушевала в гостиной; потом Карлссон и фрёкен Бокк выбежали оттуда и вбежали на кухню, а выскочив из кухни, помчались в спальню…

— Ой, ой! — орал Карлссон.

— Ты у меня получишь за свои «Ой-ой!» — задыхаясь, произнесла фрёкен Бокк и удивительно высоко подпрыгнула, чтобы хлопнуть Карлссона выбивалкой.

Но она совершенно позабыла о мебели, которой сама же забаррикадировала двери спальни. И когда фрёкен Бокк так высоко подпрыгнула, то перелетела головой вниз через маленькую книжную полку и с грохотом приземлилась на пол.

— Ой, теперь, верно, на крайнем севере Нор-

ланда снова будет землетрясение, — сказал Карлссон.

Однако испуганный Малыш поспешно подошел к фрёкен Бокк.

— Ой, что с вами, о бедненькая фрёкен Бокк? — спросил он.

— Будь добр, помоги мне добраться до кровати, — попросила его фрёкен Бокк.

И Малыш помог ей, по крайней мере попытался это сделать. Но фрёкен Бокк была такая крупная и тяжелая, а Малыш такой маленький! Он не смог ей помочь. И тут к ним подлетел Карлссон.

— Ладно, даже и не пытайся один, — сказал он Малышу. — Я ведь тоже хочу вместе с тобой таскать тяжести. Потому что это я — самый добрый на свете.

Они старались изо всех сил, Карлссон и Малыш, и им в конце концов удалось уложить фрёкен Бокк в кровать.

— Бедная фрёкен Бокк, — сказал Малыш. — Как вы себя чувствуете? Болит у вас где-нибудь?

Фрёкен Бокк некоторое время лежала молча, словно проверяя свои ощущения.

— У меня, верно, ни одного живого места не осталось, — наконец сказала она. — Но мне совершенно не больно… только когда я смеюсь!

И она начала так смеяться, что кровать заходила ходуном. Малыш испуганно посмотрел на нее. Что это с ней?

— Что ни говори, — сказала фрёкен Бокк, — а несколько таких вот головокружительных сальто, которые пришлось совершить нынче вечером, очень взбадривают. Боже милостивый!

Она энергично кивнула головой.

— Ну погоди, Фрида! Мы с ней занимаемся гимнастикой для домашних хозяек, и в следующий раз — ну погоди, Фрида! — она увидит, кто из нас умеет бегать!

— Ух! — вскричал Карлссон. — Не забудь взять с собой выбивалку для ковров, и ты сможешь погонять Фриду по всему гимнастическому залу и тоже хорошенько взбодрить ее.

Фрёкен Бокк вытаращила на него глаза:

— Молчи, когда говоришь со мной! Молчать! И пойди принеси мне несколько фрикаделек!

Малыш восхищенно засмеялся.

— Да, когда бегаешь, аппетит разыгрывается. А кто самый лучший на свете приносильщик фрикаделек? Отгадай! — сказал Карлссон.

Он уже шел на кухню.

Потом Карлссон, и Малыш, и фрёкен Бокк, сидя на краю кровати, плотно поужинали. Потому что

Карлссон вернулся из кухни с подносом, заставленным разной снедью.

— Я увидел там яблочный пирог с ванильным соусом и прихватил их с собой тоже. И еще немного ветчины, и сыра, и колбасы с мелким жиром, и соленых огурцов и несколько сардинок, и немного печеночного паштета. Но куда же ты, в самом деле, запрятала торт со взбитыми сливками?

— Никакого торта со взбитыми сливками у нас нет, — сказала фрёкен Бокк.

Карлссон сердито вытянул нижнюю губу:

— По-твоему, можно досыта наесться несколькими фрикадельками, и яблочным пирогом с ванильным соусом, и ветчиной, и сыром, и колбасой с мелким жиром, и солеными огурцами и несколькими жалкими сардинками? Да?

Фрёкен Бокк пристально посмотрела ему в глаза.

— Нет, — веско произнесла она. — Но есть же еще печеночный паштет.

Малыш не мог даже вспомнить, ел ли он когда-нибудь в жизни такую вкуснятину. И им было так уютно вместе — ему, Карлссону и фрёкен Бокк, когда они сидели втроем и ели, и жевали вовсю. Но внезапно фрёкен Бокк воскликнула:

— Боже милостивый, ведь Малыша велено

изолировать, а мы впустили сюда вот этого!

И она указала пальцем на Карлссона.

— Не-а! Мы его не впускали. Он сам явился, — сказал Малыш.

Но все-таки забеспокоился.

— Подумай только, Карлссон, а что, если ты заболеешь скарлатинной лихорадкой!

— Хм, хм, — пробормотал Карлссон, потому что рот его был набит яблочным пирогом, и потребовалось некоторое время, чтобы он смог вымолвить хоть словечко.

— Скарлатинной лихорадкой! Ха! К тому, кто однажды уже переболел самой лучшей в мире булочковой лихорадкой и не отправился на тот свет, никакая скарлатинная лихорадка уже не пристанет!

— Да, это вряд ли возможно! — со вздохом сказала фрёкен Бокк.

Карлссон набил рот последней оставшейся фрикаделькой, затем облизал пальцы и сказал:

— Конечно, кормят в этом доме немного скудновато, но вообще-то я здесь неплохо уживаюсь! Так что, может, меня тоже надо здесь изолировать, да-да, и меня тоже!

— Боже милостивый! — произнесла фрёкен Бокк.

Она уставилась на Карлссона и на поднос, который был уже совершенно пуст.

— Не очень-то много остается там, где побывал ты, — сказала она.

Карлссон поднялся с края кровати и похлопал себя по животу:

— Неправда! Когда я поем, я встаю из-за стола, а он остается на месте. Правда, это — единственное, что остается.

Затем он нажал на стартовую кнопку, моторчик зажужжал, а Карлссон тяжело полетел к открытому окну.

— Хейсан-хоппсан! — закричал он. — Теперь уж придется вам управляться некоторое время без меня, потому что я тороплюсь!

— Хейсан-хоппсан, Карлссон! — сказал Малыш. — Тебе в самом деле пора улетать?

— Как, неужели сейчас? — угрюмо спросила фрёкен Бокк.

— Да, я должен торопиться! — закричал Карлссон. — А не то я опоздаю к ужину! Хо-хо-хо!

И он исчез.

ВОТ ГОРДАЯ ДЕВА ПО НЕБУ ЛЕТИТ…

На следующий день Малыш спал долго. Поздним утром его разбудил телефонный звонок, и он кинулся в прихожую, чтобы поговорить по телефону.

В трубке раздался мамин голос:

— Дорогой мой мальчик… О, какой ужас!

— Какой еще ужас? — спросил сонный Малыш.

— Да все, что ты написал в своем письме. Я так встревожилась!

— Почему? — спросил Малыш.

— Бедный мой крошка… но завтра утром я возвращаюсь домой.

Обрадованный Малыш тут же проснулся. Хотя так и не понял, почему мама назвала его «бедный мой крошка». Не успел Малыш положить трубку, как раздался новый звонок. Это аж из самого Лондона звонил папа.

— Как поживаешь? — спросил папа. — Слушаются ли Буссе и Беттан фрёкен Бокк?

— Вряд ли, — ответил Малыш. — Но точно не знаю, потому что они лежат в эпидемичке.

По голосу папы Малыш понял, что он тоже встревожился.

— Эпидемичка? Что ты имеешь в виду?

И когда Малыш объяснил, что он имел в виду, папа буквально повторил мамины слова:

— Бедный мой крошка… завтра утром я возвращаюсь домой.

Разговор окончился. Но телефон тут же затрезвонил снова. На этот раз звонил Буссе.

— Можешь передать Домокозлючке привет и сказать, чтоб они с ее дряхлым доктором не надеялись: никакая у нас не скарлатина. Мы с Беттан завтра утром возвращаемся домой.

— Так у вас никакой скарлатины нет? — спросил Малыш.

— Представь себе, нет. Доктор говорит, что мы пили слишком много какао с булочками. От этого, если ты сверхчувствительный, может выступить сыпь.

— Типичный случай булочковой лихорадки, — сказал Малыш.

Но Буссе уже положил трубку.

Одевшись, Малыш отправился на кухню рассказать фрёкен Бокк, что изолировать его больше не надо.

Она уже начала готовить обед. Кухня благоухала пряностями.

— Ничего не имею против, — сказала фрёкен

Бокк, когда Малыш рассказал ей, что все семейство возвращается домой. — Просто прекрасно, что уйду от вас, прежде чем окончательно испорчу себе нервы.

Она яростно мешала ложкой в кастрюле, стоявшей на плите. Там тушилось что-то очень густое, и она сильно сдабривала это солью, перцем и карри.

— Вот так, — сказала она. — Жаркое надо как следует посолить, поперчить и насыпать туда карри. Тогда будет вкусно.

Потом она обеспокоенно взглянула на Малыша.

— Ты, верно, не думаешь, что этот ужасный Карлссон снова прилетит сюда сегодня? Как прекрасно было бы, если бы мои последние часы в этом доме были хоть чуть поспокойнее.

Не успел Малыш ответить, как за окном послышался веселый голос, громко распевавший:

Солнышко — ведрышко,

Глянь ко мне в окошечко…

На подоконнике в кухне снова появился Карлссон:

— Хейсан-хоппсан, вот вам ваше солнышко, ну и повеселимся же мы сейчас!

Но тут фрёкен Бокк умоляюще протянула к нему руки.

— Нет, нет… нет, все, что угодно, только нельзя ли обойтись без веселых затей?

— Ну ладно, сперва мы, понятно, поедим, — предложил Карлссон и тут же подскочил к кухонному столу.

Фрёкен Бокк уже накрыла на стол для себя и для Малыша. Карлссон опустился на один из стульев и схватил ножик и вилку.

— Подавай на стол! Тащи сюда еду!

Он дружески кивнул головой фрёкен Бокк:

— Ты тоже можешь спокойно, без церемоний сесть вместе со мной к столу. Возьми себе тарелку и иди сюда!

Затем он повел носом, вдыхая запах жаркого под соусом:

— Что ты нам дашь?

— Хорошенькую взбучку, — ответила фрёкен Бокк, еще более ожесточенно мешая свое варево. — Это то, что тебе, во всяком случае, крайне *необходимо*. И учти, у меня все тело ломит, так что, боюсь, я вряд ли смогу бегать за тобой сегодня.

Она выложила жаркое в мисочку и поставила его на стол.

— Ешьте! — сказала она. — А я подожду и поем позднее. Потому что доктор сказал — мне необходимы тишина и покой во время еды.

Карлссон кивнул:

— Ну ладно, у вас тут, верно, найдется в какой-нибудь банке несколько сухариков! Ты сможешь их погрызть, когда мы покончим со всем, что стоит на столе… а пока возьми маленькую корочку хлеба и ешь ее в тишине и покое!

Он энергично вывалил себе на тарелку большую порцию жаркого под соусом. Малыш же взял лишь самый маленький кусочек. Он всегда боялся незнакомой еды. А такого блюда он никогда прежде не пробовал.

Карлссон начал с того, что возвел башенку из жаркого и обвел ее вокруг рвом. Пока он этим занимался, Малыш осторожно взял в рот кусочек… Ой! Он задохнулся, и на глазах у него выступили слезы. Рот словно обожгло огнем. Но рядом стояла фрёкен Бокк и выжидающе смотрела на него, поэтому он молча проглотил свой кусочек мяса. Тогда Карлссон поднял глаза от возведенного им строения из жаркого под соусом:

— Что с тобой? Чего ты вопишь?

— Я… я подумал о чем-то очень печальном, — запинаясь, произнес Малыш.

— Вот как, — сказал Карлссон, накидываясь с большим аппетитом на свою горку.

Но, проглотив первый же кусочек, он дико взвыл и глаза его наполнились слезами.

— Что это? — спросила фрёкен Бокк.

— Это, верно, лисий яд, но тебе самой лучше знать, что ты состряпала, — ответил Карлссон. — Быстрее тащи сюда большой пожарный насос, в горле у меня загорелось.

Он вытер слезы на глазах.

— Чего ты ревешь? — спросил Малыш.

— Я тоже подумал о чем-то очень печальном, — сказал Карлссон.

— О чем? — поинтересовался Малыш.

— Об этом самом вареве, — ответил Карлссон.

Это не понравилось фрёкен Бокк.

— И не стыдно вам, малыши! В мире есть тысячи детей, которые отдали бы что угодно за каплю такого соуса.

Сунув руку в карман, Карлссон достал оттуда записную книжку и ручку.

— Могу я попросить имя и адрес хотя бы двух таких детей? — сказал он.

Но фрёкен Бокк только что-то проворчала, но не пожелала дать имена и адреса.

— Понятно, речь идет, верно, о целой компании

детей — пожирателей огня, которые никогда ничем другим не занимались, а только без конца лопали огонь и серу.

Тут кто-то позвонил в дверь, и фрёкен Бокк пошла открывать.

— Пойдем за ней и посмотрим, кто это, — сказал Карлссон, — может, это один из тех самых тысяч пожирателей огня, которые явятся сюда и отдадут все, что угодно, за ее огненную похлебку. И тут придется смотреть в оба, чтоб она не продешевила… Ведь она всадила туда немало драгоценного лисьего яда!

Он последовал за фрёкен Бокк, и то же самое сделал Малыш. Они стояли в тамбуре прямо за ее спиной, когда она открывала дверь, и услыхали какой-то голос за дверью, который произнес:

— Моя фамилия Пекк. Я представляю Шведское радио и телевидение.

Малыш почувствовал, что похолодел. Он осторожно выглядывал из-за юбок фрёкен Бокк, а там в дверях стоял какой-то господин — явно красивый, и чертовски умный, и в меру упитанный мужчина в цвете лет. Именно из тех, о которых фрёкен Бокк говорила, что их на Шведском телевидении полным-полно.

— Могу ли я видеть фрёкен Хильдур Бокк? —

спросил господин Пекк.

— Это я, — отозвалась фрёкен Бокк. — Но я оплатила счета за радио и за телевизор, так что и не пытайтесь меня проверять!

Господин Пекк приветливо улыбнулся:

— Я пришел не из-за счетов. Нас интересуют те привидения, о которых вы писали… Мы очень хотим сделать о них передачу.

Лицо фрёкен Бокк побагровело. Она не произнесла ни слова.

— Что с вами, вам нехорошо? — спросил господин Пекк.

— Да, — ответила фрёкен Бокк. — Мне худо. Это самый ужасный миг в моей жизни!

Малыш стоял за ее спиной, испытывая примерно такие же чувства. Боже милостивый, сейчас, верно, все будет кончено! В любой момент этот самый Пекк обязательно увидит Карлссона, а когда завтра утром мама с папой вернутся, весь дом будет битком набит проводами, телевизионными камерами и в меру упитанными мужчинами. Тогда прощай домашний уют и покой! Боже милостивый, как убрать отсюда Карлссона!

И тут ему бросился в глаза старинный деревянный сундук, стоявший в тамбуре, — Беттан хранила там свой хлам, предназначенный для

театральных представлений. Она и ее одноклассники создали какой-то дурацкий клуб и иногда собирались у Беттан, надевали театральные костюмы и слонялись по всей квартире, воображая, будто они какие-то герои и героини, а не самые обыкновенные школьники. Это называлось — «играть в театр». И это — так считал Малыш — была жуткая глупость. Но все-таки какое счастье, что этот сундук с театральным хламом именно сейчас оказался под рукой. Малыш поднял крышку и нервно шепнул Карлссону:

— Скорее… прячься в этом сундуке.

И даже если Карлссон так и не понял, почему нужно прятаться, он был не из тех, кто отказывался филюрить, если это необходимо. Хитро подмигнув Малышу, он прыгнул в сундук. Малыш поспешно опустил крышку. Затем он боязливо взглянул на парочку, все еще стоявшую у дверей… не заметили ли они чего-нибудь?

Они не заметили. Ведь господин Пекк и фрёкен Бокк были заняты выяснением того, почему фрёкен Бокк стало худо.

— Это были вовсе не проделки привидений. Все это были лишь жалкие мальчишеские проказы, — со слезами в голосе сказала фрёкен Бокк.

— Так, значит, никаких привидений не было, —

констатировал господин Пекк.

Фрёкен Бокк начала плакать всерьез.

— Нет, это были не привидения… и мне никогда не попасть на телевидение… только Фрида…

Господин Пекк, желая утешить фрёкен Бокк, погладил ее по руке:

— Не принимайте это так близко к сердцу, милая фрёкен Бокк. Ведь может представиться какая-нибудь другая возможность!

— Нет, не может, — всхлипывала фрёкен Бокк.

Опустившись на сундук с театральным хламом, она закрыла лицо руками. Так она сидела и плакала, плакала без конца. Малышу стало так жаль ее и так стыдно, словно он один был во всем виноват. Вдруг из сундука послышалось легкое урчание.

— О, простите, — извинилась фрёкен Бокк, — это только потому, что я очень хочу есть.

— Да пусть себе урчит, — приветливо сказал господин Пекк. — Но обед у вас, конечно, уже готов, на кухне так вкусно пахнет! Какое блюдо вы приготовили?

— Только немного жаркого под соусом, — всхлипнула фрёкен Бокк. — Это блюдо — мое собственное изобретение. Я назвала его «мешанина фрёкен Хильдур Бокк».

— Изумительный, фантастически вкусный запах, — сказал господин Пекк. — От него просыпается аппетит.

Фрёкен Бокк встала с сундука:

— Ну ладно, тогда надо вам попробовать мое блюдо, ведь эти карапузы его не едят.

Господин Пекк немного поломался, говоря, что это неловко, но все-таки дело кончилось тем, что они вместе с фрёкен Бокк вдвоем исчезли на кухне.

Малыш поднял крышку сундука и посмотрел на Карлссона, который лежал там, легонько урча.

— Пожалуйста, лежи здесь, пока он не уйдет, — сказал Малыш, — а не то угодишь в телевизионный ящик.

— Ха! — воскликнул Карлссон. — А тебе не кажется, что в этом ящике, где я сейчас, тоже тесновато, а?

Тогда Малыш приподнял крышку сундука, чтобы Карлссону было легче дышать, а сам побежал в кухню. Ему хотелось увидеть выражение лица господина Пекка, когда он начнет есть вкусную мешанину фрёкен Хильдур Бокк.

И подумать только, господин Пекк сидел там на кухне, и ел, набивая себе полный рот, и говорил, что вкуснее этого он никогда ничего не едал. И

на глазах у него не было ни слезинки. Зато слезы были на глазах у фрёкен Бокк. И, разумеется, вовсе не от мяса под соусом, нет, она по-прежнему плакала оттого, что ее телевизионная передача не состоится. Не помогло даже то, что господин Пекк был в восторге от ее огненной мешанины. Фрёкен Бокк была безутешна.

Но тут случилось нечто невероятное. Внезапно господин Пекк, как бы ни к кому не обращаясь, сказал:

— Ну вот, наконец-то придумал! Вы пойдете со мной завтра вечером!

Фрёкен Бокк посмотрела на него заплаканными глазами.

— Куда я пойду с вами завтра вечером? — мрачно спросила она.

— Конечно, на телевидение, — ответил господин Пекк. — Вы выступите в нашей серии «Мой лучший кулинарный рецепт». Вы продемонстрируете всему шведскому народу, как вы готовите вкусную мешанину фрёкен Хильдур Бокк.

Тут послышался грохот. Фрёкен Бокк упала в обморок.

Но она быстро пришла в себя и с трудом поднялась на ноги. Ее глаза сияли.

— Завтра вечером… на телевидение? Моя

мешанина… и я должна приготовить ее на телевидении на глазах у всего шведского народа? Боже милостивый… и, подумать только, эта Фрида, которая ни капельки не смыслит в кулинарии, называет мое блюдо свиным пойлом!

Малыш весь обратился в слух, до чего ж интересно! Он чуть было не забыл, что Карлссон сидит в сундуке. Но тут, к своему ужасу, услышал, что кто-то двигается в прихожей. И правда… это был Карлссон! Дверь, ведущая из кухни в прихожую, была открыта, и Малыш издали увидел его еще до того, как фрёкен Бокк или господин Пекк что-либо заметили.

Да… это был Карлссон! И в то же время все-таки не Карлссон! Боже милостивый, какой у него вид: на нем был старый театральный костюм Беттан — длинная бархатная юбка, бившая его по ногам, а спереди и сзади волочились тюлевые накидки! Он походил больше всего на какую-то маленькую, веселую и довольную тетеньку. И эта маленькая и довольная тетенька твердым шагом приближалась к дверям кухни. Малыш в отчаянии замахал руками, давая понять Карлссону, что идти туда ему нельзя. Однако Карлссон не понял его, помахал в ответ… и вошел.

— Вот гордая дева в палату идет… — произнес

Карлссон.

И вот он сам уже стоит в дверном проеме — на нем бархатная юбка и накидки. Это было зрелище, заставившее господина Пекка вытаращить глаза.

— Вот так штука! Кто это? Что это за маленькая забавная девочка? — спросил он.

Фрёкен Бокк оживилась:

— Забавная девочка? Нет, это самый отвратительный маленький дрянной мальчишка, какого я когда-либо встречала в своей жизни. А ну! Сгинь отсюда, паршивец!

Но Карлссон ее не слушал.

— Вот гордая дева пускается в пляс… — произнес он.

И начал танцевать такой танец, какого Малышу никогда видеть не доводилось, да и господину Пекку, пожалуй, тоже.

Карлссон носился, пританцовывая и приседая, по кухне. Время от времени он слегка подпрыгивал, размахивая тюлевыми накидками.

«Какая глупость! — думал Малыш. — Все, что угодно, только бы Карлссон не начал летать, о, только бы он этого не сделал!»

На Карлссоне было столько тюлевых накидок, что его пропеллер был не виден. И Малыш был

страшно благодарен ему за это. Но подумать только, а вдруг Карлссон поднимется в воздух, тогда, верно, господин Пекк со страшной силой грохнется в обморок, а потом, как только вернется к жизни, немедленно примчится со всеми своими телекамерами.

Господин Пекк смотрел на удивительный танец и хохотал до упаду. Он хохотал все сильнее и сильнее. Тогда Карлссон тоже захихикал и подмигнул господину Пекку, а проносясь мимо, помахал ему своими накидками.

— Очень веселый мальчишка! — сказал господин Пекк. — Его можно было бы выпустить в какой-нибудь детской передаче.

Это было самое ужасное, что мог сказать господин Пекк и что больше всего разъярило фрёкен Бокк.

— *Выпустить* Карлссона на телевидении? Тогда попрошу избавить меня от участия в этой передаче! — воскликнула она. — Совершенно ясно, что если вам хочется привести туда кого-нибудь, кто перевернет вверх дном всю телестудию, лучшего экземпляра, чем он, вам не найти!

Малыш кивнул:

— Ага, точно. А когда он перевернет вверх дном всю телестудию, он скажет лишь, что это — дело

житейское. Так что берегитесь!

Господин Пекк не настаивал.

— Пожалуйста… Я ведь только предложил! Ведь на свете и других мальчишек хоть отбавляй!

Вообще-то господин Пекк уже торопился. Ему надо было присутствовать на постановке пьесы. Ему необходимо было уйти. И тут Малыш увидел, что Карлссон ощупью ищет стартовую кнопку. Малыш насмерть перепугался. Неужели теперь, в самую последнюю минуту, все кончено?

— Нет, Карлссон, не надо… нет, Карлссон, ни в коем случае… — нервно прошептал Малыш.

Но Карлссон продолжал нащупывать кнопку на животе. Ему было трудно добраться до нее из-за тюлевых накидок.

Господин Пекк стоял уже в дверях… И тут внезапно зажужжал моторчик Карлссона.

— А я и не знал, что авиалиния с аэропорта Арланда проходит над Васастаном, — сказал господин Пекк. — Думаю, не следовало бы прокладывать ее здесь. До свидания, фрёкен Бокк, завтра увидимся!

И он ушел. А вверх, к потолку взлетел Карлссон. В безумном восторге кружил он вокруг люстры и, прощаясь, помахал накидками в сторону фрёкен Бокк.

— Вот гордая дева по небу летит… Гоп-гоп-тра-ля-ля! — крикнул он.

КРАСИВЫЙ, ЧЕРТОВСКИ УМНЫЙ И В МЕРУ УПИТАННЫЙ…

Все послеобеденное время Малыш провел наверху, у Карлссона, в его домике на крыше. Он объяснял, почему им необходимо на это время оставить в покое фрёкен Бокк.

— Понимаешь, она собирается испечь торт со взбитыми сливками к завтрашнему утру, когда папа и мама, Буссе и Беттан вернутся домой.

Уж это Карлссон понял.

— Да, раз она собирается испечь торт со взбитыми сливками, ее необходимо оставить в покое. Опасно ретировать домокозлючек именно в тот момент, когда они пекут торты со взбитыми сливками, потому что тогда сливки киснут… а домокозлючки из-за этого — тоже киснут!

Таким образом, последние мгновения, которые фрёкен Бокк проводила в семействе Свантессонов, оказались вполне мирными, вполне такими, как она желала.

Малыш и Карлссон также мирно сидели перед очагом, наверху, в домике Карлссона. Карлссон слетал на рынок, расположенный на площади

Хёторгет, и купил яблок.

— И честно отдал за них пять эре, — сказал он. — Я ведь не хочу, чтобы какая-нибудь торговка разорилась из-за меня, ведь я самый честный на свете.

— А торговка считала, что пяти эре за все эти яблоки — достаточно? — удивился Малыш.

— Спросить ее об этом я никак не мог, — ответил Карлссон. — Ведь ее не было, она в это время как раз пила кофе.

Карлссон нанизал яблоки на стальную проволоку и стал печь их над огнем в очаге.

— Кто самый лучший на свете пекарщик яблок? Отгадай! — сказал Карлссон.

— Конечно, ты, Карлссон! — ответил Малыш.

Они посыпали сахарным песком яблоки и ели их, сидя у очага, а за окном меж тем сгущались сумерки. «Как хорошо сидеть у огня», — думал Малыш, потому что погода становилась все холоднее. Заметно было, что настала осень.

— Я собираюсь слетать за город и купить побольше дров у какого-нибудь старика крестьянина, — сказал Карлссон. — Хотя все они плуты и глядят за тобой в оба, да и потом, кто их знает, в какое время они пьют кофе.

Он сунул в очаг несколько больших березовых

поленьев.

— Но мне хочется, чтобы зимой у меня было тепло и уютно, а иначе я не играю. Пора бы им, старикам крестьянам, понять это!

Когда огонь погас, в маленьком домике Карлссона стало совсем темно. Тогда он зажег керосиновую лампу, висевшую над верстаком. Она озарила теплым и уютным светом комнату и все вещи, нагроможденные на верстаке.

Малыш поинтересовался, нельзя ли им немного поиграть со всем этим хламом, и Карлссон согласился.

— Но тебе придется спрашивать у меня, можно ли взять эти вещи на время, поиграть. Иногда я говорю «да», а иногда — «нет»... Большей частью я говорю «нет», потому что все-таки штучки-дрючки эти — мои и я хочу сам ими заниматься, а иначе я не играю!..

И когда Малыш много-много раз спросил у него разрешения взять ту или иную вещь, Карлссон дал ему на время старый сломанный будильник, который Малыш сначала разобрал, а потом собрал. До чего же было весело! Более увлекательной игры Малыш и представить себе не мог.

А потом Карлссон захотел, чтобы они вместе постолярничали.

— Столярничать — все-таки самое веселое, и можно сделать столько прекрасных вещей, — сказал Карлссон. — По крайней мере, я могу.

Сбросив на пол все, что было нагромождено на верстаке, он вытащил из-под диванчика разные до-сочки и чурки. Они оба, и Карлссон и Малыш, начали стучать молоточком, вколачивать гвозди, да так, что только в ушах звенело. Малыш, сколотив две чурки, сделал пароходик. Вместо трубы он тоже приставил маленькую чурку. И в самом деле, получился очень красивый пароходик.

Карлссон сказал, что он соорудит скворечник и повесит его на углу своего домика, чтобы там могли жить маленькие птички. Но скворечник у него не получился, а вышло что-то совсем другое, совсем непонятное.

— Что это такое? — спросил Малыш.

Склонив набок голову, Карлссон взглянул на свою поделку.

— Это… одна вещица, — сказал он. — Потрясающе красивая маленькая вещица. Отгадай, кто самый лучший на свете мастерильщик штучек-дрючек?

— Конечно, ты, Карлссон! — ответил Малыш.

Но уже настал вечер. Малышу пора было идти домой спать. Ему пришлось покинуть Карлссона

и его маленькую уютную комнатку со всеми нагроможденными там вещами и верстаком, коптящей керосиновой лампой, и дровяным ларем, и с камином, где еще оставались раскаленные уголья, которые давали тепло и свет. Трудно было Малышу оторваться от всего этого, но он знал, что снова вернется сюда. О, как он радовался, что домик Карлссона именно на его крыше, а не на чьей-нибудь другой!

Они вышли на крылечко, Карлссон и Малыш. Над ними сияло звездами небо. Никогда в жизни Малыш не видел такого множества звезд, да еще таких больших, да так близко от себя. Да нет, понятно, что не так близко, их от него отделяли тысячи миль, он знал это, и все же… О, какая звездная крыша опрокинулась на домик Карлссона — и близкая, и в то же время такая далекая…

— На что ты уставился? — спросил Карлссон. — Мне холодно… ты летишь или нет?

— Да, спасибо, лечу, — ответил Малыш.

А на другой день… какой это был день! Сначала явились Буссе и Беттан, потом — папа, а последней — и это было самое главное — явилась мама. Малыш кинулся в ее объятия и сам крепко обнял ее. Никогда, никогда больше не должна она уезжать от него! И вот они все окружили маму

— папа, и Буссе, и Беттан, и Малыш, и фрёкен Бокк, и Бимбо.

— У тебя уже нет переутомления? — спросил Малыш. — Как оно могло так быстро пройти?

— Оно прошло, когда я получила твое письмо, — сказала мама. — Когда я узнала, как вы все «бальны» и что вас надо изолировать, я поняла, что и сама заболею всерьез, если не вернусь домой.

Фрёкен Бокк покачала головой:

— Пожалуй, это было не очень разумно. Хотя я ведь могу время от времени приходить и помогать вам, фру Свантессон, если понадобится. А теперь, — продолжала фрёкен Бокк, — теперь я должна немедленно уйти, потому что мне надо вечером быть на телевидении.

Все очень удивились — мама и папа, и Буссе, и Беттан.

— В самом деле! — воскликнул папа. — Мы должны посмотреть эту передачу. Вне всякого сомнения!

Фрёкен Бокк гордо вскинула голову:

— Да, надеюсь. Надеюсь, это сделает весь шведский народ.

И она стала поспешно собираться.

— Мне ведь надо еще уложить волосы, и при-

нять ванну, и сделать массаж лица, и маникюр, и примерить новые ортопедические стельки. Потому что надо иметь приличный вид, когда выступаешь на телевидении.

Беттан засмеялась:

— Ортопедические стельки… ведь их же по телевизору не видно!

Фрёкен Бокк неодобрительно взглянула на нее:

— Неужели я так сказала? Во всяком случае, мне нужны новые стельки… да и чувствуешь себя гораздо уверенней, когда ты в полном порядке. Хотя обычные люди этого, возможно, и не понимают. Но мы, те, кто выступают на телевидении, мы это знаем.

Потом она, быстро попрощавшись, умчалась прочь.

— Вот и ушла Домокозлючка, — сказал Буссе, когда за ней захлопнулась дверь.

Малыш задумчиво кивнул.

— А я уже довольно хорошо стал к ней относиться, — сказал он. — Кстати, она испекла прекрасный торт со взбитыми сливками, большой и пышный, украшенный ломтиками ананаса.

— Мы съедим его вечером, когда будем пить кофе и смотреть телевизионную передачу про фрёкен Бокк, — пообещала мама.

Так оно и случилось. Когда волнующий час уже приближался, Малыш позвонил Карлссону. Он дернул провод, скрытый занавесками, только один раз, что означало: «Сейчас же прилетай!»

И мигом явился Карлссон. Вся семья уже сидела перед телевизором, кофейный поднос и торт со взбитыми сливками стояли на столе.

— А вот и мы с Карлссоном! — сказал Малыш, когда они шагнули в гостиную.

— А вот и я! — сказал Карлссон, бросаясь в самое лучшее кресло. — Наконец-то здесь в доме вкусно кормят, на столе немножко торта со взбитыми сливками. Очень вовремя! Можно мне взять сию же минуту немножко торта… Или, вернее, множко торта!

— Самые младшие получают последними, — сказала мама. — Вообще-то ты занял мое место. Вы — ты и Малыш — можете сидеть на полу перед телевизором, а я подам вам торт туда.

Карлссон повернулся к Малышу:

— Слышал? Неужели она всегда так с тобой обращается, несчастный ты ребенок?!

И он с довольным видом ухмыльнулся:

— Хорошо, что она и со мной так обращается, ведь должна же быть на свете справедливость, иначе я не играю!

И они уселись на полу перед телевизором — Карлссон и Малыш и ели много-много торта в ожидании, когда покажется на экране фрёкен Бокк.

— Сейчас она появится! — сказал папа.

И в самом деле, она появилась! И господин Пекк тоже. Он был ведущим программы.

— Домокозлючка собственной персоной! — воскликнул Карлссон. — Ха-ха! Ну и позабавимся же мы сейчас!

Фрёкен Бокк вздрогнула. Всем почти показалось, что она услыхала слова Карлссона. А может, она все-таки очень нервничала, представ пред лицом всего шведского народа, чтобы продемонстрировать, как готовить «Вкусную мешанину фрёкен Хильдур Бокк».

— Расскажите нам, расскажите, как вам пришла в голову мысль приготовить именно это блюдо? — спросил господин Пекк.

— А скажите-ка, скажите, — повторила его слова фрёкен Бокк, — если у вас есть сестра, которая ровно ничего не смыслит в приготовлении еды…

Больше она ничего произнести не успела, Карлссон, протянув свою пухлую ручонку, выключил телевизор.

— Домокозлючка приходит и уходит, когда я

этого хочу, — сказал он.

Но тут мама Малыша велела ему:

— Сейчас же включи обратно... и попробуй сделать так еще хоть раз, и ты немедленно вылетишь отсюда!

Карлссон толкнул Малыша в бок и прошептал:

— Что, в этом доме уже ничего и сделать нельзя?

— Тише, мы будем смотреть на фрёкен Бокк, — сказал Малыш.

— Нужно как следует посолить, и поперчить, и посыпать карри — тогда будет вкусно, — продолжала фрёкен Бокк.

И она щедро солила, и перчила, и посыпала карри свое блюдо, а когда жаркое было готово, она лукаво поглядела с экрана телевизора и спросила:

— Не желаете ли попробовать?

— Спасибо, только не я, — ответил Карлссон. — Но если ты дашь мне имя и адрес тех самых деток — поглотителей огня, я приведу их к тебе попробовать твое варево!

Потом господин Пекк поблагодарил фрёкен Бокк за то, что она пожелала прийти и продемонстрировать, как она готовит свое вкусное жаркое под соусом. Телевизионное время фрёкен Бокк

явно истекло, но тут она воскликнула:

— Скажите-ка, скажите! Нельзя ли послать привет моей сестре Фриде, домой, на улицу Фрейгатан?

Господин Пекк явно заколебался:

— Скажите-ка, скажите… ну, ладно, только побыстрее!

И тогда фрёкен Бокк, помахав рукой с экрана, сказала:

— Привет, привет, Фрида, как поживаешь? Надеюсь, ты не свалилась со стула?

— Я тоже на это надеюсь, — откликнулся Карлссон, — потому что хватит с нас землетрясений на крайнем севере Норланда.

— О чем ты? — спросил Малыш. — Ты ведь, верно, даже не знаешь, такая ли эта Фрида тяжелая, как фрёкен Бокк.

— Подумать только, знаю! — сказал Карлссон. — Я был у них на улице Фрейгатан разок-другой и играл там в привидение.

Потом Карлссон и Малыш поели еще торта и посмотрели по телевизору выступление жонглера, который мог бросать в воздух пять тарелок одновременно, не уронив при этом ни одной. «Вообще-то жонглеры — скучные», — думал Малыш. Но рядом сидел с горящими глазами Карлссон,

и Малыш был счастлив. Ведь именно сейчас и наступило настоящее веселье, и так прекрасно было все, что его окружало: и мама, и папа, и Буссе, и Беттан, и Бимбо… и еще Карлссон.

Когда торт был съеден, Карлссон взял красивое блюдо, на котором он лежал, и хорошенько облизал. Потом подбросил блюдо в воздух точь-в-точь так, как это делал со своими тарелками жонглер.

— Да, — сказал он, — ловкий этот дядька в ящике! А кто на свете самый лучший бросальщик блюд? Отгадай-ка!

Он швырнул вверх блюдо от торта так, что оно почти коснулось потолка, и Малыш испугался.

— Не надо, Карлссон, не надо!

Мама и все остальные продолжали смотреть телевизор, на экране которого теперь уже танцевала балерина. И никто даже не заметил, что вытворял Карлссон. Ничуть не помогло и то, что Малыш сказал ему: «Не надо!» Карлссон беспечно продолжал подбрасывать блюдо.

— Вообще-то блюдо у вас красивое, — сказал Карлссон и подкинул блюдо к потолку. — Вернее, у вас *было* красивое блюдо, — поправил он самого себя и наклонился, чтобы собрать осколки. — Ну, да ладно, ведь это дело житейское…

Но мама услыхала звяканье, когда блюдо упало

и разбилось. Шлепнув как следует Карлссона ниже спины, она сказала:

— Это было мое самое красивое блюдо для торта, и никакое оно не «дело житейское».

Малышу не понравилось, как обошлись с самым лучшим в мире бросальщиком блюд, но он-то понимал, что мама расстроена из-за разбитого блюда, и поспешил ее утешить:

— Я выну деньги из моей свинки-копилки и куплю тебе новое блюдо.

Но тут Карлссон гордо сунул руку в карман и выудил оттуда пятиэровую монетку, которую отдал маме:

— Я сам плачу за то, что разбиваю. Вот! Пожалуйста! Купи блюдо, а сдачу, которая останется, можешь взять себе.

— Спасибо, милый Карлссон! — сказала мама.

Карлссон с довольным видом кивнул головой:

— Или купи на них какие-нибудь маленькие дешевые вазочки, которые ты сможешь швырять в меня, если меня угораздит прийти сюда, а тебя — разозлиться.

Малыш прижался к маме и спросил:

— Мама, правда, ты ведь больше не сердишься на Карлссона?

В ответ мама погладила по головке их обоих

— и Карлссона, и Малыша, и сказала, что нет, мол, не сердится.

Потом Карлссон попрощался:

— Хейсан-хоппсан, теперь мне пора домой, а не то я опоздаю на ужин!

— А что у тебя на ужин? — спросил Малыш.

— Вкусная мешанина Карлссона, который живет на крыше, — ответил Карлссон. — И поверь мне: это тебе не лисий яд, как у Домокозлючки. Кто лучший на свете варильщик мешанин? Отгадай!

— Конечно, ты, Карлссон, — сказал Малыш.

Час спустя Малыш уже лежал в кровати, а рядом стояла корзинка, где приютился Бимбо. Мама и папа, Буссе и Беттан — все уже побывали у Малыша и пожелали ему спокойной ночи. Малыша начало клонить ко сну.

Но он лежал там и думал о Карлссоне, и ему было любопытно узнать, что тот делает сию минуту.

Может, он столярничает, мастерит, например, скворечник или что-нибудь в этом роде. «Завтра, когда я вернусь домой из школы, — думал Малыш, — я смогу позвонить Карлссону и спросить его, нельзя ли мне подняться к нему наверх и подольше постолярничать; мне ведь тоже хо-

чется».

И еще Малыш подумал, как здорово, что Карлссон провел телефон.

«Я ведь могу позвонить ему сейчас, если захочу», — решил он и внезапно почувствовал, что это — замечательная идея.

Выскочив из кровати, он побежал босиком к окошку и дернул провод. Три раза. Это был сигнал, означавший: «Подумать только, как хорошо, что на свете есть ты, Карлссон, такой красивый, весь такой умный и в меру упитанный мужчина, храбрый и вообще замечательный во всех отношениях!»

Малыш по-прежнему стоял у окна, не потому, что ждал какого-то ответа, нет, он просто стоял там. Но вдруг, откуда ни возьмись, прилетел Карлссон со словами:

— Да, представь себе! Ты — прав!

Больше он ничего не сказал. А потом полетел обратно в свой маленький зеленый домик на крыше.

КАРЛССОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ, ВОЗВРАЩАЕТСЯ ТАЙКОМ[10]

Lindgren Astrid. Karlsson på taket smyger igen. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1968

---

[10] Примечания: 10

Перевод Л. Брауде и Н. Беляковой

КАЖДЫЙ ИМЕЕТ ПРАВО БЫТЬ КАРЛССОНОМ

Однажды утром Малыш — самый младший и самый маленький в семействе Свантессонов — проснулся и услыхал, как мама с папой разговаривают на кухне. Похоже, они были сердиты или же чем-то огорчены.

— Ну, теперь все пропало! — сказал папа. — Посмотри, что написано в газете, прочитай сама.

— Ах, какой ужас! — воскликнула мама. — Какой ужас!

Малыш мигом вылез из кровати. Ему тоже хотелось узнать, что же случилось такое ужасное.

И он, в самом деле, узнал. На первой странице газеты большими буквами было напечатано заглавие статьи:

ЛЕТАЮЩИЙ БОЧОНОК ИЛИ ЧТО-ТО ДРУГОЕ?

А в статье было написано:

«Что за таинственный и странный предмет летает повсюду в Стокгольме? Те, кто его видел, утверждают, что очень

маленький летающий бочонок или нечто в этом роде с громким жужжанием, похожим на шум мотора, пролетает над крышами домов в Васастане. Ведомство воздушного сообщения ничего не знает об этой своеобразной воздушной линии. И поэтому возникает подозрение, что это, возможно, некий иностранный шпион, который, не теряя времени, летает вокруг и собирает сведения. Все это должно быть выяснено, а летающий „бочонок“ пойман. Если же он окажется маленьким тайным шпионом, его следует передать в руки полиции — немедленно.

Кто разрешит летающую загадку Васастана? Вознаграждение в десять тысяч крон будет передано тому, кому посчастливится поймать этот жужжащий предмет, кем или чем бы он ни был. Дело только за тем, чтобы доставить его в редакцию нашей газеты и получить деньги!»

— Бедный Карлссон, который живет на крыше, — сказала мама. — Теперь люди начнут охотиться за ним и загоняют насмерть.

Малыш страшно испугался, огорчился и рассердился — все сразу.

— Почему нельзя оставить Карлссона в покое?! — кричал он. — Он же ничего плохого не сделал. Он только живет в своем домике на крыше да летает вокруг. Неужели он в чем-то виноват?

— Нет, — ответила мама. — Карлссон ни в чем не виноват. Разве что он чуточку… гм… необычен.

Да, конечно, в Карлссоне было что-то необычное, это вынужден был признать даже Малыш. Необычно было то, что в отдельных маленьких домиках на крыше живут маленькие толстенькие моторизованные дяденьки, дяденьки со складным моторчиком на спине и стартовой кнопкой на животе. Таким маленьким дяденькой и был Карлссон. А еще он был лучшим другом Малыша. Даже гораздо лучшим, чем Кристер и Гунилла, которых Малыш все-таки очень любил и с которыми играл, когда Карлссон вдруг неожиданно исчезал или когда у него не было времени играть с Малышом.

Карлссон считал, что Кристер и Гунилла — всего-навсего мелочь пузатая. Он презрительно фыркал всякий раз, когда Малыш упоминал о

них.

— Нечего болтать об этой мелюзге, как будто они мне ровня! Мне, красивому, чертовски умному и в меру упитанному мужчине в цвете лет! Как по-твоему, много ли на свете глупых мальчишек, у которых есть такой самый лучший на свете друг, как я, а?

— Нет! Ни у кого, кроме меня, такого нет, — говорил Малыш, который всякий раз радовался словам Карлссона. От них у него на сердце становилось тепло. Какое счастье, что Карлссон поселился именно на его крыше! Ведь в Васастане было полно старых уродливых пятиэтажных домов, похожих на тот, в котором жила семья Свантессонов. Какое счастье, что Карлссона угораздило поселиться именно на их крыше, а не на какой-нибудь другой!

Хотя мама и папа вначале не очень-то радовались Карлссону, а брату и сестре Малыша — Буссе и Беттан — он сперва вообще не нравился!

Все семейство — разумеется, кроме Малыша — считало, что Карлссон — самая несносная, самая взбалмошная, самая избалованная, самая наглая и вороватая тварь, какая только есть на свете. Но в последнее время все они начали понемногу привыкать к нему. Карлссон им уже почти что

нравился, а самое главное — они поняли: Малышу он нужен. Ведь Буссе и Беттан были гораздо старше Малыша, а ему был нужен друг, раз у него не было брата или сестры такого же возраста. Правда, у него была собственная собака, удивительное существо по кличке Бимбо, но даже этого было мало — Малышу нужен был Карлссон.

— Мне кажется, что и Карлссону тоже нужен Малыш, — говорила мама.

Но все-таки папа и мама с самого начала хотели, чтобы существование Карлссона было обставлено как можно большей тайной. Они понимали, какой поднимется шум, если, например, о нем узнают на телевидении или еженедельные газеты начнут писать статьи типа: «Карлссон у себя дома».

— Ха-ха-ха! — воскликнул однажды Буссе. — Вот был бы смех, если бы довелось увидеть Карлссона в «Журнале недели» нюхающим букет алых роз в гостиной или где-нибудь еще.

— Ну и дурак же ты! — сказал тогда Малыш. — У Карлссона нет гостиной. У него есть только одна маленькая неприбранная комнатушка, и никаких роз там нет.

Буссе тоже это знал. И он, и Беттан, и мама, и папа однажды — всего один только раз — были

на крыше и осмотрели домик Карлссона. Они влезли на крышу через чердачный люк, которым пользовался трубочист, и Малыш показал им домик Карлссона за трубой, совсем рядом с брандмауэром соседнего дома. Мама чуточку испугалась, когда поднялась на крышу и увидела оттуда улицу. У нее слегка закружилась голова, и ей пришлось схватиться за трубу.

— Малыш, обещай мне, что никогда не поднимешься сюда один, — сказала она.

Прежде чем обещать, Малыш немного подумал.

— Ладно, — под конец сказал он, — я никогда не поднимусь сюда один... хотя я, быть может, иногда *прилечу* сюда с Карлссоном, — немного погодя совсем тихо добавил он.

Если мама не слыхала эти слова, пусть винит себя. Да и вообще, как она могла даже требовать, чтобы Малыш никогда не навещал Карлссона, Она, верно, никакого понятия не имела о том, до чего весело может быть в маленькой неприбранной комнатушке Карлссона, где столько разных штучек-дрючек.

«Но теперь, ясное дело, все кончится, — с горечью подумал Малыш, — а все из-за этих дурацких журналистов».

— Скажи Карлссону, пусть остерегается, — сказал папа. — Ему надо на некоторое время прекратить свои полеты по округе. Вы можете играть в твоей комнате, где никто его не увидит.

— Но если он начнет буйствовать, я выставлю его вон, — предупредила мама.

Она поставила Малышу тарелку с кашей на кухонный столик, а Бимбо тоже положили немного каши в его плошку. Папа попрощался и ушел в свою контору. И тут выяснилось, что маме тоже надо пойти в город.

— Я только сбегаю в туристское бюро узнать, не предложат ли нам какую-нибудь интересную поездку. Ведь у папы скоро отпуск, — сказала она, поцеловав Малыша. — Я быстренько вернусь.

И Малыш остался один. Один с Бимбо, со своей кашей и со своими мыслями. И с газетой. Она лежала рядом на столике, и время от времени он искоса заглядывал в нее. Под статьей о Карлссоне была красивая фотография большого белого парохода, который прибыл с визитом в Стокгольм и стоял теперь на якоре в Стрёммене[11]. Малыш смотрел на пароход. О, как он был красив! Малыш охотно поглядел бы на такой пароход и поплавал

---

[11] Примечания: 11

Стрёммен — проток, соединяющий Сальтшён, залив в Балтийском море, с озером Меларен.

бы на нем по морю!

Он пытался смотреть только на пароход, но взгляд его все время устремлялся к этому противному заголовку:

ЛЕТАЮЩИЙ БОЧОНОК ИЛИ ЧТО-ТО ДРУГОЕ?

Малыш в самом деле был огорчен. Ему нужно было как можно скорее поговорить с Карлссоном, хотя и не стоило его сильно пугать. Кто знает, вдруг Карлссон возьмет да и улетит и никогда больше не вернется. Малыш вздохнул. Затем нехотя сунул в рот ложку каши. Не глотая эту кашу, а как бы пробуя, он держал ее за щекой. Малыш был маленький, худенький мальчик с плохим аппетитом — таких ведь на свете немало!

Он вечно сидел, ковыряясь в тарелке. Чтобы поесть, ему нужна была целая вечность.

«А из всей еды каша — особенно невкусная, — думал Малыш. — Может, она станет немного вкуснее, если посыпать ее сахаром?» Он взял сахарницу, но в тот же миг услышал жужжание моторчика под кухонным окном и — ж-ж-ж-ж — в кухню влетел Карлссон.

— Хейсан-хоппсан, Малыш! — воскликнул

он. — Кто твой лучший друг на свете? Отгадай! И почему он прилетает именно сейчас? Отгадай-ка!

Малыш быстро проглотил кашу, которую держал за щекой.

— Мой лучший друг на свете — это ты, Карлссон! А почему ты прилетел именно сейчас?

— Отгадай с трех раз! — сказал Карлссон. — Потому что я скучал по тебе, маленький глупый мальчишка. Или потому, что меня угораздило залететь сюда по ошибке, а, собственно говоря, мне надо было облететь вокруг Кунгстрэдгордена[12], или же потому, что я почувствовал запах каши! Отгадай-ка! Это только от тебя и требуется.

Лицо Малыша просветлело от радости.

— Потому, что ты скучал по мне? — робко попытался отгадать он.

— А вот и нет! — возразил Карлссон. — И на Кунгсан[13] мне вовсе не надо было, так что нечего тебе и гадать.

«Кунгсан, — подумал Малыш, — о, туда Карлссону абсолютно нельзя летать, да и ни в какие другие места, где полным-полно народа. Его могут

---

[12] Примечания: 12
Площадь и сквер в центре Стокгольма.

[13] Примечания: 13
Обиходное, жаргонное название Кунгстрэдгордена.

там увидеть, это надо ему наконец объяснить!»

— Послушай-ка, Карлссон, — начал было Малыш, но тут же замолчал, потому что внезапно увидел: вид у Карлссона — недовольный. Он угрюмо смотрел на Малыша и строил гримасы.

— Прилетаешь сюда голодный как волк, — сказал он, — а кое-кому ставят стул и тарелку на стол, повязывают нагрудничек, как младенцу. И накладывают целую гору каши, и говорят, что надо съесть ложечку за маму, ложечку за папу, ложечку за тетю Августу…

— А кто такая тетя Августа? — с любопытством спросил Малыш.

— Понятия не имею, — ответил Карлссон.

— Ну тогда, верно, нечего тебе и есть за ее здоровье, — сказал, расхохотавшись, Малыш.

Но Карлссон не смеялся.

— Вот как! И это говоришь ты! Значит, по-твоему, надо умирать с голоду только потому, что тебе не довелось узнать всех теток на свете, которые, может, сидят себе и киснут где-нибудь в Тумбе или Тутарюде[14], или еще где-нибудь.

Малыш поспешно вытащил тарелку и предложил Карлссону самому взять себе каши из

---

[14] Примечания: 14
Пригороды Стокгольма.

кастрюли. По-прежнему чуть угрюмый, Карлссон стал накладывать себе кашу. Он черпал и черпал из кастрюли, а под конец указательным пальцем стал скрести дочиста вдоль краев, чтобы там уже ничего не оставалось.

— Золотая у тебя мамочка, — сказал Карлссон, — жаль только, что она такая ужасная скупердяйка. Много каши ел я в своей жизни, но никогда мне не давали ее так мало.

Высыпав всю сахарницу себе в кашу, он принялся за еду. Несколько минут на кухне слышалось лишь чавкание, которое раздается, когда кто-нибудь с невероятной быстротой ест кашу.

— К сожалению, на ложечку, чтобы съесть ее за тетю Августу, каши не хватило, — сказал Карлссон, вытирая рот. — Но я вижу, что здесь есть еще булочки! Без паники, только без паники, милая тетя Августа, сиди себе *преспокойно* в своей Тумбе; а я вместо каши могу слопать за твое здоровье пару булочек. А может, три… или четыре… или пять!

Пока Карлссон ел булочки, Малыш сидел и ломал голову над тем, как лучше всего предупредить Карлссона. «Может, дать ему самому прочитать статью», — подумал Малыш и, чуть колеблясь, протянул статью Карлссону.

— Взгляни на первую страницу, — мрачно сказал он.

И Карлссон так и сделал. С большим интересом взглянул он на первую страницу, а потом приложил маленький пухленький указательный палец прямо к фотографии белого парохода.

— Ай! Ай! Вот снова корабль, который перевернулся, — сказал он. — Одни беды и несчастья! Беды и несчастья!

— Фу, ведь ты держишь газету вверх ногами, — сказал Малыш.

Он уже давно подозревал, что Карлссон не очень-то хорошо умеет читать. Но Малыш был добрый и отзывчивый и не хотел никого огорчать, а меньше всего Карлссона. Поэтому он не сказал: «Ха-ха! Ты не умеешь читать!», а только перевернул газету с фотографией парохода правильно, так, чтобы Карлссон мог увидеть: никакого несчастья с пароходом не случилось.

— Но здесь написано о других бедах и несчастьях, — сказал Малыш, — послушай, ты должен послушать!

И он прочитал Карлссону вслух о летающем бочонке и маленьком ужасном шпионе, которого следует поймать, и о вознаграждении, и обо всем, обо всем.

«Дело только за тем, чтобы доставить его в редакцию нашей газеты и получить деньги», — заключил он и вздохнул.

Но Карлссон, вместо того чтобы вздыхать, начал ликовать.

— Ха-ха! — закричал он и несколько раз весело и усердно подпрыгнул. — Ха-ха! Маленький ужасный шпион все равно что пойман. Звони в редакцию газеты и скажи, что я доставлю этот бочонок уже после полудня!

— Что ты собираешься делать? — испуганно спросил Малыш.

— Лучший на свете ловильщик шпионов! Отгадай, кто это? — спросил Карлссон, гордо указывая на себя. — Нижеподписавшийся Карлссон — вот кто! Когда я примчусь с моей огромной мухоловкой! А если этот маленький, ужасный шпион будет летать по всему Васастану, я поймаю его еще до вечера в мухоловку, будь спокоен… а вообще-то, есть у тебя какой-нибудь чемодан, куда могут поместиться эти десять тысяч?

Малыш снова вздохнул. Похоже, будет еще труднее, чем он думал. Ведь Карлссон ничего не понял.

— Милый Карлссон, неужели ты так и не понимаешь, что летающий бочонок — это ты, они

хотят поймать тебя, понял?!

Карлссон прямо-таки захлебнулся от восторга и подпрыгнул. В горле у него что-то булькнуло, словно он внезапно поперхнулся.

— Летающий бочонок! — заорал он. — Ты называешь *меня* летающим бочонком! И после этого я должен быть твоим лучшим другом! Фу!

Он потянулся, желая, по возможности, стать чуточку длиннее, и одновременно изо всех сил постарался втянуть живот.

— Ты, может, не обратил внимание, — высокомерно сказал он, — что я — красивый, весь такой умный, в меру упитанный мужчина в цвете лет! Может, ты этого не заметил, а?

— Конечно, Карлссон, конечно, Карлссон, — запинаясь произнес Малыш. — Но я ведь не виноват в том, что они пишут в газетах. Это они тебя имеют в виду, можешь не сомневаться.

Карлссон сердился все больше и больше.

— «Дело только за тем, чтобы доставить этот предмет в редакцию газеты!..» — горько вскричал он. — Предмет! — орал он. — Кто-то называет меня предметом! Да я так дам ему между глаз, что у него нос отвалится!

Он сделал несколько мелких, угрожающих прыжков в сторону Малыша. Но этого ему как раз

и не следовало делать, потому что теперь разъярился Бимбо. Бимбо не мог позволить, чтобы кто-то так возмутительно рычал на его хозяина.

— Нельзя, Бимбо, на место, не тронь Карлссона! — скомандовал Малыш, и Бимбо отстал.

Он только поворчал немного, давая Карлссону понять, что он о нем думает.

Карлссон отошел от Малыша и сел на скамеечку, мрачный и надутый: сейчас к нему лучше не подходить.

— Раз так, я не играю, — сказал он. — Я больше не играю, раз ты такой зловредный, обзываешь меня «предметом» и науськиваешь на меня своих свирепых ищеек!

Малыш был в отчаянии. Он не знал, что ему делать и как говорить.

— Я ведь не виноват в том, что они пишут в газетах, — пробормотал он.

Он замолчал. Молчал и Карлссон, сидя с надутым видом на своей скамеечке. В кухне стояла удручающая тишина.

И тут Карлссон неожиданно расхохотался. Вскочив со скамеечки, он игриво толкнул Малыша в живот.

— Если я даже и предмет, — сказал он, — то, во всяком случае, — самый лучший на свете.

Предмет, который стоит десять тысяч крон, ты подумал об этом?

Малыш тоже начал смеяться. Как здорово, что Карлссон снова повеселел!

— Да, в самом деле, — в полном восторге сказал Малыш, — ты стоишь десять тысяч крон, не многие, верно, столько стоят.

— Никто на всей земле не стоит столько, — заверил его Карлссон. — Такой, например, маленький предмет, такой карапузишко, как ты, больше ста двадцати пяти крон ни за что не стоит! Спорим!

Нажав стартовую кнопку, он ликующе взмыл ввысь и с радостными криками сделал несколько кругов почета вокруг люстры.

— Ха-ха! — кричал он. — Вот летит Карлссон, который стоит десять тысяч крон! Ха-ха!

Малыш решил плюнуть на все. Ведь на самом-то деле Карлссон не был шпионом! И полицейские не могут схватить его только за то, что он — Карлссон. Внезапно он понял: ведь мама и папа боялись вовсе не этого. Они, понятное дело, страшились, что Карлссона нельзя будет дольше держать в тайне, если на него начнется охота. Однако Малыш не верил, что Карлссона может постигнуть какая-нибудь беда.

— Ты не бойся, Карлссон! — сказал он ему в

утешение. — Они ничего не могут сделать тебе только за то, что ты — есть ты!

— Нет, Карлссоном имеет право быть каждый, — заверил его Карлссон. — Хотя пока что на свете есть всего лишь один-единственный — маленький, хорошенький, в меру упитанный экземпляр.

Они опять перебрались в комнату Малыша, и Карлссон в нетерпеливом ожидании стал оглядываться по сторонам.

— Нет ли у тебя какой-нибудь паровой машины, которую можно взорвать, или чего-нибудь другого, что может здорово грохнуть? «Буду веселиться я с раннего утра...», а иначе я не играю, — указал он.

Но в тот же миг, увидев кулечек, лежавший на столике Малыша, он, словно ястреб, набросился на него.

Мама положила туда кулечек вчера вечером, а в нем лежал большой красивый персик, и этот персик тут же мелькнул в пухленькой ручонке Карлссона.

— Мы можем поделиться, — быстро предложил Малыш.

Он ведь тоже любил персики и понимал, что нельзя медлить, если он хочет получить хотя бы

кусочек.

— Охотно, — сказал Карлссон. — Мы поделим так: я возьму персик, а ты кулечек. Тогда тебе достанется самое лучшее, потому что, имея кулечек, можно веселиться и озорничать сколько хочешь.

— Э, нет, спасибо! — отказался Малыш. — Мы разделим персик, а потом, пожалуйста, можешь забирать кулечек.

Карлссон неодобрительно покачал головой.

— Никогда в жизни не видал такого прожорливого мальчишку, — сказал он. — Ну да ладно! Как хочешь!

Чтобы разделить персик пополам, нужен был нож, и Малыш побежал на кухню, принести его. Когда он вернулся с ножом, Карлссона уже не было. Но Малыш внезапно обнаружил, что тот сидел, спрятавшись под столом, и оттуда доносилось усердное чавканье, словно кто-то в безумной спешке доедал сочный персик.

— Послушай-ка, что ты там вообще-то делаешь? — обеспокоенно спросил Малыш.

— Делю персик! — ответил Карлссон.

Послышалось последнее жадное причмокивание, и тут же из-под стола вылез Карлссон; персиковый сок стекал у него с подбородка. Про-

тянув пухлую ручонку к Малышу, он дал ему шероховатую рыжевато-коричневую персиковую косточку.

— Я всегда хочу, чтобы тебе доставалось все самое лучшее, — сказал он. — Если ты посадишь эту косточку, то у тебя вырастет целое персиковое дерево, усеянное персиками. Признайся, что я — самый добрый на свете и даже не скандалю, хотя мне достался всего лишь один-единственный маленький паршивый персик!

Но не успел Малыш в чем-нибудь признаться, как Карлссон ринулся к окну, где в цветочном горшке цвела ярко-розовая герань.

— И раз уж я такой добрый, я помогу тебе посадить это дерево.

— Стой! — закричал Малыш.

Но было поздно. Карлссон уже вырвал из горшка герань с корнем, и не успел Малыш помешать, как он выкинул цветок в окно.

— Ты просто — дурак, — начал было Малыш, но Карлссон не слушал его.

— Целое большое персиковое дерево! Подумай сам! На своем пятидесятилетии ты сможешь каждому предложить на десерт по персику! Разве это не замечательно?

— Да, но еще замечательней будет, когда

мама увидит, что ты вырвал и выбросил ее герань, — сказал Малыш. — Подумай сам! А если какому-нибудь старичку на улице она свалилась на голову, как по-твоему, что он скажет?

— Что он скажет? «Спасибо, дорогой Карлссон, — заверил Малыша Карлссон. — Спасибо, дорогой Карлссон, за то, что ты вырвал герань, а не выкинул ее вместе с цветочным горшком… что так понравилось бы чокнутой маме Малыша».

— Вовсе бы ей не понравилось, — запротестовал Малыш, — с чего ты это взял?

Карлссон уже сунул косточку в цветочный горшок и энергично засыпал ее землей.

— Нет, понравилось бы, — возразил Карлссон, — твоей маме только и надо, чтобы герань хорошенько сидела в горшке, тогда она довольна. А то, что это опасно для жизни маленьких старичков, которые плетутся по улице, до этого ей дела нет. «Одним старичком больше, одним меньше — дело житейское, — говорит она, — только бы никто не вырвал с корнем мою герань».

Карлссон пронзительно смотрел на Малыша.

— Ну, а вышвырни я сейчас еще и цветочный горшок, куда бы мы в таком случае посадили персиковое дерево? Ты подумал об этом?

Малыш вообще ни о чем не думал и не мог

ничего ответить. Когда Карлссон впадал в такое настроение, беседовать с ним было трудно. Но, к счастью, настроение его менялось каждые четверть часа. Вдруг он издал смешок, напоминавший довольное кудахтанье.

— Кулечек-то у нас остался, — сказал он. — С кулечками можно веселиться как угодно.

Малыш этого прежде вроде бы не замечал.

— А как? — удивился он. — Что можно делать с кулечком?

У Карлссона загорелись глаза.

— Самый колоссальный на свете хлопок! — воскликнул он. — Ха-ха, какой хлопок! Именно это я сейчас и сделаю!

Взяв кулечек, он быстро исчез с ним в ванной комнате. Умирая от любопытства, Малыш последовал за ним. Ему ужасно хотелось знать, как получится самый колоссальный в мире хлопок.

Карлссон стоял, склонившись над ванной, и наполнял кулечек водой из-под крана.

— Ты — дурак, — снова сказал Малыш. — Разве можно наливать воду в бумажный кулечек. Неужели ты этого не понимаешь?!

— Ну и что! — сказал Карлссон, сунув готовый лопнуть пакет под нос Малыша.

Мгновение он подержал его так, чтобы Малыш

видел: разумеется, можно наливать воду в бумажный кулечек. Потом он, зажав кулечек в руке, помчался назад в комнату Малыша.

Малыш, терзаемый дурными предчувствиями, ринулся за ним. И в самом деле, Карлссон свесился из окна так, что видны были лишь его пухлый задик и короткие, пухлые ножки.

— Гоп-гоп-тра-ля-ля! — кричал он. — Смотри вниз, потому что сейчас раздастся самый колоссальный в мире хлопок!

— Стоп! — воскликнул Малыш и быстренько высунулся из окна.

— Нет, Карлссон, нет, не надо! — в страхе закричал он.

Но было поздно. Кулечек уже летел вниз. Малыш увидел, как он упал, словно бомба, под ноги какой-то несчастной тетеньке, которая шла в молочный магазин рядом с их домом. И самый колоссальный в мире хлопок явно ей не понравился.

— Она воет так, словно ей под ноги упал цветочный горшок, — сказал Карлссон. — А это всего лишь немножко обыкновенной воды.

Малыш с грохотом захлопнул окно. Ему не хотелось, чтобы Карлссон выбрасывал еще и другие вещи.

— Я думаю, не надо так делать, — серьезно сказал он.

Но тут Карлссон расхохотался. Сделав небольшой круг вокруг люстры, он, хихикая, посмотрел вниз на Малыша.

— «Я думаю, не надо так делать», — сказал он, передразнивая Малыша. — Ну а как, *по-твоему*, надо делать? Вышвырнуть в окно кулечек с тухлыми яйцами, а? Это тоже одна из чудаковатых выдумок твоей мамы?

Подлетев к Малышу, он тяжело приземлился возле него.

— Ты и твоя мама — самые большие чудаки на всем свете, — сказал он, потрепав Малыша по щеке. — Но, как ни странно, я вас все-таки люблю.

Малыш так обрадовался, что даже покраснел. Как замечательно, что Карлссон любит его и мама ему тоже на самом деле нравится, хотя не всегда в этом признается.

— Я и сам удивляюсь, — сказал Карлссон, продолжая трепать Малыша по щеке.

Он трепал его долго и обстоятельно, и постепенно все сильнее и сильнее. Под конец он так шлепнул Малыша по щеке, что это напоминало легкую пощечину, а потом сказал:

— О, какой же я добрый! Я — самый добрый на

свете! И поэтому мне кажется, что мы сейчас поиграем в какую-нибудь очень хорошую и добрую игру. Ну, а ты, ты тоже этого хочешь?

Малыш согласился и тут же задумался. Какая же есть на свете хорошая игра, в которую можно поиграть с Карлссоном?

— Например, — сказал Карлссон. — Мы можем вообразить, что стол — это наш плот, на котором мы спасемся, когда начнется большое наводнение… а оно как раз и начинается.

Он указал на узенькую струйку воды, которая медленно просачивалась из-под двери.

Малыш задохнулся от ужаса и испуганно спросил:

— Ты не закрыл кран в ванной?

Наклонив голову, Карлссон нежно взглянул на Малыша:

— Отгадай с трех раз: закрыл я кран или нет?

Малыш открыл дверь в прихожую, да, так оно и было, как сказал Карлссон. Большое наводнение началось. Пол в ванной комнате и в прихожей уже залило водой, в которой можно было при желании плескаться.

И Карлссон тут же изъявил такое желание восторженным криком; он прыгнул обеими ногами прямо в воду.

— Гоп-гоп-тра-ля-ля! — крикнул он. — Бывают же такие дни, когда случаются одни только приятности!

Когда же Малыш выключил кран и спустил воду из переполненной ванны, он опустился на стул в прихожей и в отчаянии посмотрел на окружившее его море воды.

— Ой! — воскликнул он. — Ой, что скажет мама?!

Карлссон сбился с такта посреди всех своих прыжков и возмущенно взглянул на Малыша.

— Ну знаешь что, — сказал он. — До чего плаксивая твоя мама! Она что, вечно ноет? Ведь это же всего-навсего немного обыкновенной воды.

Он снова прыгнул в воду обеими ногами, да так, что забрызгал Малыша.

— Очень даже приятная вода, — сказал он. — Видишь, можно бесплатно принимать ножную ванну. Твоя мама не любит разве ножные ванны?

Он снова подпрыгнул в воде и еще сильнее забрызгал Малыша.

— Она что, никогда не моет ноги? Может, она целыми днями только и делает, что швыряет в окно цветочные горшки?

Малыш не ответил. У него было о чем подумать.

Внезапно он заторопился. Ой, ведь надо во что бы то ни стало вытереть пол до того, как мама вернется домой.

— Карлссон, надо поторопиться, — сказал он, вскочив со стула.

Бросившись в кухню, он скоро вернулся с несколькими половыми тряпками.

— Карлссон, помоги, — начал было он.

Но никакого Карлссона уже не было. Его не было ни в ванной комнате, ни в прихожей, ни даже в комнате Малыша. Лишь за окном Малыш услыхал шум моторчика. Он подбежал к окну и тут вдруг увидел, как мимо просвистело нечто, напоминавшее толстенькую колбаску.

— Летающий бочонок или что-то в этом роде, — пробормотал Малыш.

Нет, никакой не летающий бочонок! А всего-навсего Карлссон по дороге в свой зеленый домик на крыше.

Но тут Карлссон увидел Малыша. Спикировав вниз, он со свистом промчался мимо. Малыш усердно замахал ему половой тряпкой, и Карлссон помахал ему в ответ пухлой ручонкой.

— Гоп-гоп-тра-ля-ля! — кричал он. — Вот летит Карлссон, который стоит десять тысяч крон, гоп-гоп, тра-ля-ля!

И он исчез. А Малыш с тряпкой в каждой руке отправился в прихожую, чтобы вытереть пол.

КАРЛССОН ВСПОМИНАЕТ, ЧТО У НЕГО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Карлссону повезло, что, когда мама вернулась из туристического бюро, его уже не было. Потому что она по-настоящему разозлилась бы и из-за герани и из-за наводнения, следы которого Малышу по большей части все же удалось уничтожить.

Мама тотчас же поняла, чьи это проделки, и рассказала обо всем папе, когда тот вернулся домой к обеду.

— Я знаю, что это бессовестно с моей стороны, — сказала мама, — потому что я уже более или менее начала привыкать к Карлссону, но иногда, кажется, я сама охотно заплатила бы десять тысяч крон, только чтоб избавиться от него.

— Как тебе не стыдно! — воскликнул Малыш.

— Да, стыдно, а теперь больше не будем об этом, — сказала мама, — потому что во время еды надо думать только о приятном.

Мама всегда так говорила: «Во время еды надо думать только о приятном». Малыш был с ней вполне согласен. Да им, право же, всегда было приятно и уютно, когда они, все вместе, сидели за

столом, ели и болтали обо всем на свете. Малыш болтал гораздо больше, чем ел, по крайней мере когда подавали отварную треску, или овощной суп, или селедочные фрикадельки. Но сегодня на обед были телячьи котлетки и клубника, потому что начались летние каникулы. И еще потому что Буссе и Беттан должны были уезжать: Буссе — в морское училище заниматься парусным спортом, а Беттан — в сельскую усадьбу, где разводят лошадей. А по такому случаю, понятно, нужен был небольшой прощальный пир; мама любила иногда устраивать небольшие пиры.

— Но ты, Малыш, не очень-то огорчайся из-за их отъезда, — сказал папа, — мы тоже уедем втроем — мама, ты и я.

И тут он выложил великую новость. Мама была в туристическом бюро и заказала билеты на круиз точь-в-точь на таком пароходе, какой Малыш видел в газете. Через неделю — отплытие, и целых четырнадцать дней они будут путешествовать на белом пароходе, заходить в разные порты и видеть разные города.

— Разве это не здорово? — спросила мама.

И точно такой же вопрос задал папа. И Буссе и Беттан…

— Разве это не здорово, Малыш?

— Да, — отвечал Малыш, чувствуя, что это, видимо, очень даже здорово. Но он чувствовал также: что-то тут неладно, что-то мешает ему радоваться, и он тотчас понял: Карлссон! Как он может оставить Карлссона одного именно теперь, когда он по-настоящему нужен Карлссону? Малыш неотрывно думал об этом, еще когда вытирал пол в прихожей после большого наводнения. Даже если Карлссон никакой не шпион, а всего-навсего Карлссон, все же может возникнуть опасность: вдруг люди захотят заработать десять тысяч крон и начнут за ним охотиться? Кто его знает, как люди поведут себя? Может, посадят Карлссона в клетку в Скансене[15] или выдумают еще что-нибудь другое, но тоже ужасное? Во всяком случае, они не позволят ему больше жить в маленьком домике на крыше, это уж точно.

Поэтому Малыш решил остаться дома и охранять Карлссона. И он, сидя за обеденным столом и уплетая телячью фрикадельку, обстоятельно объяснил всем свое решение.

Буссе расхохотался:

— Карлссон — в клетке в Скансене… ой, не могу!

---

[15] Примечания: 15

Этнографический музей-парк под открытым небом, основанный в Стокгольме на острове Юргорден в 1872 г. Артуром Хаселиусом (1833–1901).

Подумать только, Малыш, что будет, когда ты и твой класс явитесь туда и станете рассматривать разных животных, и ты вдруг прочитаешь на табличках «Медведь Белый», и «Лось», и «Волк», и «Бобер», и «Карлссон»!

— Ш-ш-ш! — прошептал Малыш.

Буссе фыркнул:

— Да, «Карлссон», и еще: «Этого зверя кормить не разрешается». Представляешь, как разозлится Карлссон, если так будет написано!

— Ну и дурак же ты! — сказал Малыш. — Настоящий дурак!

— Послушай, Малыш, — вмешалась мама, — если ты не хочешь плыть с нами, то и мы не сможем уехать. Понимаешь?

— Конечно, сможете, — ответил Малыш. — Мы с Карлссоном можем вместе вести хозяйство.

— Ха-ха-ха! — воскликнула Беттан. — И затопить весь дом, а? И выбросить всю мебель в окно?

— Дура ты, вот и все! — сказал Малыш.

Нет, на этот раз за обеденным столом было не так весело и уютно, как обычно. Хотя Малыш всегда был таким добрым и милым мальчуганом, иногда он становился страшно упрямым. А теперь он был просто воплощением упрямства и не

желал слушать никаких увещеваний.

— Ну ладно, милый мой мальчик… — начал было папа.

Но больше ему ничего не удалось сказать, потому что именно в эту минуту все услышали, как в почтовый ящик упало письмо. Даже не извинившись, Беттан выскочила из-за стола, так как постоянно ожидала писем от разных длинноволосых мальчишек. Поэтому она помчалась к двери первой. И в самом деле, на коврике у дверей лежало письмо. Но адресовано оно было вовсе не Беттан, и было вовсе не от какого-то длинноволосого мальчишки… а совсем наоборот. Оно было адресовано папе дядей Юлиусом, у которого вообще не было на голове ни единого волоска.

— Во время еды надо думать только о приятном, — сказал Буссе. — В таком случае не надо, чтобы приходили письма от дяди Юлиуса.

Дядя Юлиус был папиным дальним родственником и один раз в год приезжал в Стокгольм, чтобы посетить своего врача и повидаться с семейством Свантессонов. Дядя Юлиус не хотел жить в гостинице, считая, что это очень дорого. Вообще-то денег было у него — куры не клюют, но он ужасно боялся их тратить.

Никто в семействе Свантессонов особенно не

радовался приезду дяди Юлиуса, и меньше всех — папа. Но мама всегда говорила:

— Ведь ты фактически единственный его родственник, и его надо пожалеть. Мы должны быть добры к бедному дяде Юлиусу.

Хотя стоило бедному дяде Юлиусу пожить несколько дней у них в доме, где он все время только и делал замечания ее детям, был привередлив в еде и жаловался абсолютно на все, как у мамы тут же залегала морщинка между глаз. И она становилась очень тихой и как бы не в своей тарелке, как и папа, когда, бывало, дядя Юлиус переступал порог их дома. А Буссе и Беттан старались держаться от него подальше, и их почти никогда не бывало дома, пока дядя Юлиус оставался у них.

«Малыш — единственный, кто хоть чуточку добр к нему», — не раз говорила мама.

Но даже Малышу все это надоедало, и когда дядя Юлиус был у них в гостях последний раз, Малыш нарисовал в своем альбоме его портрет и подписал под ним: «Дурак».

Дядя Юлиус случайно увидел этот портрет и сказал:

— Не очень-то хорошо получилась у тебя эта лошадь!

Но ведь дядя Юлиус вообще не считал, будто на свете хоть *что-то* есть хорошее. Нелегко было иметь такого гостя, это уж точно. И когда он наконец-то упаковывал свой чемодан и уезжал обратно к себе в Вестерйётланд, все в доме, как считал Малыш, внезапно расцветали и начинали напевать какую-нибудь коротенькую радостную мелодию. Все снова становились веселыми, хихикали и оживлялись, словно в доме произошло что-то по-настоящему веселое. А произошло всего-навсего то, что бедный дядя Юлиус отправился к себе домой.

Но теперь, как сообщалось в письме, он собирался приехать и остаться по крайней мере на две недели. И надеялся, что ему будет очень весело. А кроме того, по словам дяди Юлиуса, доктор велел ему пройти курс лечения и массаж, потому что по утрам у него все тело прямо немеет.

— Ну и ну, вот тебе и круиз! — сказала мама. — Малыш не желает ехать с нами, а дядя Юлиус — приезжает!

Но тут папа стукнул кулаком по столу и сказал, что он, со своей стороны, отправится в круиз и возьмет с собой маму, даже если для этого ему придется сначала похитить ее, как ребенка. А Малыш — как хочет; хочет — плывет с ними, хочет

— остается дома. Пожалуйста, пусть выбирает. А дядя Юлиус пусть приезжает и живет у них в квартире, и ходит к доктору сколько ему влезет, или же пусть сидит у себя дома в Вестерйётланде, если это ему больше по вкусу. Он же, папа, со своей стороны, намерен отправиться в круиз, даже если сюда явится целый десяток дядей Юлиусов.

— Ага! — сказала мама. — Тогда придется все это как следует обсудить.

А обдумав, сказала, что спросит ту самую фрёкен Бокк, которая помогала им по хозяйству, когда осенью мама болела, не согласится ли она приходить к ним и помогать немножко… двоим упрямым старым холостякам, а именно Малышу и дяде Юлиусу.

— А также третьему упрямому холостяку по имени Карлссон, который живет на крыше, — сказал папа. — Не забудь про Карлссона, потому что он будет болтаться тут и летать туда-сюда целыми днями!

Буссе от смеха чуть не рухнул со стула:

— Домокозлючка, дядя Юлиус и Карлссон, который живет на крыше! Ну и теплая компашка! Ах, как здесь будет уютно и приятно! Хозяйство — всех времен и народов!

— А посредине еще и Малыш! Не забывайте про

него, пожалуйста, — сказала Беттан.

Обняв Малыша, она поглядела ему в глаза.

— Подумать только, и есть же на свете такие типы, как мой братец! — сказала она. — Он предпочитает остаться здесь с Домокозлючкой и дядей Юлиусом, и с Карлссоном, который живет на крыше, вместо того чтобы отправиться в потрясающее путешествие с мамой и папой!

Малыш вырвался у нее из рук.

— Если уж у тебя есть самый лучший друг на свете, надо за ним присмотреть, — хмуро сказал он.

Не думайте, что он не понимал, каких усилий это ему будет стоить. Будет колоссально трудно — Карлссон, порхающий над головой дяди Юлиуса, и фрёкен Бокк. Да, тут в самом деле необходимо кому-нибудь остаться дома и решить все эти непростые вопросы.

— Понимаешь, Бимбо, это должен быть я, — сказал Малыш щенку, когда они уже легли спать и Бимбо шумно дышал в своей корзинке рядом с его кроватью.

Малыш протянул указательный палец и почесал Бимбо под ошейником.

— А сейчас нам лучше спать, — сказал он, — чтобы мы могли со всем справиться.

Но тут совершенно неожиданно послышалось жужжание моторчика и в окно влетел Карлссон.

— Ну и история! Чудеса, да и только! — сказал он. — Обо всем надо думать самому! Никто не поможет тебе вспомнить, если ты что-то забыл.

Малыш уселся на кровати:

— А что ты забыл?

— Что сегодня мой день рождения! Весь этот долгий день у меня был день рождения, а я даже не вспомнил об этом, так как никто не сказал мне хотя бы: «Имею честь поздравить…»

— Это еще что! — удивился Малыш. — Как может быть у тебя день рождения восьмого июня? Ведь у тебя был день рождения перед самой Пасхой!

— Да, так оно и было, — согласился Карлссон. — Но вовсе незачем носиться все время с одним и тем же днем рождения, когда есть столько разных дней на выбор. Восьмое июня прекрасный день для дня рождения, чем он тебе не нравится?

Малыш засмеялся:

— По мне, так пусть у тебя будет день рождения когда захочешь!

— Тогда, — сказал Карлссон, склонив просительно голову набок, — тогда я должен настоятельно потребовать мои подарки!

Малыш задумчиво вылез из кровати. Не легко было в такой спешке наскрести какие-нибудь подарки, которые понравились бы Карлссону, но надо было попытаться.

— Я загляну в свои ящики, — сказал он.

— Да, сделай это, — попросил Карлссон, принимая выжидательную позу.

Но тут взгляд его упал на цветочный горшок, куда он посадил персиковую косточку, и он тотчас набросился на него. Сунув указательный палец в землю, он быстро вытащил оттуда косточку.

— Мне надо посмотреть, насколько она уже проросла, — сказал он. — Ой, мне кажется, она проросла уже очень здорово.

Затем он так же быстро сунул косточку в землю и вытер свои испачканные землей руки о пижаму Малыша.

— Лет через десять-двадцать тебе будет прекрасно, — сказал он.

— Как так? — поинтересовался Малыш.

— Тогда ты сможешь лежать или спать в полдень в тени под персиковым деревом. Вот будет здорово, да? Кровать тебе все равно придется выбросить. Ведь никогда нельзя знать, какая мебель подходит к персиковому дереву… Ну как, нашел ты мне какой-нибудь подарок?

Малыш вытащил один из своих автомобильчиков, но Карлссон покачал головой — автомобильчик ему не понравился. Малыш перебрал по очереди свои игрушки, пытаясь подарить ему то конструктор, то пакетик с каменными шариками, но Карлссон всякий раз отрицательно качал головой. Тогда Малыш понял, что хотелось получить Карлссону, — револьвер! Он лежал в спичечном коробке, в самой глубине правого ящика письменного стола. Это был самый маленький игрушечный револьвер на свете. А также — самый-самый красивый. Папа привез его однажды Малышу, когда вернулся домой из заграничной поездки. Тогда Кристер и Гунилла долго-долго умирали от зависти, потому что такого револьверчика никто никогда не видел. Похож он был на настоящий револьвер, хотя и очень крохотный, а когда из него стреляли, то раздавался выстрел, точь-в-точь такой же громкий, как из настоящего.

— Непонятно, — говорил папа, — как он может так здорово греметь.

— Тебе надо быть с ним осторожней, — сказал он, вкладывая револьвер в руку Малыша, — не надо расхаживать по улицам, пугая насмерть прохожих.

По вполне понятной причине Малыш не стал показывать револьвер Карлссону. Правда, он и сам не думал, что это так уж хорошо с его стороны. Да, впрочем, это и оказалось совершенно бесполезным, потому что именно вчера Карлссон все равно нашел револьверчик, когда рылся в ящиках письменного стола Малыша.

Карлссону тоже показалось, что это очень красивый револьверчик.

«Может, поэтому, — решил Малыш, — он придумал себе сегодня день рождения».

И с легким вздохом вытащил коробок из ящика.

— Имею честь поздравить тебя с днем рождения, — сказал он.

Карлссон сначала взвыл от радости, потом, кинувшись на Малыша, стал яростно целовать его в обе щеки. А потом, открыв спичечный коробок, смеясь и кудахтая, вырвал оттуда револьверчик.

— Самый лучший на свете друг — это Малыш! — сказал он.

И тогда Малыш внезапно почувствовал такую радость и такое удовлетворение, словно ему самому подарили целую сотню револьверчиков. И он понял, что от всего сердца отдал Карлссону этот свой единственный маленький несчастный

револьверчик, который так явно нравился ему.

— Понимаешь, — сказал Карлссон, — мне он на самом деле необходим. Он необходим мне по вечерам.

— Для чего? — обеспокоенно удивился Малыш.

— А когда я лежу в постели и считаю овец.

Карлссон имел обыкновение жаловаться иногда Малышу на бессонницу.

— Ночью я сплю как убитый, — говорил он, — и до обеда тоже. А вот после обеда я только лежу и ворочаюсь, а порой не могу заснуть даже и по вечерам.

И тогда Малыш научил его одной хитрой уловке. Если не можешь заснуть, нужно только зажмурить глаза и вообразить, будто видишь целое стадо овец, перепрыгивающих через изгородь. Всех этих овец надо пересчитать по очереди именно в тот момент, когда они прыгают. От этого начинает страшно клонить ко сну, и вдруг совершенно неожиданно засыпаешь.

— Понимаешь, я не мог заснуть сегодня вечером, — сказал Карлссон. — И тогда я стал, лежа, считать овец. А одна маленькая паршивая зловредная овечка не захотела прыгать, так она и не прыгнула, — сказал Карлссон.

Малыш засмеялся:

— А почему она не захотела прыгать?

— Потому что она — упрямая и с норовом, — объяснил Карлссон. — Она стояла у изгороди и не хотела прыгать. И я подумал, что если бы у меня был леворверчик, то я заставил бы ее прыгнуть! Тогда я вспомнил, что у тебя, Малыш, есть леворверчик в ящике письменного стола, а еще что у меня день рождения, — заявил Карлссон и восторженно похлопал по револьверу.

Потом Карлссон решил пострелять, чтобы обновить подарок.

— Хочу повеселиться, буду я стрелять... а не то я не играю!

Но Малыш решительно ответил:

— Ни за что на свете! Ты переполошишь весь дом.

Карлссон пожал плечами:

— А что тут такого? Дело житейское... Они могут снова заснуть, а если у них нет овец и нечего считать, то они могут одолжить моих.

И все-таки Малыш ни за что не позволил ему стрелять, и тут Карлссону пришла в голову идея.

— Полетим ко мне на крышу, — сказал он. — Между прочим, должен же я устроить праздник в честь своего дня рождения. Нет ли у тебя какого-нибудь торта?

Пришлось Малышу признаться, что торта в доме нет, а когда Карлссон стал ворчать, он объяснил, что это дело житейское.

— Торт делом житейским никак не назовешь, — строго сказал Карлссон. — Придется обойтись булочками. Иди-ка и притащи все, что только есть в доме!

И Малыш, шмыгнув на кухню, вернулся с солидным запасом булочек. Ведь мама разрешила угощать Карлссона булочками, если это понадобится. А теперь был как раз такой случай. Но летать с Карлссоном на крышу мама никогда ему не разрешала. Малыш как-то об этом забыл, и очень удивился бы, если бы кто-нибудь ему об этом напомнил. Малыш так привык летать с Карлссоном, он чувствовал себя в это время так спокойно и уверенно, что даже холодка в животе не ощущал, когда, обхватив руками Карлссона, вылетал из окна и, паря в воздухе, сопровождаемый жужжанием моторчика, возносился ввысь к маленькому домику на крыше.

Июньские вечера в Стокгольме не похожи ни на какие другие на свете. Нигде небо не светится таким редкостным светом, нигде нет таких сладостных, таких колдовских, таких синевато-прозрачных сумерек. И под сенью этих

синеватых сумерек покоится на блеклых водах город, который словно выплыл из какого-то древнего предания и кажется неправдоподобно волшебным.

Такие вечера словно созданы для пира с булочками на крылечке у Карлссона. Малыш большей частью не замечал ни света, струившегося с неба, ни каких-то там колдовских сумерек, а Карлссону просто было на них наплевать. Но когда они сидели вместе на крылечке, пили сок и ели булочки, то Малыш, по крайней мере, чувствовал, что этот вечер не похож на другие вечера. Карлссон же чувствовал только, что мамины булочки не похожи ни на какие другие.

«Маленький домик Карлссона не похож ни на какой другой домик, — думал Малыш. — Нигде, верно, нет такого удобного домика, так прекрасно расположенного, откуда открывался бы такой изумительный вид. И нигде нет столько разных штучек-дрючек и столько вещей, собранных в одной комнатушке».

Карлссон, как белка, набивал свое жилище доверху. Малыш не знал, где он все это берет, но в домике у него постоянно появлялись все новые вещи. Большую их часть Карлссон развешивал на стенах, чтобы, когда они понадобятся, легче

было бы до них добраться.

— Штучки должны находиться слева, а дрючки — справа, — объяснял Малышу Карлссон.

Рядом со всеми штучками-дрючками висели две красивые картины, которые любил рассматривать Малыш. Карлссон сам нарисовал их. На одной из них был изображен петух, и она называлась «Портрет очень одинокого красного петуха». На другой была изображена лиса, и картина называлась «Портрет моих кроликов».

Кроликов, ясное дело, там не было, но дело в том, что они, как объяснял Карлссон, были в брюхе у лисицы.

— Когда у меня будет время, я нарисую еще «Портрет зловредной маленькой овечки, которая не желает прыгать через изгородь», — заверил Малыша Карлссон.

Его рот был набит булочками.

Но Малыш почти не слышал Карлссона, все звуки и ароматы этого летнего вечера переполнили его душу до краев, так что у него чуть не закружилась голова. Он ощущал запахи цветущих на Улице лип, он слышал далеко внизу стук каблуков по камням мостовой. Люди вышли из своих домов и прогуливались в этот прекрасный июньский вечер. И Малышу казалось, что стук

этот звучит тоже как-то по-летнему. Из окружающих домов доносились голоса, ведь вечер был так тих и все было так явственно слышно. Люди болтали, и пели, и ругались, и кричали, и смеялись, и плакали, не зная, что наверху на крыше сидел мальчик и прислушивался ко всему почти как к чудесным звукам музыки.

«Нет, никто из них не знает, что я сижу здесь с Карлссоном и ем булочки; что мне так хорошо», — удовлетворенно думал Малыш. Из мансарды неподалеку от домика Карлссона донеслись какие-то ужасающие рев, вой и хохот.

— Слышишь? Это мои хулиганские мошенники, — сказал Карлссон.

— Какие еще… а, ты имеешь в виду Филле и Рулле? — поинтересовался Малыш.

— Да, других хулиганов я вроде бы не знаю, — ответил Карлссон.

Малыш тоже знал Филле и Рулле. Это были самые отпетые негодяи во всем Васастане, да к тому же еще вороватые, как сороки. Потому-то Карлссон и называл их хулиганскими мошенниками. Как-то раз год назад они вторглись в квартиру Свантессонов, чтобы совершить там кражу. Но тогда Карлссон, игравший в привидение, испугал их так, что они наверняка помнили

об этом. Даже серебряной ложечки не удалось им стибрить тогда. Когда же Карлссон услыхал на этот раз, как горланят Филле и Рулле в своей мансарде, он поднялся и счистил с себя крошки от булочек.

— Думается, неплохо попугать их иногда, — сказал Карлссон, — не то они только и делают, что шляются и тибрят чужие вещи.

И он припустил бегом по крышам домов к мансарде. Малыш никогда не видел никого, кто бы бегал так быстро на таких коротеньких пухлых ножках. Кому угодно было бы трудно угнаться за Карлссоном, а Малыш ведь не очень-то привык бегать по крышам, но он изо всех сил помчался за Карлссоном.

— Хулиганские мошенники — жуткие личности, — говорил Карлссон, пока они бежали по крыше. — Стоит мне что-нибудь своровать, как я тут же плачу за это пять эре, потому что я — самый честный на свете. Но теперь мои пятиэровики скоро кончатся, и я даже не представляю себе, где взять еще…

Окно у Филле и Рулле было открыто, занавески задернуты, но оттуда было слышно, как они хохочут и орут во все горло.

— А теперь посмотрим, с чего они так развесе-

лились, — сказал Карлссон и слегка раздвинул занавески, чтобы заглянуть в комнату через образовавшуюся маленькую щелочку между занавесками.

Малышу тоже позволили туда заглянуть, и он увидел в грязной комнате Филле и Рулле. Они лежали на животе, на полу, перед ними была разостлана газета, и они читали там что-то, невероятно развеселившее их.

— Десять тысяч, чистоганом! — орал Рулле.

— И он летает здесь по всему Васастану, ну и ну, поцелуй в четверг меня!.. — заорал Филле. Он буквально трясся от смеха.

— Эй ты, Филле, — сказал Рулле, — а я знаю кое-кого, кто собирается заработать десять тысяч крон, и притом довольно скоро, ха-ха-ха!

— Эй ты, Рулле, — сказал Филле, — я тоже знаю одного типа, который собирается поймать маленького ужасного шпиона, ха-ха-ха!

Услыхав их слова, Малыш побледнел от испуга, а Карлссон только хихикнул.

— А я знаю одного такого, кто собирается немного пофилюрить именно сейчас, — сказал он и выстрелил из револьверчика. Эхо от выстрела разнеслось по крышам, а Карлссон закричал:

— Откройте, полиция!

Рулле и Филле вскочили с пола, словно им подпалили брюки.

— Булле, реги! — закричал Филле.

Он хотел крикнуть: «Рулле, беги!», но когда Филле пугался, он всегда переставлял буквы.

— Шыстро в бкаф! — заорал он, прячась вместе с Рулле в шкафу.

Они громко захлопнули за собой дверцы и больше не высовывались. Но слышно было, как Филле робко кричал оттуда:

— Меня просили передать, что Рилле и Фулле нет дома, да, их нет, они не дома, они ушли!

После того как Карлссон и Малыш вернулись обратно на крылечко, Малыш долго сидел, повесив голову. Ему было совсем не весело; он понимал, какое тяжелое время ему предстоит. Ведь ему надо охранять Карлссона, который так неосторожен; к тому же совсем близко от него, за углом, живут такие типы, как Рулле и Филле. А тут еще фрёкен Бокк и дядя Юлиус… ой, он же совсем забыл рассказать об этом Карлссону!

— Послушай-ка, Карлссон! — начал было Малыш. Но Карлссон его не слушал. Он снова решил попировать и принялся за булочку. В эту самую минуту он как раз хлебал сок из маленькой голубой кружечки, которая некогда принадлежала

Малышу, но Малыш подарил ее Карлссону на его предыдущий день рождения три месяца тому назад. Он крепко держал кружечку обеими руками, как делают маленькие дети, но неожиданно все-таки уронил ее, точно так же, как это делают маленькие дети.

— Ой! — воскликнул Малыш, потому что это была маленькая хорошенькая голубая кружечка, которую вовсе незачем было разбивать.

Да она и не разбилась. Как раз когда кружечка пролетала мимо ног Карлссона, он ловко поймал ее, зажав большими пальцами ног. Дело в том, что башмаки он снял и его большие пальцы торчали из драных носков в красную полоску, словно две маленькие черные колбаски.

— Отгадай, у кого самые лучшие на свете большие пальцы ног? — спросил Карлссон.

Любовным взглядом окинув маленькие черные колбаски, он долго забавлялся тем, что попеременно то высовывал их из дыр носков, то прятал, все время сгибая и разгибая пальцы.

— Послушай-ка, Карлссон, — снова попытался было заговорить с ним Малыш, но Карлссон перебил его.

— Вот ты умеешь считать, — сказал он. — Как, по-твоему, если я стою десять тысяч крон, то

сколько пятиэровых монеток могу я получить только за свои большие пальцы?

Малыш рассмеялся:

— Не знаю. Ты что, собираешься их продать?

— Да, — сказал Карлссон. — Тебе. Ты получишь их совсем задаром, поскольку они уже немного ношенные. И… — задумчиво продолжал он, — как будто чуточку грязные.

— Ты в своем уме? — удивился Малыш. — Ведь ты не сможешь обойтись без больших пальцев!

— А разве я это говорил? Они по-прежнему останутся у меня, но в любом случае будут считаться твоими. Я просто одолжу их у тебя.

Положив ноги на колени Малышу, чтобы Малыш понял: большие пальцы его ног — все равно что уже собственность Малыша, он стал его уговаривать:

— Подумай только, всякий раз, когда ты их увидишь, ты сможешь сказать: «Эти маленькие хорошенькие большие пальцы — мои». Разве это не здорово?

Но Малыш не желал заключать никаких торговых сделок, не желал покупать большие пальцы Карлссона. Но все-таки пообещал дать Карлссону пятиэровики, все, которые только были в его копилке. И наконец сказал то, что уже давно

собирался ему сказать:

— Послушай-ка, Карлссон, отгадай, кто будет присматривать за мной, пока мама и папа путешествуют?

— Думаю, самый лучший на свете при-сматривальщик за детьми, — ответил Карлссон.

— Ты имеешь в виду себя? — спросил Малыш, хотя очень хорошо понимал, что именно это и имел в виду Карлссон.

И Карлссон кивнул в знак согласия.

— Да, и если ты назовешь мне еще лучшего присматри-вальщика, чем я, получишь пять эре.

— Фрёкен Бокк, — сказал Малыш.

Он боялся, что Карлссон рассердится! Ведь мама пригласила к ним фрёкен Бокк, в то время как самый лучший на свете при-сматри-вальщик за детьми жил совсем рядом на крыше! Но, как ни странно, вместо этого Карлссон очень оживился, пришел почти что в восторг.

— Ха-ха! — только и сказал он. — Ха-ха!

— Что ты хочешь сказать этим: «Ха-ха! Ха-ха!»? — обеспокоенно поинтересовался Малыш.

— Когда я говорю: «Ха-ха!» — я и хочу сказать: «Ха-ха!» — заверил его Карлссон, глядя на Малыша сверкающими глазами.

— А еще приезжает дядя Юлиус, — сообщил

Малыш. — Ему надо к доктору и пройти курс лечения, потому что у него по утрам немеет все тело.

И он рассказал Карлссону, какой тяжелый человек дядя Юлиус и что он проживет в их квартире все время, пока мама и папа путешествуют на белом пароходе, а Буссе и Беттан разъедутся в разные стороны.

— Не знаю, что и будет, — со страхом сказал Малыш.

— Ха! — воскликнул Карлссон. — Они проведут две недели, которые никогда не забудут.

— Ты о папе с мамой или о Буссе с Беттан? — спросил Малыш.

— Я о Домокозлючке и о дяде Юлиусе, — сказал Карлссон.

Тут Малышу стало еще страшнее. Но Карлссон ободряюще похлопал его по щеке:

— Без паники! Только без паники! Будем играть с ними в разные веселые игры, потому что мы самые веселые на свете… по крайней мере я.

И тут он пальнул из револьверчика под самым носом у Малыша так, что Малыш высоко подскочил от испуга.

— И бедному дяде Юлиусу вовсе не понадобится ходить к доктору и принимать курс лечения, — сказал Карлссон. — Я это дело улажу.

— А как? — с любопытством спросил Малыш. — Откуда ты знаешь, какой курс лечения нужен, когда немеет тело?

— Это я-то не знаю? — возмутился Карлссон. — Обещаю тебе, что дядя Юлиус станет у меня быстрым и подвижным, как ветер… для этого есть три способа.

— Какие еще способы? — подозрительно спросил Малыш.

— Ретировать, фигурить и филюрить, — ответил Карлссон, — другого лечения не потребуется.

Малыш беспокойно огляделся вокруг, потому что во всех домах люди начали высовывать головы из окон, чтобы посмотреть, кто это стрелял. А кроме того, он заметил, что Карлссон перезаряжает револьвер.

— Не надо, Карлссон, — сказал Малыш, — не надо, Карлссон, не стреляй!

— Без паники! Только без паники! — ответил Карлссон. — Вот я сижу здесь и думаю об одном важном деле. Как по-твоему, а у Домокозлючки не может также неметь тело?

Не успел Малыш ответить, как Карлссон торжествующе поднял револьверчик и выстрелил. И раздался такой шум и грохот, что над крышами прокатилось эхо. Из окрестных домов послыша-

лись голоса, испуганные и сердитые, и кто-то закричал, что надо вызвать полицию и устроить облаву. Тут Малыш совсем потерял голову от страха. А Карлссон спокойно сидел и жевал последнюю булочку.

— Чего это они так расшумелись? — спросил он. — Разве они не знают, что у меня день рождения?

Он проглотил булочку. И затянул, довольный, песенку, очень славную песенку, которая так красиво прозвучала летним вечером:

Буду веселиться я с раннего утра,
буссе-биссе-бассе-биссе-бум-фаллера.
От моих проказ пойдет по дому шум,
буссе-биссе-бассе-биссе-бум.
Хейсан-хоппсан, хейсан-хоппсан, весело жить,
все вокруг должны меня любить.
Весело живу я, ой-ой-ой,
ты со мною вместе песню пой:
буссе-биссе-бассе-бой.

КАРЛССОН — ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

Мама и папа отправились в круиз вечером, когда проливной дождь барабанил по стеклам и шумел в водосточных трубах. За десять минут до их отъезда, ни на минуту раньше, в дверь ворвалась фрёкен Бокк, мокрая, как утонувшая кошка, и злая, как старая морская разбойница.

— Наконец-то, — сказала мама, — наконец-то!

Она ждала ее целый день и уже начала нервничать, но фрёкен Бокк этого не поняла и только угрюмо сказала:

— Я не могла прийти раньше, и все из-за Фриды.

Маме надо было столько всего рассказать фрёкен Бокк. Но времени не было; такси уже ждало на улице.

— Самое главное — наш маленький мальчик, — со слезами на глазах сказала мама, — о, с ним ничего не должно случиться, пока нас нет.

— Там, где я, — ничего не случается, — заверила ее фрёкен Бокк.

Папа сказал, что он это сразу понял и уверен, что все будет хорошо. А потом они — и папа, и мама обняли на прощание Малыша, быстро вы-

шли из квартиры и сели в лифт, а Малыш остался с глазу на глаз с фрёкен Бокк.

Она сидела за кухонным столом, огромная, грузная, злая, и приглаживала мокрые волосы своими огромными, тяжелыми ручищами. Малыш робко поглядывал на нее, чуть улыбаясь, чтобы выказать свое дружеское расположение. Он вспомнил, как она впервые появилась у них в доме, как он тогда ее боялся и как она сначала ему не понравилась. Но теперь все было иначе, теперь казалось почти прекрасным, что она сидела у них на кухне. И даже если будет нелегко находиться в одном доме и с ней и с Карлссоном, все же Малыш был благодарен фрёкен Бокк за то, что она пришла. Ведь иначе мама никогда не позволила бы ему остаться дома и охранять Карлссона, это точно! Поэтому Малыш уже с самого начала хотел выказать дружелюбие фрёкен Бокк и вежливо спросил ее:

— А как поживает Фрида?

Фрёкен Бокк только фыркнула в ответ. Фрида была сестрой фрёкен Бокк. Малыш никогда не встречал ее, он только слышал о ней. Он очень много слышал о ней. От фрёкен Бокк. Фрёкен Бокк жила вместе с Фридой в квартире на улице Фрейгатан, но, казалось, веселья там особого не

было. Малыш понимал, что фрёкен Бокк ревниво относилась к своей сестре-воображале, считая, что та немного не в себе, словом, чокнутая. Это началось с того, что Фриде удалось выступить в телевизионной программе, посвященной привидениям, что ужасно рассердило фрёкен Бокк. Разумеется, ей и самой удалось потом в другой телевизионной программе продемонстрировать всему шведскому народу, как она готовит «вкусную мешанину фрёкен Хильдур Бокк». Но этого было явно недостаточно, чтобы переплюнуть и унизить Фриду. Быть может, она по-прежнему была малость чокнутая и слишком воображала о себе, поскольку фрёкен Бокк только фыркнула, когда Малыш спросил:

— А как поживает Фрида?

— Да, спасибо, полагаю, она поживает хорошо, — сказала фрёкен Бокк, фыркнув в очередной раз. — Завела себе женишка, несчастная!

Малыш не знал, что ответить на ее слова, но что-то нужно было произнести, чтобы выказать вежливость.

— А у вас, фрёкен Бокк, нет женишка? — спросил он.

Этого ему явно не следовало говорить, потому что фрёкен Бокк порывисто поднялась и так энер-

гично принялась за мытье посуды, что посуда задребезжала.

— Слава Богу, нет! — сказала она. — Да мне никого и не надо. Не все же такие взбалмошные, как Фрида.

Она с минуту молчала и с таким усердием продолжала мыть посуду, что брызги пены летели во все стороны. Но затем она явно о чем-то подумала и беспокойно обернулась к Малышу:

— Послушай-ка, а этот маленький противный толстый мальчишка, с которым ты раньше играл, он, надеюсь, больше сюда не ходит!

Фрёкен Бокк никогда не понимала, что Карлссон, который живет на крыше, — красивый, чертовски умный и в меру упитанный мужчина в цвете лет. Она-то считала, что он — один из ровесников Малыша, его школьный товарищ и совершенно обыкновенный сорванец. Она как-то не задумывалась над тем, что этот сорванец умеет летать. Она считала, что такой моторчик, как у него, можно купить в любом игрушечном магазине, если есть деньги, и возмущалась лишь тем, как нынче балуют детей дорогими игрушками. «Скоро, верно, они на Луну полетят еще до того, как пойдут в школу», — говорила она. А теперь обозвала Карлссона: «Этот маленький против-

ный толстый мальчишка!..» Малышу показалось, что это было не слишком хорошо с ее стороны.

— Карлссон — вовсе не маленький против... — начал было он, но тут как раз кто-то позвонил в дверь.

— Ой, неужели дядя Юлиус приехал! — закричал Малыш и побежал открывать дверь.

Но это был не дядя Юлиус, это был Карлссон. Промокший до нитки Карлссон, стоявший на лестничной площадке в маленькой лужице дождевой воды. Он укоризненно смотрел на Малыша.

— Сколько можно летать под дождем и ругаться; а все потому, что ты не удосужился оставить свое окно открытым, — удивлялся он.

— Да, но ты ведь сказал, что идешь спать, — оправдывался Малыш, потому что Карлссон и в самом деле так говорил. — Я и не думал, что ты появишься уже сегодня вечером.

— Ты бы мог все же надеяться на это, — сказал Карлссон. — Ты бы мог подумать: «А может, он все же появится, мой маленький Карлссон! О, как нам будет весело, да, *может*, он прилетит, ведь он наверняка захочет встретиться с Домокозлючкой!» Мог бы, мог бы подумать об этом!

— А ты в самом деле этого хочешь? — встрево-

женно спросил Малыш.

— Ха-ха! — сверкая глазами, ответил Карлссон. — Ха-ха, а ты как думаешь?

Малыш, конечно, понимал, что ему не удастся до бесконечности удерживать Карлссона вдали от фрёкен Бокк, но он не был готов к тому, что это постигнет их в первый же вечер. Он понимал, что ему надо поговорить с Карлссоном, но Карлссон, быстрый, словно охотничий пес, уже мчался по дороге на кухню. Малыш кинулся следом и схватил его за руку.

— Послушай меня, Карлссон, — как можно убедительней сказал он, — она думает, что ты — один из моих школьных товарищей, и, по-моему, пусть так и дальше думает.

Карлссон остановился. И вдруг в нем что-то заклокотало, как всегда, когда он от чего-либо приходил в восторг.

— Она в самом деле думает, что я хожу в школу? — ликующе спросил он.

И еще быстрее помчался на кухню. Фрёкен Бокк услыхала топот его ног. Она-то ждала дядю Юлиуса и была удивлена тем, что старый человек может мчаться с такой быстротой. С нетерпеливым ожиданием смотрела она на дверь, желая поскорее увидеть этого скорохода, но когда дверь

отворилась и в кухню ворвался Карлссон, она чуть не задохнулась, словно внезапно увидела змея. Змея, которого абсолютно не желала видеть у себя на кухне.

Хотя Карлссону совершенно непонятны были ее чувства. В несколько прыжков он оказался возле нее и внимательно уставился на ее недоброжелательное лицо.

— А как по-твоему, кто первый ученик в классе? — спросил он. — Отгадай, кто лучше всех считает, пишет и читает и во… во всем?..

— Когда входишь куда-нибудь, надо здороваться, — сказала фрёкен Бокк. — И меня совершенно не интересует, кто первый ученик в классе. Во всяком случае — не ты, это уж точно!

— Так представь себе, что я! — возмутился Карлссон, но потом немного стушевался и призадумался.

— По крайней мере, я лучше всех умею считать, — после глубокого раздумья мрачно сказал он. — А потом, пожав плечами, добавил: — Ну да ладно, это дело житейское!

И начал весело прыгать по всей кухне. Он кружил вокруг фрёкен Бокк и неожиданно вдруг запел веселую и хорошо известную песенку:

— *Буду веселиться я с раннего утра…*

— Нет, Карлссон, — быстро сказал Малыш, — нет и нет!

Но это не помогло.

— *…Буссе-биссе-бассе-биссе-бум-фаллера,* — пел Карлссон. — *От моих проказ пойдет по дому шум…*

И когда он добрался до слова «шум», внезапно грянул выстрел, а за ним — истошный крик. Выстрел прозвучал из револьверчика Карлссона, а крик — из горла фрёкен Бокк. Малыш сначала думал, что она упадет в обморок, потому что она в изнеможении опустилась на стул и молча сидела с закрытыми глазами. Но когда Карлссон снова продолжил свое «*буссе-биссе-бассе-биссе-бум-фаллера*», она открыла глаза и злобно сказала:

— Я тебе сейчас таких «буссе» и «бассе» надаю, негодный мальчишка, что ты на всю жизнь запомнишь. Попробуй выстрелить еще хоть раз!

Карлссон ни слова ей не ответил. Он только сунул свой пухлый указательный палец под подбородок фрёкен Бокк и показал на красивую брошь на ее платье.

— Красивая штуковина, — сказал он. — Где ты ее стибрила?

— Ты что, Карлссон, — испуганно сказал Малыш, потому что увидел, в какую ярость пришла

фрёкен Бокк.

— Это… это… бессовестнее этого я ничего не видела, — запинаясь, сказала она, с трудом произнося нужные слова, а потом вдруг закричала: — Вон отсюда! Вон, кому говорю!

Карлссон удивленно посмотрел на нее.

— Успокойся! Не принимай все так близко к сердцу, — сказал он. — Я ведь просто так спрашиваю. А когда спрашивают вежливо, значит, следует получить и вежливый ответ. Так я считаю.

— Вон! — орала фрёкен Бокк.

— А вообще-то, — продолжал Карлссон, — я хотел бы услышать ответ еще на один вопрос. Не немеет ли у тебя хоть немножко все тело по утрам? И если это так, то в какое время тебе хотелось бы, чтоб я начал фигурить?

Фрёкен Бокк диким взглядом обшарила кухню в поисках какого-нибудь приспособления, которое помогло бы ей выставить Карлссона из кухни. А Карлссон услужливо подбежал к шкафу, где хранились все принадлежности для уборки, и вытащил оттуда выбивалку для ковров, которую тут же сунул ей в руку.

— Ха-ха! — закричал он. И бросился стремглав по всей кухне. — Ха-ха, опять все начинается

сначала!

Тогда фрёкен Бокк швырнула выбивалку на пол. Она вспомнила, каково ей было в прошлый раз гоняться за Карлссоном с выбивалкой в руках, и ей не хотелось повторять это еще раз.

Малыш не думал, что начало было хорошим, и, любопытствуя, сам себе задавал вопрос, до каких пор фрёкен Бокк, не обезумев окончательно, сможет видеть, как Карлссон носится по кухне и орет: «Ха-ха!» «Не так уж долго», — думал Малыш. Необходимо было как можно быстрее выставить отсюда Карлссона. И когда Карлссон, делая одиннадцатый круг по кухне, промчался мимо, Малыш схватил его за шиворот.

— Карлссон, — попросил он, — прошу тебя, пойдем лучше в мою комнату!

И Карлссон нехотя последовал за ним.

— Ведь это же глупо — кончить фигурить, когда я только-только начал приободрять фрёкен Бокк, — говорил он. — Еще немножко, и у нее бы поднялось настроение, она стала бы веселой и игривой, как морская львица, это уж точно.

Перейдя к окну, он стал, как всегда, выковыривать персиковую косточку из цветочного горшка, чтобы посмотреть, насколько она проросла. Малыш тоже подошел, чтобы взглянуть на косточку.

Стоя рядом с Карлссоном, он обнял его рукой за плечи и почувствовал, какой Карлссон мокрый, бедняга! Ему, должно быть, пришлось долго летать под дождем.

— Тебе не холодно, ведь ты весь мокрый? — спросил Малыш.

Похоже, Карлссон этого раньше не замечал, но тут он внезапно почувствовал, как замерз.

— Да, ясное дело, холодно, — ответил он. — Но кого это интересует? Может, есть на свете хоть один человек, который расстроится, если его лучший друг явится к нему промокший до нитки и трясущийся от холода. Может, этот человек позаботится, чтобы его друг разделся, и сам повесит сушить его комбинезончик, и наденет на него мягкий, красивый махровый халат, а потом пойдет на кухню и сварит ему немного горячего какао и даст целую гору булочек. Он уложит своего друга в кровать и споет ему красивую-красивую грустную песенку, так чтобы он тихонько заснул. Разве он сделает это?

Карлссон укоризненно посмотрел на Малыша.

— Конечно, сделает, — сказал Малыш.

Его голос дрожал, словно он вот-вот расплачется.

И Малыш поторопился сделать все то, что, как

считал Карлссон, нужно было сделать для самого лучшего своего друга. Самое трудное было заставить фрёкен Бокк дать горячее какао и булочки для Карлссона. Но у нее не было ни времени, ни сил на дальнейшее сопротивление, так как именно в этот момент она жарила цыпленка для дяди Юлиуса, которого ожидали с минуты на минуту.

— Можешь сам сварить какао, если хочешь, — сказала она.

Малыш так и сделал. А потом Карлссон — кругленький и румяный — сидел в кровати Малыша, облаченный в его белый купальный халат, пил какао и уплетал булочки. А в ванной комнате сушилась его рубашка и комбинезончик, его белье, башмаки и носки.

— Ну, грустную песенку петь не надо, — разрешил Карлссон. — Зато ты можешь начать приставать ко мне, умоляя, чтоб я остался у тебя ночевать.

— А тебе хочется этого? — спросил Малыш.

В эту минуту Карлссон как раз запихнул себе в рот целую булочку. Поэтому ответить он не мог, но зато усердно закивал головой. Бимбо залаял. Ему казалось, что Карлссону нельзя спать в кровати Малыша. Но Малыш взял Бимбо на руки и шепнул ему на ухо:

— Понимаешь, я могу спать на диване, а твою корзинку мы сейчас же перенесем туда.

Фрёкен Бокк гремела на кухне посудой, и когда Карлссон услышал это, он возмущенно сказал:

— Она не поверила, что я — первый ученик в классе!

— Пожалуй, ничего удивительного в этом нет, — сказал Малыш.

Он прекрасно знал, что Карлссон не очень-то силен и в чтении, и в письме, и в арифметике. Хуже всего в арифметике, хотя фрёкен Бокк Малыш сказал совсем-совсем другое.

— Тебе надо упражняться в счете. Может, хочешь, чтоб я подучил тебя немного сложению?

Тут Карлссон фыркнул так, что брызги горячего какао разлетелись по всей комнате.

— А хочешь, я подучу тебя немного стыду-совести! — сказал он. — Уж не думаешь ли ты, что я не знаю слаже… ну, то, что ты сказал?

Но времени для занятий устным счетом у них все равно не оказалось, потому что тут как раз раздался громкий звонок у входных дверей. Малыш понял, что на сей раз это дядя Юлиус, и кинулся открывать дверь. Он предпочел бы встретить дядю Юлиуса один, и думал, что Карлссон останется лежать в кровати. Зато Карлссон вовсе

так не думал. Он помчался за Малышом, а полы купального халата били его по ногам.

Малыш широко распахнул дверь и на лестничной площадке в самом деле увидел дядю Юлиуса. В руках тот держал чемодан и саквояж.

— Добро пожаловать, дядя Ю… — начал было Малыш.

Но не успел больше вымолвить ни слова. Потому что в эту минуту послышался ужасающий выстрел, и дядя Юлиус тут же рухнул на пол без чувств.

— Ты что, Карлссон! — в отчаянии закричал Малыш.

О, как он раскаивался в том, что подарил Карлссону этот револьвер.

— Как нам теперь быть? Зачем ты это сделал?

— Это был *салют!* — оправдывался Карлссон. — Да, салют, который дают в честь важных гостей и чиновников высокого ранга.

Малыш стоял у дверей — такой несчастный, что чуть не плакал. Бимбо безумно лаял, а фрёкен Бокк, также услыхавшая выстрел, прибежала, запыхавшись, и начала размахивать руками и охать над бедным дядей Юлиусом, лежавшим на коврике у дверей, словно срубленная сосна в лесу. Один Карлссон принимал все с невозмутимым

спокойствием.

— Без паники! Только без паники! — повторял он.

Схватив лейку, из которой мама Малыша поливала комнатные растения, он слегка, словно из душа, полил дядю Юлиуса. Это в самом деле помогло, и дядя Юлиус медленно открыл глаза.

— Все дождь и дождь, — пробормотал он. Но лишь увидев вокруг обеспокоенные лица, окончательно очнулся.

— Чт… чт… что случилось? — яростно взревел он.

— Был салют, — объяснил ему Карлссон, — хотя кое-кто его не сумел оценить и рухнул на пол.

Но теперь уже заботу о дяде Юлиусе взяла на себя фрёкен Бокк. Она вытерла его полотенцем и отвела в спальню, где ему предстояло на время поселиться. Слышно было, как она объясняла ему, что этот маленький, мерзкий, толстый мальчишка один из школьных товарищей Малыша, которого необходимо выгонять всякий раз, как только он появляется.

— Слышишь? Вот тебе! — сказал Малыш Карлссону. — Обещай, что никогда больше не будешь давать салют!

— Пожалуйста! — угрюмо ответил Карлссон. —

Приходишь тут, пытаешься устроить маленький уютный праздник для гостей, но разве кто-нибудь бросается к тебе, и целует в обе щеки, и кричит, что ты самый лучший шутильщик *на свете*, ха-ха! Нахалы вы все и бездушные куклы — вот вы кто! Вся ваша бражка!

Малыш не слушал его. Он стоял, внимая жалобам дяди Юлиуса, доносившимся из спальни. И тюфяк слишком жесткий, говорил дядя Юлиус, и кровать слишком коротка, и одеяла слишком тонкие. Да, сразу было видно, что к ним приехал дядя Юлиус.

— Он вечно всем недоволен, — сказал Малыш Карлссону. — Мне кажется, он доволен только самим собой.

— От этого я его быстренько отучу, если ты меня хорошенько попросишь, — обещал Карлссон.

Но Малыш лишь хорошенько попросил Карлссона, чтобы он, пожалуйста, не делал этого.

КАРЛССОН НОЧУЕТ У МАЛЫША

Через час дядя Юлиус сидел уже за столом и ел цыпленка, а фрёкен Бокк, и Малыш, и Карлссон, и Бимбо стояли рядом и смотрели. «Ну прямо как король!» — думал Малыш. Потому что фрёкен в школе рассказывала, что у королей в старину во время трапезы придворные всегда стояли за спиной и смотрели, как они едят.

Дядя Юлиус был толстый, необычайно высокомерный и самодовольный, но Малыш вспомнил, что примерно такими же бывали в старину и короли.

— Убери собаку! — велел дядя Юлиус. — Ты хорошо знаешь, Малыш, что я не терплю собак.

— Но Бимбо ведь ничего плохого не делает, — возразил ему Малыш. — Он такой тихий и добрый.

Тогда на лице дяди Юлиуса появилось шутливое выражение, которое он всегда напускал на себя, когда хотел сказать какую-нибудь гадость.

— Вот как, значит, в нынешние времена такие пошли порядки. Маленькие мальчики возражают взрослым, когда им дают какое-нибудь распоряжение, вот как, значит, такие теперь

пошли порядки… не могу сказать, что мне это по душе.

До сих пор Карлссон только и делал, что смотрел на цыпленка, но тут он задумчиво посмотрел на дядю Юлиуса. Он долго стоял, глядя на него.

— Дядя Юлиус, — в конце концов сказал он. — Тебе никто не говорил, что ты красивый, и весь такой умный, и в меру упитанный мужчина в цвете лет?

Такого роскошного комплимента дядя Юлиус, по-видимому, не ожидал. Он пришел в дикий восторг, что было заметно, хотя он и не желал в этом признаваться. Он лишь скромно хихикнул:

— Нет, никто мне об этом не говорил!

— Вот как, значит, никто не говорил? — удивился Карлссон. — Тогда с какой же стати тебе могла прийти в голову такая дурацкая идея?

— Карлссон, не надо, — с упреком сказал Малыш, потому что теперь он и в самом деле решил, что Карлссон ведет себя бессовестно.

Но тут Карлссон разозлился.

— «Карлссон, не надо! Карлссон, не надо! Карлссон, не надо!» — передразнил он Малыша. — И чего ты все время нудишь, ведь я же ничего плохого не сделал!

Дядя Юлиус строго посмотрел на Карлссона, но

потом, наверно, решил не обращать на него внимания. Он снова принялся за цыпленка, и фрёкен Бокк стала уговаривать его взять еще кусочек.

— Надеюсь, цыпленок вкусный! — сказала она.

Дядя Юлиус вонзил зубы в цыплячью ножку так, что она захрустела, а потом, по своему обыкновению, шутливо сказал:

— Да, спасибо! Хотя цыпленку этому наверняка года четыре-пять, не меньше, я чувствую это по зубам!

Фрёкен Бокк чуть не задохнулась от возмущения, и на лбу у нее тотчас же выступили сердитые морщинки.

— У цыпленка, верно, зубов вообще нет, — обрезала она. Тут дядя Юлиус еще более насмешливо сказал:

— Нет, но они есть у меня!

— Хотя ночью, как я слышал, их у тебя нет! — сказал Карлссон.

Малыш страшно покраснел, ведь это он сказал Карлссону, что дядя Юлиус, когда спит, держит свои вставные зубы в стаканчике с водой, рядом с кроватью. К счастью, в эту же минуту фрёкен Бокк заревела от обиды из-за того, что дядя Юлиус сказал, будто цыпленок жесткий. Единственное, что могло сломить ее, это нелестные замечания

по поводу того, как она готовит еду. И теперь она горько плакала.

Дядя Юлиус, верно, даже предположить не мог, что она примет это так близко к сердцу. Он быстро поблагодарил ее и, почти устыдившись своих слов, уселся в кресло-качалку, где мог спрятаться за газетой.

Карлссон рассерженно пялил на него глаза.

— Фу, какими злющими могут быть некоторые, — сказал он и, подбежав к фрёкен Бокк, стал утешать ее, похлопывая по рукам и по плечу.

— Ладно, ладно, золотко, — приговаривал он. — Жесткие цыплята — право же, дело житейское, и ты ведь не виновата, что никогда не умела готовить еду.

Тут фрёкен Бокк издала такой вопль, а Карлссону достался такой пинок, что он перелетел через всю комнату задом-наперед и приземлился на колени дяди Юлиуса, восседавшего в некотором отдалении в кресле-качалке.

— Ай, ай! — пронзительно заорал Карлссон, и прежде чем дядя Юлиус успел стряхнуть его на пол, он уютно примостился у него на коленях.

Спрятав ноги под купальный халат, Карлссон сделался маленьким и мягким, как котенок, а потом, удовлетворенно мурлыча, сказал:

— Давай поиграем: будто ты мой дедушка и рассказываешь мне сказки, но они не должны быть слишком страшными, потому что тогда я очень испугаюсь.

Дядя Юлиус совершенно не хотел быть дедушкой Карлссона, а кроме того, он нашел в газете что-то интересное. Столкнув Карлссона безо всяких церемоний с колен, он повернулся к фрёкен Бокк.

— Что я вижу в этой газете! — сказал он. — У вас водятся шпионы, которые летают по всему Васастану?

Малыш замер, услыхав эти слова. Вот тебе и раз! Надо же, чтобы в руки дяди Юлиуса попала именно эта несчастная газета, которая вышла в свет уже куда больше недели тому назад. Ведь ее давным-давно пора было выбросить. Но, к счастью, дядя Юлиус только насмехался над тем, что было написано в газетах.

— Они думают, что могут вбивать людям в головы какие угодно несуразицы, — сказал он. — И пишут также все, что взбредет им в голову, только чтобы покупали именно их газету. Шпион… какое идиотство! Фрёкен Бокк, а вам не довелось увидеть какого-нибудь шпиона или летающий бочонок в здешних краях?

Малыш чуть не задохнулся. «Расскажи она сейчас о том, что этот маленький противный мальчишка имеет иногда обыкновение летать, все будет кончено, — думал он, — потому что тогда, по крайней мере, дяде Юлиусу придется пораскинуть мозгами».

Но фрёкен Бокк, ясно, и в голову не могло прийти, что Карлссон и его полеты — не совсем обычны. А кроме того, она по-прежнему всхлипывала так, что слова вымолвить не могла.

— Шпион? Нет, про это я ничего не знаю, — всхлипывая, сказала она. — Это, поди, газетное вранье!

Малыш вздохнул с облегчением. Уговорить бы ему только Карлссона никогда, никогда, никогда не летать на глазах у дяди Юлиуса, все, может, и уладилось бы.

Малыш огляделся в поисках Карлссона, но тот не показывался. Карлссон исчез. Тут Малыш забеспокоился и хотел тотчас же начать его искать, но дядя Юлиус не отпускал его от себя. Несмотря на то что уже наступили летние каникулы, ему позарез надо было узнать, как у Малыша идут дела в школе, и проверить, хорошо ли он умеет считать. Но в конце концов Малыш все же вырвался из плена дяди Юлиуса и побежал в свою

комнату посмотреть, нет ли там Карлссона.

— Карлссон! — закричал он, едва переступив порог. — Карлссон, где ты?

— В твоих пижамных брюках, — ответил Карлссон. — Если только можно назвать эти две жалкие узкие трубочки пижамными брюками!

Сидя на краю кровати, он пытался втиснуться в штаны, но, как ни надрывался, его сил на это не хватало.

— Сейчас принесу пижаму Буссе, — пообещал Малыш и, помчавшись в комнату Буссе, принес оттуда пижаму в синюю полоску, которая кое-как подходила в меру упитанному мужчине типа Карлссона.

Штанины и рукава, само собой, были чрезмерно длинны, но Карлссон быстро их приспособил, отрезав лишнюю длину. Малыш заметил это, когда было уже слишком поздно, и, можно сказать, не обратил на это внимания, пижамы ведь — дело житейское! Даже это не омрачило радость удивительного события — Карлссон будет у него ночевать!

Малыш постелил себе на диване, взяв простыню, одеяло и подушку с кровати Буссе, и поставил корзинку Бимбо рядом. Бимбо уже лежал там, пытаясь заснуть, но время от времени открывал

один глаз и подозрительно смотрел на Карлссона.

Карлссон ворочался с боку на бок в постели Малыша, пытаясь устроиться поудобней.

— Мне хочется спать словно в теплом уютном гнездышке, — сказал он.

«Он и в самом деле славно выглядит в синей полосатой пижаме Буссе», — подумал Малыш. И еще он подумал, что если он, Малыш, хорошенько подоткнет ему одеяло, то Карлссон будет спать словно в теплом, уютном гнездышке.

Но Карлссон не пожелал, чтобы Малыш подтыкал ему одеяло.

— Нет, еще рано, — сказал он. — Когда у кого-нибудь ночуешь, можно придумать множество веселых проказ. Можно есть бутерброды с колбасой прямо в кровати, можно играть в «мешок» и еще устроить войну подушками. Мы начнем с бутербродов!

— Но ты ведь только что съел столько булочек! — сказал Малыш.

— Если мы не сделаем все, что необходимо, то я не играю, — заявил Карлссон. — Тащи бутерброды!

Малыш тайком прошмыгнул на кухню и приготовил бутерброды.

Никто ему не мешал. Фрёкен Бокк сидела в гостиной и болтала с дядей Юлиусом. Она, вероятно, уже простила ему то, что он сказал о цыпленке.

Потом Малыш сидел на краю кровати Карлссона и смотрел, как Карлссон уплетает бутерброды. Малыш был так счастлив! В самом деле, как радостно, когда у тебя ночует твой лучший друг. Да и Карлссон, в виде исключения, был тоже доволен и почти не ворчал.

— Какие хорошие бутерброды! Да и ты хороший, и Домокозлючка тоже хорошая, — говорил он. — Хотя она и не поверила, что я — лучший ученик в классе, — добавил он, и тут лицо его омрачилось.

Похоже, это обстоятельство по-прежнему огорчало его.

— Ха! — воскликнул Малыш. — Не обращай внимания! Дядя Юлиус тоже хочет, чтоб я был первым учеником в классе, а я вовсе не первый!

— Ну уж нет, ясное дело! — возразил Карлссон. — Но я все-таки попробую подучить тебя немного этому сла… ну, как ты это назвал.

— Сложение, — поправил его Малыш. — Это *ты* попробуешь *меня* подучить?

— Да, потому что я — самый лучший в мире слаживальщик.

Малыш рассмеялся и сказал:

— Ну что ж, давай попробуем. Идет?

Карлссон кивнул:

— Начинай!

И Малыш приступил к делу:

— Если, например, ты получишь от мамы три яблока

— Вот спасибо, неси сюда! — обрадовался Карлссон.

— Не прерывай меня, — сказал Малыш. — Если ты получишь три яблока от мамы, и два от папы, и два от Буссе, и три от Беттан, и одно от меня…

Больше ему ничего произнести не удалось, потому что Карлссон, указывая на него пальцем, грозно сказал:

— Так я и знал. Я знал, что ты — самый жаднющий из всей вашей семьи, а это уже немало…

— Ш-ш-ш, речь сейчас не об этом, — сказал Малыш, но Карлссон упрямо продолжал:

— Было бы очень здорово, если бы ты дал мне небольшой пакетик, а в нем — куча яблок, пароч-ка груш и еще несколько таких вот маленьких вкусных желтых слив, ну, ты знаешь каких!

— Не скандаль, Карлссон! — сказал Малыш. — Сейчас мы занимаемся только сложением… Так вот, ты получаешь одно яблоко от мамы…

— Стоп! — злобно заорал Карлссон. — Так я не играю. А что она сделала с двумя другими, которые только что собиралась мне дать?

Малыш вздохнул:

— Милый Карлссон, яблоки тут ни при чем. Их я привел только для примера, чтобы ты понял, о чем идет речь.

Карлссон фыркнул:

— Я не хуже тебя понимаю, о чем идет речь. Твоя мама тут ходит и лопает мои яблоки, да так быстро, что за ней и не уследишь!

— Не скандаль, Карлссон! — повторил Малыш. — Если ты получишь три яблока от мамы…

Карлссон удовлетворенно кивнул:

— Вот видишь! Полезно иногда поспорить! Это я всегда знал! А теперь попробуй навести в этом деле порядок! Я получу три яблока от твоей мамы, и два от твоего папы, и два от Буссе, и три от Беттан, и одно от тебя, потому что ты — самый жаднющий…

— Да, и сколько тогда яблок у тебя получится? — спросил Малыш.

— А ты как думаешь? — спросил вместо ответа Карлссон.

— Я ничего не думаю, потому что я знаю, — заверил его Малыш.

— Тогда скажи, — предложил Карлссон.

— Нет, это ты должен сказать, понятно тебе?

— Да, воображать можно сколько угодно! Спорим, что ты ошибаешься!

— Представь себе, что нет! — сказал Малыш. — У тебя будет одиннадцать яблок.

— Ты так думаешь! — воскликнул Карлссон. — Вот ты и ошибся! Потому что позавчера вечером я стибрил двадцать шесть яблок в саду на острове Лидингё, и из них у меня осталось только три да еще одно, от которого я только чуточку отгрыз. Ну что ты на это скажешь?

Малыш не знал, что тут и говорить. Но потом сообразил.

— Ха-ха! Все-то ты врешь! — сказал он. Потому что в июне яблоки на деревьях не растут.

— Вот как! — сказал Карлссон. — А где же вы берете тогда ваши, ты и все другие воришки яблок в этом доме?

Тут Малыш решил плюнуть и не пытаться больше учить Карлссона устному счету.

— Но теперь ты, по крайней мере, знаешь, что такое сложение? — спросил он.

— Думаешь, я не знаю, что это — то же самое, что воровать яблоки, — сказал Карлссон. — И тебе незачем учить меня, потому что я и так уже все

знаю. Я самый лучший на свете слаживальщик яблок, а если у меня найдется время, я возьму тебя с собой на остров Лидингё и покажу тебе, как делается слажение яблок.

Карлссон сунул себе в рот последний кусочек бутерброда и тут же перешел к войне подушками. Но это дело не так спорилось, как прежнее, потому что Бимбо поднял бешеный лай, лишь только Карлссон кинул подушку в голову Малыша.

— Гав! — залаял Бимбо, вцепившись зубами в подушку.

А потом они оба, Бимбо и Карлссон, стали рвать подушку, причем каждый к себе, пока подушка не лопнула. Тогда Карлссон подбросил ее вверх к потолку, пух вылетел из нее и начал красиво-красиво падать на Малыша, который, лежа на диване, покатывался от смеха.

— Мне кажется, идет снег, — сказал Карлссон. — Снег идет все сильнее и сильнее, — сказал он, снова подбрасывая подушку к потолку.

Но тут Малыш заявил, что надо кончать с войной подушек и вообще пора спать. Время было позднее — они услыхали, как в прихожей дядя Юлиус желает спокойной ночи фрёкен Бокк.

— Ну а теперь пойду и лягу в свою короткую кровать, — сказал дядя Юлиус.

Карлссон необычайно обрадовался.

— Ха-ха! — сказал он. — Ну и веселую же штуку я придумал!

— Что за веселая штука? — поинтересовался Малыш.

— Такая веселая штука, которую обычно проделывают, когда ночуют у кого-нибудь, — ответил Карлссон.

— Ты имеешь в виду «игру в мешок»? Когда подкладывают «мешок» в чужую постель? Теперь уже слишком поздно — ты, верно, не собираешься этим заниматься?

— Не-а, теперь уже слишком поздно, — сказал Карлссон.

— Да, слишком поздно, — повторил довольный Малыш.

— Так что я не собираюсь этим заниматься, — заверил Малыша Карлссон.

— Замечательно! — обрадовался Малыш.

— Потому что я это уже сделал, — сказал Карлссон.

Удивленный Малыш так и сел на диване.

— Кому же ты положил мешок… надеюсь, не дяде Юлиусу?

Карлссон закудахтал от смеха и спросил:

— Ну и хитрюга же ты, как ты догадался?

Малыш просто корчился от смеха во время войны подушек, а сейчас только хихикал, хотя знал, что делать этого нельзя.

— О, как разозлится дядя Юлиус! — воскликнул он.

— Да, мне бы очень хотелось на это посмотреть, — сказал Карлссон. — Так что я собираюсь ненадолго слетать и заглянуть в окно спальни.

Тут Малыш перестал хихикать.

— Никогда! Ни за что на свете! Подумать только, а вдруг он тебя увидит! Он подумает, что ты и есть тот самый шпион, и тогда, сам понимаешь, что будет…

Но Карлссон был упрям. Раз уж он играл «мешок», значит, необходимо посмотреть, очень ли рассердился тот, кому его подложили, а иначе какой смысл во всей этой затее, уверял он.

— И вообще я могу спрятаться под зонтиком! — сказал он.

Он принес из тамбура мамин красный зонтик, потому что по-прежнему лил дождь.

— Я ведь не хочу, чтобы пижама Буссе промокла! — сказал Карлссон.

Он стоял уже в распахнутом окне, раскрыв зонтик и приготовившись к полету. «Это просто ужасно», — подумал Малыш и стал умолять

Карлссона:

— Пожалуйста, будь осторожен! Будь осторожен, смотри, чтобы тебя никто не заметил, иначе — всему конец!

— Без паники! Только без паники! — сказал Карлссон, вылетая из окна прямо в дождь.

А Малыш остался, охваченный паникой, он не только утратил всякое спокойствие, но и так нервничал, что непрестанно кусал кончики пальцев.

Минуты шли, лил дождь, Малыш ждал. И вдруг он услыхал из спальни душераздирающий крик дяди Юлиуса. Он звал на помощь. И тут же в комнату Малыша влетел Карлссон. Очень довольный, он, кудахча от смеха, выключил мотор и поставил на коврик зонтик, чтобы с него стекла вода.

— Он видел тебя? — боязливо спросил Малыш. — Он еще не лег в постель?

— Он наверняка пытается это сделать, — сказал Карлссон.

Тут снова послышались громкие крики дяди Юлиуса.

— Я должен пойти и посмотреть, что с ним, — сказал Малыш и кинулся со всех ног в спальню.

Там, запутавшись в простынях, сидел дядя Юлиус, бледный, с вытаращенными глазами, а

на полу, рядом с ним, валялась сплошная беспорядочная груда подушек и одеял.

— С тобой мне говорить нечего! — сказал, увидев Малыша, дядя Юлиус. — Зови сюда фрёкен Бокк.

Но фрёкен Бокк, верно, сама услыхала крики, потому что тут же примчалась из кухни и как вкопанная остановилась на пороге.

— Боже милостивый! — воскликнула она. — Господин Янссон, вы что, перестилаете постель?

— Нет, вовсе нет, — сказал дядя Юлиус, — хотя мне и не нравится эта новая мода стелить постели, мода, что принята в этом доме… но сейчас я не в силах даже думать об этом.

Он замолчал и лишь тихонько стонал. И тогда фрёкен Бокк подошла к нему и положила руку ему на лоб:

— Что вы, господин Янссон, вы больны?

— Да, я болен, — с трудом произнес дядя Юлиус. — Я, *должно быть*, болен… А ну, исчезни! — обратился он к Малышу.

И Малыш исчез. Но остановился за дверью, так как ему очень хотелось услышать, что еще скажет дядя Юлиус.

— Я разумный и трезвый человек, — продолжал дядя Юлиус. — Ни газеты и вообще никто и

ничто не могут вбить мне в голову какие-либо глупости… поэтому я наверняка болен.

— Чем, отчего? — не переставала удивляться фрёкен Бокк.

— Мне являются видения… бредовые видения, — сказал дядя Юлиус.

А затем, понизив голос так, что Малыш едва мог расслышать, что он говорит, он прошептал:

— Я не хочу, чтобы вы, фрёкен Бокк, рассказывали об этом кому-нибудь. Но фактически дела обстоят так, что мне явился Йон Блунд[16].

[16] Примечания: 16

Сказочное фантастическое существо, встречающееся в датском и норвежском фольклоре под именем «Оле Лукойе» («Оле, Закрой глазки»). Народное поверье об Оле Лукойе, навевающем волшебные сны, использовал датский сказочник Ханс Кристиан Андерсен (1805–1875) в одноименной сказке (1841). Этот образ встречается у финляндского писателя Сакариаса Топелиуса (1818–1898) под именем Нукку Матти. В шведской литературе это волшебное существо известно под именем Йон Блунд (blunda (швед.) — вздремнуть). Карлссон летает с красным зонтиком, в руках с которым и является к малышам Оле Лукойе.

КАРЛССОН РЕТИРУЕТ ФРЁКЕН БОКК БУЛОЧКАМИ И ОЛАДЬЯМИ

Когда на следующее утро Малыш проснулся, Карлссон исчез. Пижама валялась на полу, окно было раскрыто, и Малыш понял, что Карлссон улетел к себе домой. Без него комната опустела, но, с другой стороны, это было к лучшему. Теперь у фрёкен Бокк не будет повода скандалить. Ей даже и знать не надо, что Карлссон ночевал здесь. Просто удивительно, как стало тихо, скучно, даже как-то мрачно без Карлссона. Хотя с Карлссоном было немало хлопот, но без него Малышу всегда становилось скучно, и сейчас ему захотелось поприветствовать Карлссона. Он подошел к окну и три раза дернул за телефонный провод, хитроумно спрятанный за занавеской.

Этот телефон Карлссон специально соорудил для того, чтобы Малыш мог подавать ему сигналы. Стоило потянуть за провод, как в домике Карлссона начинал звонить колокольчик. Карлссон сам придумал условные сигналы.

— Один звонок означает: «Иди сюда!», — объяснил он, — два: «Иди сюда, пожалуйста», а три:

«Подумать только, как хорошо, что на свете есть ты, Карлссон, такой красивый, ужасно умный, в меру упитанный, храбрый и вообще замечательный!»

И вот именно это Малышу и хотелось сказать сейчас Карлссону, поэтому он дернул за провод три раза и услыхал, как на крыше зазвонил колокольчик. И тут же последовал ответ, да еще какой! На крыше прогремел револьверный выстрел, а затем донеслось пение Карлссона, хотя из-за дальности расстояния оно звучало очень тихо. Карлссон пел свою любимую «*Буссе-биссе-бассе-бум-фаллера*».

— Ну и Карлссон, ну и Карлссон, — прошептал Малыш, — зачем он стреляет, поднимает такой шум! Ведь Филле и Рулле или кто-нибудь другой могут услышать его, найти, поймать, а после продать газете за десять тысяч крон!

— Ну, тогда он сам будет виноват, — сказал Малыш, обращаясь к Бимбо.

А щенок лежал в корзинке и, казалось, все понимал. Малыш надел рубашку и брюки, потом поиграл немножко с Бимбо, ожидая, что в доме вот-вот поднимется суматоха.

Дядя Юлиус еще не проснулся, по крайней мере в спальне было тихо, но из кухни уже доносился

аромат кофе, и Малыш отправился туда поглядеть, что делает фрёкен Бокк.

Она восседала за столом во всем своем величии, наслаждаясь утренним кофе, и, как ни странно, не стала возражать, когда он тоже сел за стол. Каши на столе не было, зато фрёкен Бокк, видно встав спозаранку, напекла булочек. Два противня с горячими ароматными булочками стояли на столике для мытья посуды, а на обеденном столе тоже красовалась целая гора булочек в хлебной корзинке.

Малыш взял булочку и стакан молока. Так они сидели в молчании, ели и пили, а потом фрёкен Бокк сказала:

— Интересно, как там поживает Фрида?

Малыш, держа в руке стакан с молоком, задумчиво поглядел на нее.

Подумать только, а вдруг фрёкен Бокк также скучает без Фриды, как он без Карлссона!

— А вы скучаете без Фриды, фрёкен Бокк? — сочувственно спросил он.

Фрёкен Бокк разразилась язвительным смехом:

— Да ты не знаешь Фриду!

Собственно говоря, слушать про Фриду Малышу было вовсе не интересно. Но фрёкен Бокк ужасно

захотелось поболтать о ней, и он из вежливости спросил:

— А кто Фридин жених?

— Мошенник! — воскликнула многозначительно фрёкен Бокк. — Да, я знаю, что мошенник, потому что он выманивает у нее деньги, я это поняла.

При мысли об этом фрёкен Бокк даже заскрипела зубами и после разразилась потоком слов. «Бедняга, — подумал Малыш, — ей не с кем поделиться, она готова даже детям рассказывать о Фриде». И ей в самом деле хотелось рассказывать. Малышу пришлось сидеть и выслушивать все подробности про Фриду и ее Филиппа, о том, что она вовсе чокнулась после того, как он напел ей, будто у нее красивые глаза и очаровательный симпатичный носик, мол, на такую женщину можно рассчитывать и в бурю и в ненастье.

«Очаровательный носик, — хмыкнула фрёкен Бокк, — ясное дело, очаровательный для того, кому нравится картофелина средней величины посредине лица!..»

— Ну, а как выглядит сам Филипп? — спросил Малыш, делая вид, будто ему это интересно.

— Об этом я, слава Богу, понятия не имею, — ответила фрёкен Бокк. — Неужто ты думаешь, она

мне его показывала!

Где работает Филипп, этого фрёкен Бокк тоже не знала. Но у него был товарищ по работе, которого звали Рудольф, об этом ей Фрида рассказывала.

— Фрида говорит, что он подошел бы мне, но вряд ли захочет на мне жениться, по ее мнению, я недостаточно красива… И нос у меня не симпатичный, и вообще все не то… — И фрёкен Бокк снова презрительно фыркнула.

Тут она вдруг поднялась из-за стола и скрылась в прихожей, откуда ей понадобилось что-то принести. И как только она вышла из кухни, в окно влетел Карлссон.

Малыш по-настоящему рассердился:

— Ты что, Карлссон, ведь я *просил* тебя не прилетать сюда, когда фрёкен Бокк или дядя Юлиус могут тебя увидеть!..

— Поэтому я и прилетаю тогда, когда ни фрёкен Бокк, ни дядя Юлиус меня не видят, — ответил Карлссон. — В самом деле я им ни капельки не показываюсь, — добавил он и залез под кухонный стол.

Там он и сидел, надежно спрятавшись за низко свисающей скатертью, когда фрёкен Бокк вернулась из прихожей, прихватив шерстяную кофту.

Она налила себе еще чашечку кофе, взяла еще

булочку и настроилась продолжать беседу:

— Так что «симпатичным носиком» я похвастаться не могу.

И тут послышался странный голос, похожий на голос чревовещателя, идущий неизвестно откуда:

— Ну нет, твой носик похож скорее на огурец с хрящом посредине.

Фрёкен Бокк подскочила, расплескав кофе.

— Это ты говоришь, бесстыдник? — спросила она, глядя подозрительно на Малыша.

Малыш покраснел, не зная, что ответить.

— Нн-е-ет, — промямлил он. — Это, наверно, радиопрограмма про помидоры, огурцы и разные другие овощи.

Это он здорово придумал, потому что иногда в кухне у Свантессонов было слышно, как орет радио у соседей. Фрёкен Бокк не раз на это жаловалась.

Она что-то пробубнила, но в это время в кухню вошел дядя Юлиус, он тоже пожелал выпить кофе, и это отвлекло фрёкен Бокк от неприятных мыслей.

Дядя Юлиус со стоном проковылял разок-другой вокруг стола.

— Что за ночь! — воскликнул он. — Святой Ие-

ремия, что за ночь! Правда, порой случается, что у меня все тело затекает, но эта постель, но этот матрас — просто кошмар!

Он тяжело плюхнулся на стул и уставился в, одну точку, будто думал о чем-то важном. Малыш решил, что дядя просто не похож на себя.

— И все же я рад, все же я благодарен этой ночи, — заявил наконец дядя Юлиус. — Она сделала меня новым человеком.

— Вот и отлично! Старого-то в самом деле нужно было заменить, — снова раздался странный голос ниоткуда, заставивший фрёкен Бокк опять подпрыгнуть и подозрительно посмотреть на Малыша.

— Это, видно, опять радио у Линдбергов, — пробормотал Малыш, — наверно, теперь передача про старые машины.

Дядя Юлиус ничего не заметил. Он так углубился в свои мысли, что ничего не слышал и не видел. Фрёкен Бокк подала ему кофе, он машинально взял булочку. Но едва он это сделал, как из-под скатерти высунулась маленькая пухлая ручонка, которая выхватила у него булочку из руки. А дядя Юлиус этого даже не заметил. Он сидел, погруженный в раздумье, и только обмакнув руку в горячий кофе, понял, что булочка куда-то

девалась. Он слегка подосадовал, подул на руку и снова задумался.

— Между небом и землей есть нечто большее, чем то, о чем мы знаем, — серьезным тоном произнес он, — это я понял нынче ночью.

С этими словами он протянул руку и взял еще одну булочку. Тут пухленькая ручка высунулась снова и схватила эту булочку. А дядя Юлиус опять этого не заметил и снова принялся размышлять, пока не сунул палец в рот и не укусил его хорошенько. Только тогда он оглянулся и заметил, что булочки у него в руке нет и откусить нечего. Он опять недовольно хмыкнул, но, очевидно, новый дядя Юлиус был добрее прежнего, потому что он почти сразу успокоился. Он даже не попытался в третий раз взять булочку и продолжал пить кофе в глубокой задумчивости.

А булочки тем временем исчезали со стола. Они исчезали из хлебной корзинки одна за другой, и один только Малыш замечал, куда они девались. Он тихонечко хихикал и осторожно совал под стол стакан с молоком, чтобы Карлссон не ел всухомятку, а запивал бы булочки. Это Карлссон называл «ретировать булочками»! Фрёкен Бокк испытала это на себе еще когда жила у Свантессонов в первый раз.

— Можно колоссально ретировать людей, поедая их булочки, — сказал Карлссон.

Вообще-то он знал, что нужно говорить «третировать», но утверждал, что «ретировать» звучит более зловеще.

И теперь Карлссон решил снова «зловеще ретировать» фрёкен Бокк, хотя она этого не поняла. А дядя Юлиус и вовсе об этом не догадался. Он не заметил, что его «ретируют» булочками, несмотря на все «зловещее» поведение Карлссона, а продолжал размышлять. Но внезапно он крепко схватил руку фрёкен Бокк, словно прося ее помощи.

— Я должен рассказать об этом кому-нибудь! — воскликнул он. — Теперь я знаю, фрёкен Бокк, это была вовсе не галлюцинация, я не бредил, я видел Иона Блунда!

Фрёкен Бокк вытаращила глаза:

— Неужто это возможно?

— Да, возможно, — ответил дядя Юлиус. — Потому-то я и стал новым человеком в новом мире. В сказочном мире, понимаете ли, фрёкен Бокк, дверь в который распахнулась для меня прошедшей ночью. Ведь если Йон Блунд существует, значит, существуют и ведьмы, тролли, привидения, домовые и прочая нечисть, про которую говорится в сказках.

— Может, и летающие шпионы тоже, — попробовала было угодливо поддакнуть ему фрёкен Бокк, но дяде Юлиусу это решительно не понравилось.

— Глупости, — отрезал он, — болтовня газетных писак, которым никак верить нельзя.

Он наклонился к фрёкен Бокк и пристально поглядел ей в глаза.

— Не забывайте одно, — сказал он, — наши предки верили в троллей, ведьм и прочую чертовщину. С какой стати мы должны думать, что этих сверхъестественных существ на свете нет? Мы что, умнее наших предков, а? Нет, утверждать подобную глупость могут лишь тупоголовые людишки.

Фрёкен Бокк не хотела показаться тупоголовой и сказала, что на свете, возможно, существует даже гораздо больше ведьм, чем мы себе представляем, поди есть даже немало троллей, да и другой нечисти, стоит только внимательнее приглядеться, можно их даже, наверное, пересчитать.

Но тут дядя Юлиус прервал свои размышления, потому что у него был назначен визит к доктору и пришло время отправляться из дому. Малыш любезно проводил его в прихожую, и фрёкен

Бокк тоже. Малыш подал ему трость, а фрёкен Бокк помогла надеть пальто. Вид у старика был очень бледный. «Бедный дядя Юлиус, хорошо, что он идет к доктору», — подумал Малыш и робко похлопал его по руке. Фрёкен Бокк, видно, тоже была огорчена, она с тревогой спросила:

— Как вы себя чувствуете? Как ваше здоровье, господин Янссон?

— Откуда мне это знать? Я еще не был у доктора! — сварливо ответил дядя Юлиус.

«Да уж, кое-что в нем точно осталось еще от прежнего дяди Юлиуса, даже если сказочный мир и распахнул перед ним дверь», — подумал Малыш.

Когда дядя Юлиус удалился, Малыш и фрёкен Бокк вернулись в кухню.

— Сейчас я выпью еще чашечку кофе и съем булочку, да отдохну немного, — решила она.

Но тут же вскрикнула, потому что на противнях не осталось ни одной булочки. Там лежал лишь большой бумажный мешок, на котором жутко кривыми буквами было написано:

«СТОЩИЛ ИЩЕ НЕСКАЛЬКА БУЛАЧИК

ХАЧУ УГАСТИТЬ ВЕЗЬ СКАЗАЧНЫЙ МИР

ЙОН ПЛУНТ».

Фрёкен Бокк прочитала записку и сурово нахмурила брови.

— Никто не заставит меня поверить, что Йон Блунд крадет булочки, даже если он на самом деле есть. Он слишком хорошо воспитан и добр для этого. Я знаю, чьи это проделки!

— Чьи же? — спросил Малыш.

— Да этого паршивого толстого мальчишки, ясное дело. Карлссоном, что ли, его зовут. Глянька, дверь в кухню открыта! Он стоял за ней и подслушивал и прокрался туда, когда мы вышли в прихожую.

Она сердито покачала головой:

— Йон Плунт! Хорош, ничего себе! Сваливать на других что сам натворил! И хоть бы писать научился!

Малыш, не желая слушать ничего плохого про Карлссона, ответил:

— Я думаю, это в самом деле сделал Йон Блунд! Пошли, Бимбо!

Каждое утро Малыш и Бимбо гуляли в Васапарке, и для Бимбо это было лучшее время, ведь там было так много симпатичных собак, а как приятно обнюхать их и поболтать с ними!

Малыш обычно играл с Кристером и Гуниллой, но сегодня их что-то не было видно. Может, они

уже уехали на дачу, подумал Малыш, ну да ладно, не так уж это важно, пока у него есть Карлссон… и, конечно, Бимбо.

К ним подбежала собака, она хотела подраться с Бимбо, и Бимбо тоже был не прочь с ней схватиться. Ему очень хотелось показать этому глупому псу, что он о нем думает. Но Малыш ему не позволил.

— Не смей, — приказал ему Малыш, — ты слишком маленький, чтобы драться с большой собакой.

Он взял Бимбо на руки и огляделся, нет ли поблизости свободной скамейки, чтобы посидеть с Бимбо, пока тот не успокоится. Но все скамейки были заняты, погода стояла хорошая, люди загорали. Лишь в дальнем углу парка Малыш нашел свободное место и уже хотел было сесть… Но на этой скамейке уже сидели два человека, каждый с бутылкой пива в руке. И он их узнал! В самом деле, это были Филле и Рулле. Сначала Малыш так испугался, что был готов убежать. Но в то же время его словно притягивало к этой скамейке. Ему очень хотелось узнать, продолжают ли Филле и Рулле охотиться за Карлссоном, а сейчас ему представлялся такой случай. Да и чего, между прочим, ему бояться? Филле и Рулле никогда его

не видели и не могли узнать. Отлично, просто отлично! Он может сидеть рядом с ними сколько угодно. Так всегда поступают в приключенческих книжках, когда хотят что-нибудь выведать. Сидят себе тихонечко и слушают, пока не надоест.

Малыш уселся на скамейку, навострил уши и стал разговаривать с Бимбо, чтобы Филле и Рулле не догадались, что он подслушивает. Сначала ему показалось, что многого узнать не удастся. Филле и Рулле пили пиво и молчали. Это длилось довольно долго. Затем Филле громко и зычно рыгнул и сказал:

— Ясное дело, поймать его можно, ведь мы знаем, где он живет. Я много раз видел, как он туда залетал.

Малыш от страха еле дышал, он был в полном отчаянии. Теперь Карлссону придет конец. Филле и Рулле нашли его домик на крыше. Да, теперь все пропало, всему конец!

Малыш стал кусать пальцы, чтоб не расплакаться, но в самый критический момент Рулле сказал:

— Да, я тоже не раз видел, как он туда влетал!.. Это та самая квартира, в которой мы были прошлым летом. В доме номер двенадцать на четвертом этаже. На дверной дощечке написано

«Свантессон», я проверял.

Глаза Малыша стали круглыми от удивления. Неужели он не ослышался? Неужели Филле и Рулле в самом деле думают, что Карлссон живет у Свантессонов? Какая удача! Ведь это значит, что Карлссон может жить более или менее спокойно в своем домике. Филле и Рулле не нашли его, вот это да! Между прочим, чему тут удивляться, ни Филле, ни Рулле и никто другой по крышам не лазает, кроме трубочиста.

Но если даже Рулле и Филле не знают про домик Карлссона, все равно опасность велика. Бедный Карлссон, они начали на него охотиться всерьез, а этот дурачок не соображает, что нужно прятаться!

Филле и Рулле снова помолчали, но вдруг Рулле сказал так тихо, что Малыш едва расслышал его слова:

— Пожалуй, сегодня ночью!

Тут наконец Филле заметил, что кто-то сидит рядом с ними на скамейке. Он поглядел на Малыша, громко кашлянул и сказал:

— Да, пожалуй, сегодня ночью пойдем копать дождевых червей.

Но Малыша было не так-то легко провести. Он понял, что Филле и Рулле собрались делать

этой ночью. Они попытаются поймать спящего Карлссона, думая, что он живет у Свантессонов.

«Я должен сказать об этом Карлссону, — подумал Малыш. — И как можно скорее!»

Но увидеть Карлссона он смог лишь во время обеда. На этот раз он не влетел в окно, а позвонил, как положено, в дверной звонок.

— Ах, как хорошо, что ты пришел, — начал было Малыш, но Карлссон, не слушая его, промчался прямиком в кухню к фрёкен Бокк.

— Что за гадость ты сегодня готовишь? — спросил он. — Что-нибудь несъедобное, как всегда? Можно будет прожевать твою стряпню нормальными зубами?

Фрёкен Бокк стояла у плиты и пекла оладьи, потому что дяде Юлиусу их жевать было легче, чем цыпленка. Услыхав за спиной голос Карлссона, она пролила целую поварешку теста на плиту. Разъяренная, обернулась к нему и закричала:

— Ах ты!.. Да ты… Ах ты, бесстыдник! И хватает у тебя совести являться сюда и глядеть мне прямо в лицо, паршивый воришка?

Карлссон прикрыл глаза пухлыми ручонками и хитро поглядывал в щелочки между пальцами.

— Сойдет, если сильно не приглядываться, — сказал он, — хоть ты и не первая красавица на

свете, однако привыкнуть можно ко всему. Самое главное, что ты добрая… Дай мне оладьев!

Фрёкен Бокк злобно посмотрела на него, потом повернулась к Малышу:

— Послушай-ка, разве твоя мама говорила, что я должна кормить этого противного мальчишку? — спросила она.

Малыш, как всегда, начал мямлить:

— Во всяком случае, мама считает, что Карлссон…

— Отвечай, да или нет! Говорила твоя мама, что Карлссон будет у нас кормиться?

— Она, во всяком случае, хочет, чтобы он… — попытался было схитрить Малыш, но фрёкен Бокк резко оборвала его:

— Отвечай, «да» или «нет», тебе говорят! Неужели так трудно ответить «да» или «нет» на простой вопрос?

— А ты думаешь, легко? — вмешался Карлссон. — Вот я задам тебе простой вопрос, и сама увидишь. Вот послушай: ты перестала пить коньяк по утрам, да или нет?

Фрёкен Бокк ахнула и буквально задохнулась. Она хотела что-то сказать, но не смогла.

— Ну, так как же? — продолжал Карлссон. — Перестала ты пить коньяк по утрам?

— Да, конечно, она перестала, — поспешил сказать Малыш, желая прийти на помощь фрёкен Бокк.

Но она пришла в ярость.

— Вовсе нет! — крикнула она с такой яростью, что Малыш до смерти испугался.

— Нет, нет, она не перестала, — заверил он Карлссона.

— Печально это слышать, — сказал Карлссон. — Пьянство приносит много бед.

В горле у фрёкен Бокк что-то булькнуло, и она опустилась на стул.

Но Малыш нашел наконец нужный ответ.

— Она не *перестала*, потому что никогда не начинала, — сказал он Карлссону с упреком.

— Что я говорил! — воскликнул Карлссон, обращаясь к фрёкен Бокк. — Сама видишь, глупышка, что нельзя на каждый вопрос отвечать просто «да» или «нет»... Дай-ка мне оладьев!

Но фрёкен Бокк меньше всего на свете хотела угощать Карлссона оладьями. Разъяренная, она бросилась к кухонной двери, распахнула ее настежь и завопила:

— Вон! Вон отсюда!

И Карлссон ушел. С гордо поднятой головой он подошел к двери и сказал:

— Я ухожу. Ухожу с радостью. Найдутся и другие, кто умеет печь оладьи!

Когда Карлссон исчез, фрёкен Бокк посидела немного молча, словно отдыхая. Потом она с тревогой посмотрела на часы:

— Что-то твой дядя Юлиус так долго не возвращается? А вдруг заблудился? Ведь он не очень-то хорошо знает Стокгольм.

Малыш тоже встревожился:

— Да, вдруг он не найдет дорогу домой!

И как раз в этот момент в прихожей зазвонил телефон.

— Это, наверно, дядя Юлиус звонит, хочет сказать, что заблудился.

Фрёкен Бокк пошла, чтобы взять трубку, и Малыш последовал за ней.

Но Малыш понял, что звонил не дядя Юлиус, потому что фрёкен Бокк гневно сказала:

— Вот как, это ты, Фрида? Как ты себя чувствуешь? Нос у тебя цел?

Малыш не хотел слушать чужие телефонные разговоры, он сел и стал читать книгу, но из прихожей до него доносились неразборчивые слова. Разговор длился минут десять.

Малыш даже проголодался. Ему хотелось, чтобы это бормотание скорей прекратилось, дядя

Юлиус пришел бы домой и они наконец сели за стол. Между прочим, он хотел бы приняться за еду прямо сейчас. И как только фрёкен Бокк положила трубку, он выбежал в прихожую, чтобы сказать ей это.

— Ладно, сейчас накормлю тебя, — милостиво согласилась фрёкен Бокк и первой пошла в кухню. Но в дверях она остановилась. Ее мощная фигура застряла в двери, и Малышу ничего не было видно. Он слышал только ее злобные крики. Когда же и он из любопытства протиснул голову в кухню, то увидел там Карлссона.

Карлссон сидел за столом и преспокойно ел оладьи.

Малыш испугался, решив, что фрёкен Бокк сейчас убьет Карлссона.

Но она лишь бросилась к нему и выхватила тарелку с оладьями.

— Ах ты… ты… ты дрянной мальчишка! — закричала она.

А Карлссон в ответ слегка рыгнул.

— Не трогай мои оладьи, — воскликнул он. — Я их честно купил у Линдбергов за пять эре!

Он разинул рот и запихал в него чуть ли не воз оладий.

— Я же говорил, найдутся и другие, кто умеет

печь оладьи. Нужно только принюхиваться к запахам — и обязательно попадешь туда, где их пекут.

Малыш даже пожалел фрёкен Бокк, ведь она уже начала заговариваться.

— Гг-де… гг-де… где же тогда мои оладьи? — промямлила она и взглянула на плиту. Там стояло блюдо с ее оладьями, и теперь оно было абсолютно пустое. Увидев это, она снова пришла в ярость.

— Гадкий мальчишка! — закричала она. — Мои оладьи ты тоже слопал!

— А что, если это не я? — обиженно сказал Карлссон. — Ты готова все на меня сваливать!

В этот момент на лестнице послышались шаги. Наверно, это шел дядя Юлиус. Малыш обрадовался, потому что тогда ссора прекратится, а еще потому, что дядя Юлиус не заблудился в многолюдном городе.

— Вот хорошо, — сказал Малыш, — значит, он все-таки нашел дорогу домой!

— Это потому, что для него были оставлены повсюду условные знаки, — заявил Карлссон. — Иначе он ни за что бы не догадался, куда ему идти!

— Что за знаки? — удивился Малыш.

— Знаки, которые я оставил, — объяснил Карлссон, — потому что я самый добрый на свете.

Но вот в прихожей раздался звонок, фрёкен Бокк пошла открывать дверь, а Малыш поплелся за ней, чтобы поприветствовать дядю Юлиуса.

— Добро пожаловать домой, господин Янссон, — сказала фрёкен Бокк.

— А мы уже подумали, что ты заблудился, — добавил Малыш.

Но дядя Юлиус не ответил ни фрёкен Бокк, ни Малышу.

— А для чего это кто-то повесил оладьи на каждой дверной ручке во всем доме? — строго спросил он.

Он пронзительно посмотрел на Малыша, а Малыш со страхом пробормотал:

— Может, это Йон Блунд…

Тут он запнулся, недосказав фразу, и бросился на кухню, чтобы отчитать Карлссона. Но там он увидел только два пустых блюда из-под оладий и лужицу варенья, пролитую на клеенку там, где сидел Карлссон.

Дядя Юлиус, Малыш и фрёкен Бокк ели на обед пудинг. Он тоже был вкусный.

Малышу пришлось сбегать в молочный мага-

зин за этим пудингом.

Он не стал отказываться, когда фрёкен Бокк послала его купить пудинг, потому что хотел посмотреть, как выглядят дверные ручки с нацепленными на них оладьями.

Но никаких оладьев на ручках не было. Он пробежал по всей лестнице, проверил все ручки, но не обнаружил ни одной оладьи и решил, что дядя Юлиус все это выдумал.

Однако, спустившись в вестибюль, он увидел Карлссона, сидевшего на нижней ступеньке. Тот ел оладьи.

— Люблю оладьи, — сказал он. — А этот дяденька, Юлле-Сказколюб, обойдется и без условных знаков, теперь он знает дорогу.

— Несправедлива все же ваша Домокозлючка! — добавил Карлссон, презрительно хмыкнув. — Сказала, что я съел ее оладьи, а я был невиновен, как овечка. Потому я решил их съесть теперь, чтобы не пропадали!

Малыш засмеялся.

— Ты самый лучший в мире пожиратель оладьев, вот ты кто, Карлссон, — сказал он.

Но тут он вспомнил что-то важное и принял серьезный вид. Он вспомнил про ужасную новость, которую узнал от Филле и Рулле. Наконец-то он

сможет сообщить ее Карлссону.

— Я думаю, они собираются поймать тебя сегодня ночью, — с волнением сказал Малыш. — Ты понимаешь, что это значит?

Карлссон облизал свои жирные пальцы и издал какой-то звук, похожий на довольное мурлыканье.

— Это значит, что мы нынче вечером повеселимся. Ха-ха! Ха! Ха!

КАРЛССОН — ЛУЧШИЙ В МИРЕ ИЗУЧАЛЬЩИК ХРАПОВ

Но вот наступил вечер. Карлссон долго не появлялся. Он хотел, чтобы Домокозлючка отдохнула хорошенько после «ретирования» оладьями.

Малыш побывал с дядей Юлиусом в Железнодорожном музее. Музей этот понравился и дяде Юлиусу, и Малышу. Потом они пришли домой и поужинали вместе с фрёкен Бокк. Все было спокойно, Карлссона и след простыл. Но когда Малыш после ужина вошел в свою комнату, он увидел Карлссона там.

По правде говоря, Малыш ему не обрадовался.

— Какой ты неосторожный, — сказал он. — Зачем ты пришел сегодня?

— Что за глупый вопрос, — ответил Карлссон. — Хочу переночевать у тебя, неужели не понимаешь?

Малыш вздохнул. Весь день он со страхом думал, как бы спасти Карлссона от Филле и Рулле. Что ему только не приходило в голову!

Он даже собирался звонить в полицию. Нет,

тогда пришлось бы сказать, почему Филле и Рулле хотят украсть Карлссона, а это делать нельзя. Может, попросить дядю Юлиуса помочь? Нет, ведь тогда он немедленно позвонит в полицию, и все равно придется говорить, для чего Филле и Рулле нужен Карлссон, так что и это не выход.

А Карлссон ни о чем не печалился, не ломал голову и даже сейчас ни капельки не боялся. Он стоял себе спокойно, пытаясь подсчитать, насколько проросла персиковая косточка. Но Малыш был всерьез обеспокоен.

— Честно говоря, я не знаю, что нам делать, — признался он.

— Ты хочешь сказать — с Филле и Рулле? А я знаю. Я же говорил, есть три способа приручения: ретировать, фигурить и филюрить. И я пущу в ход все три.

Малыш считал, что четвертый способ был бы самый надежный для Карлссона — забраться под одеяло в своем собственном домике и притаиться как мышь. Но Карлссон ответил, что из всех дурацких способов этот самый дурацкий и он даже слушать о нем не желает.

Но Малыш все же не сдавался. Он получил от дяди Юлиуса мешочек конфет и решил подкупить Карлссона. Чтобы подразнить его хорошенько, он

сказал, лукаво улыбаясь:

— Ты получишь весь мешочек, если полетишь домой и ляжешь спать!

Но Карлссон оттолкнул руку Малыша.

— Фу, какой ты противный, — сказал он. — Оставь себе свои дрянные конфеты! Мне они вовсе не нужны!

Он сердито выпятил нижнюю губу, забился в угол и сел на скамеечку.

— Раз ты такой противный, я не играю. Малыш страшно расстроился: хуже всего, если

Карлссон говорит «я не играю». Он быстро попросил прощения и постарался сделать все, чтобы Карлссон повеселел, но ничто не помогало. Карлссон продолжал дуться.

— Я просто не знаю, что делать, — сказал под конец Малыш.

— А я знаю, — ответил Карлссон. — Точно я не уверен, но, *может быть*, я и буду играть с тобой, если ты подаришь мне, ну хоть что-нибудь… Хм, ну, например, кулечек конфет.

Малыш отдал ему мешочек с конфетами, и Карлссон согласился с ним играть. Хоть всю ночь напролет.

— Ха-ха! — сказал он. — Ты просто не поверишь, какую штуку я придумал!

Раз уж Карлссон непременно решил ночевать здесь, Малышу оставалось лишь постелить себе опять на диванчике, и он хотел было этим заняться, но Карлссон сказал, что в постель не ляжет. В эту ночь им будет не до сна, найдутся другие дела!

— Я надеюсь, что Домокозлючка и Юлле-Сказколюб скоро дадут храпака, тогда-то мы и примемся за работу, — объяснил Карлссон.

Дядя Юлиус в самом деле улегся спать рано. Он сильно устал после кошмаров предыдущей ночи и дневных приключений. Фрёкен Бокк тоже нужно было поспать, отдохнуть от кошмарного «ретирования» булочками и оладьями. Она скрылась в своей комнате, то есть в комнате Беттан, мама отвела ей эту комнату на то время, что фрёкен Бокк должна была жить у них.

Дядя Юлиус и фрёкен Бокк вместе зашли сначала в комнату Малыша, пожелать ему спокойной ночи. Карлссон притаился в шкафу. Он сам решил, что так будет лучше.

Дядя Юлиус зевнул:

— Я надеюсь, что Йон Блунд скоро явится и позволит нам всем заснуть под его красным зонтиком.

«Как бы не так», — подумал Малыш, но вслух

сказал:

— Спокойной ночи, дядя Юлиус, спите крепко! Спокойной ночи, фрёкен Бокк.

— А ты немедленно ложишься спать, — велела фрёкен Бокк.

И они ушли.

Малыш разделся и надел пижаму. Так будет лучше, решил он. Вдруг фрёкен Бокк или дядя Юлиус поднимутся среди ночи и увидят его одетым.

Ожидая, когда дядя Юлиус и фрёкен Бокк уснут, Малыш с Карлссоном поиграли в игру «Умори лисицу». Но Карлссон сильно жилил и хотел только выигрывать, а иначе грозился, что играть не будет. Малыш все время позволял ему выигрывать, но когда в очередной раз Карлссону все-таки грозил проигрыш, тот быстренько сгреб карты в кучку и сказал:

— Некогда нам больше играть, пора приниматься за дело.

Тем временем и дядя Юлиус, и фрёкен Бокк уже уснули без помощи Иона Блунда и его зонтика. Карлссон же развлекался, бегая от двери одной спальни к другой и сравнивая храпы.

— Угадай, кто самый лучший в мире изучальщик храпов? — с восторгом спросил он и стал

показывать Малышу, как храпит дядя Юлиус и как — фрёкен Бокк.

— Хр-р-р-р-пи-пи-пи, — так храпит Юлле-Сказколюб. А Домокозлючка вот так: Хр-р-р-р-аш! Хр-р-р-аш!

Но тут ему пришло в голову, что надо решить еще одну задачу. У него осталась еще целая куча конфет, хотя он дал одну конфетку Малышу, а сам съел десять. Он решил куда-нибудь спрятать мешочек, чтобы освободить руки и начать действовать. Но положить конфеты нужно было в абсолютно надежное место.

— Ведь сюда заявятся воры, — объяснил он. — У вас в доме нет ни одного сейфа?

Малыш сказал, что если бы у них был сейф, то в первую очередь он запер бы туда Карлссона. Но, к сожалению, сейфа у Свантессонов не было.

Карлссон подумал немного и решил:

— Положу-ка я мешочек в спальню Юлле-Сказколюба. Воры услышат «Хррр-пи-пи-пи» и, подумав, что там тигр, не посмеют войти.

Он осторожно открыл дверь в спальню. Послышалось еще более громкое «Хррр-пи-пи-пи». Карлссон с восторгом хихикнул и исчез вместе с мешочком. Малыш стоял у двери и ждал.

Чуть погодя Карлссон вернулся. Без мешочка,

но с зажатыми в кулачке вставными зубами дяди Юлиуса.

— Ты что, Карлссон! Зачем ты их взял?

— Неужели ты думаешь, что я оставил бы свои конфеты тому, у кого есть зубы! — возмутился Карлссон. — Представь себе, что Юлле-Сказколюб проснется ночью и увидит мешочек! Он тут же схватит свои зубы, начнет грызть конфеты и слопает все до одной. А сейчас у него, к счастью, зубов при себе нет.

— Так дядя Юлиус никогда бы не сделал, — стал уверять его Малыш. — Он ни за что не взял бы ни одной чужой конфетки.

— Эх ты, дурашка, да он мог бы подумать, что это какая-нибудь фея из «сказочного мира» принесла ему конфеты.

— С какой стати он подумал бы это, если сам их купил, — возразил Малыш, но Карлссон и слушать его не хотел.

— Мне нужны эти зубы, вот и все, — заявил он.

Карлссон сказал также, что ему нужна крепкая бечевка. Малыш пошел в кухню и нашел в шкафу веревку для сушки белья.

— А на что тебе она? — спросил он Карлссона.

— Я сделаю западню для воров, страшную, смертельную западню!

И он показал, где ее сделает. В узеньком тамбуре, который переходил в большую прихожую, не отделенную от него дверью.

— Именно в этом месте, — объяснил Карлссон.

В прихожей, рядом с тамбуром, стояли у стен тяжелые стулья, и Карлссон соорудил простую, но хитрую западню для воров. Он натянул низко над полом веревку, привязав ее к толстым ножкам стульев. Каждый, кто входил бы из тамбура в прихожую, должен был непременно споткнуться о веревку.

Малыш помнил, как Филле и Рулле влезли в прошлом году к ним в квартиру, надумав их обокрасть. Они проткнули стальную проволоку сквозь щель для писем и открыли замок. Наверное, на этот раз они тоже собираются проникнуть к ним в квартиру таким путем. Тогда так им и надо, пусть спотыкаются о веревку.

Малыш тихонечко захихикал. А после ему в голову пришла мысль, которая обрадовала еще больше.

— Зря я боялся, — сказал он. — Ведь Бимбо залает, разбудит весь дом, и тогда Рулле и Филле быстренько удерут.

Карлссон уставился на него с таким видом, будто не верил своим ушам.

— Стало быть, — строго заметил он, — я совершенно напрасно сделал эту западню? И ты думаешь, я на это соглашусь? Так вот, пса этого здесь не будет!

Малыш не на шутку рассердился.

— О чем ты говоришь? Что же, по-твоему, я должен сделать с собакой?

Тогда Карлссон объяснил, что Бимбо может спать эту ночь у него на крыше. Пусть себе лежит на кухонном диванчике и сопит сколько угодно, покуда хозяин филюрит. Но Малыш не соглашался. Он считал, что стыдно так поступать с Бимбо. К тому же спокойней, когда рядом собака. Придут Филле и Рулле, а она залает.

— Да, давай, испорти мне все! — с горечью сказал Карлссон. — Запрещай мне развлекаться, мешай мне все время, чтобы я не смог ни капельки ни ретировать, ни фигурить и ни филюрить, давай, давай! Главное, чтобы твоя псина лаяла и будила всех по ночам.

— Так пойми же… — начал Малыш, но Карлссон прервал его:

— Я больше не играю! Находи себе теперь другого фирюльщика, а я так больше не играю!

Когда Малыш вытащил Бимбо из корзинки, заснувший было пес недовольно заворчал.

Карлссон взлетел в воздух, унося щенка, и последнее, что Малыш увидел, были большие удивленные собачьи глаза.

— Не бойся, Бимбо! — крикнул Малыш, пытаясь утешить песика. — Я скоро приду, за тобой.

Через несколько минут Карлссон вернулся, веселый и довольный.

— Привет от Бимбо, угадай, что он сказал! «Как хорошо здесь у тебя, Карлссон. Можно, я лучше буду твоей собакой?»

— Ха-ха! Не говорил он этого!

Малыш засмеялся, потому что знал, чей Бимбо, и Бимбо знал, чей он.

— Ну вот, теперь все в порядке, — сказал Карлссон. — Сам понимаешь, раз мы с тобой добрые друзья, то один должен нет-нет да и уступать другому.

— Но всегда получается, что уступать приходится мне, — хмыкнув, ответил Малыш.

Поведение Карлссона казалось ему странным. Неужели не ясно, что в эту ночь для него лучше всего было бы лежать у себя на кухонном диванчике, закрывшись с головой!

А Бимбо должен бы лежать здесь и лаять так, чтобы дом дрожал, и пугать Филле и Рулле! А Карлссон сделал все наоборот, и ему дочти уда-

лось уверить Малыша, что так будет лучше. Между прочим, Малышу самому хотелось в это поверить, потому что в глубине души он любил приключения и его разбирало любопытство: какие проделки Карлссон задумал на этот раз?

Карлссон заторопился, ведь Филле и Рулле могут нагрянуть в любую секунду.

— Сейчас я отмочу такое, что сразу напугает их до смерти, — сообщил он. — Никакой глупой собачонки для этого не требуется, будь уверен.

Он побежал в кухню и стал рыться в шкафу. Малыш просил его не шуметь, чтобы не разбудить фрёкен Бокк, которая спала рядом в комнате Беттан. Об этом Карлссон не подумал.

— Стой на стреме у дверей! — скомандовал он. — Как перестанешь слышать «Хр-р-р-пи-пи-пи» и «Хр-р-р-аш», подавай сигнал «смываемся».

Он подумал немного и добавил:

— Знаешь какой сигнал? Начинай тогда сам храпеть изо всех сил. Вот так: «Хр-р-р-аааах, хррр-аааах!»

— А зачем?

— Затем, что если Юлле-Сказколюб проснется, то подумает, будто это храпит Домокозлючка, а если Домокозлючка — то решит, что храпит Юлле-Сказколюб. Но я, услышав «Хр-р-р-аааах!»,

пойму: это твой сигнал тревоги; кто-то проснулся. И тогда я спрячусь в шкафу. Хи-хи-хи! Кто лучший в мире шутильщик? Угадай!

— А что я буду делать, если явятся Филле и Рулле? — спросил испуганно Малыш, ведь оказаться в прихожей наедине с ворами в то время, как Карлссон будет сидеть в кухонном шкафу, ему не очень-то хотелось.

— Тогда ты опять будешь храпеть. Вот так: «Хр-р-р-хе-хе-хе! Хррр-хе-хе-хе!»

Малыш подумал, что запомнить все эти «Хр-р-р-пи-пи-пи», «хр-р-р-аш», «хр-р-р-аааах» и «хр-р-р-хе-хе-хе» так же трудно, как таблицу умножения, но обещал постараться.

Карлссон подошел к полке с полотенцами и сбросил все полотенца на пол.

— Этих полотенец не хватит, — сказал он, — но, наверное, в ванной найдется еще несколько.

— А что ты собираешься делать? — удивился Малыш.

— Мумию, — ответил Карлссон, — страшную, кошмарную, роковую мумию!

Малыш точно не знал, что такое мумия, но слышал, что это какие-то штуки, которые находили в могилах египетских фараонов. Да, это мертвые египетские короли и королевы, которые

лежат как застывшие куклы и таращат глаза. Папа как-то раз про них рассказывал. Он сказал, что эти короли и королевы набальзамированы и могут сохраняться такими, какими были при жизни. Папа говорил, что они обмотаны льняными тряпками. Но ведь Карлссон-то никакой не бальзамировщик, подумал Малыш и с удивлением спросил его:

— А *как* ты будешь делать мумию?

— Я обмотаю выбивалку для ковра. Ты обо мне не беспокойся. Иди и стой на карауле, займись своим делом, а остальное — моя забота.

И Малыш встал на караул. Он замер в коридоре, прислушиваясь к мирному храпу: «Хр-р-р-пи-пи-пи» и «хррр-аш». Но потом дядю Юлиуса начал мучить кошмар, и он вдруг как-то странно застонал: «Хррр-мммм, хррр-мммм» вместо спокойного «хр-р-р-пи-пи-пи». Малыш уже начал подумывать, не пойти ли ему на кухню за советом к лучшему в мире изучальщику храпов, как вдруг послышались быстрые шаги, потом в ловушке для воров послышался ужасный грохот и целый поток ругательств. Караул! Ясное дело, это явились Филле и Рулле! Вдобавок к ужасу Малыша «хррр-аш» все смолкло. Караул! Что ему было делать? В отчаянии он стал вспоминать

указания Карлссона, потом жалобно заканючил: «Хррр-аах», а потом так же жалобно: «Хррр-хе-хе-хе», но эти звуки вовсе не походили на храп. Он попытался еще раз:

— Хррр…

— Заткнись! — прошипел кто-то со стороны западни для воров.

И, прищурясь в темноте, Малыш увидел, как что-то толстенькое барахтается между опрокинутыми стульями и никак не может подняться. Малыш подбежал и поставил стулья, чтобы Карлссон мог встать. Но Карлссон и не подумал сказать ему спасибо. Он был зол, как шершень.

— Это все ты виноват, — прошипел он. — Разве я не велел тебе принести из ванной полотенца?

Этого он, по правде, не говорил. Бедняга забыл, что пройти в ванную нужно было через западню для воров. Но тут Малыш уже не мог ничего поделать.

Впрочем, им уже некогда было ссориться и выяснять, кто виноват, потому что они услышали, как брякнула дверная ручка в комнате фрёкен Бокк. Нельзя было терять ни секунды.

— Беги! — шепнул Малыш.

Карлссон бросился в кухню, а Малыш помчался как сумасшедший в свою комнату и плюхнулся

на постель.

Он еле-еле успел это сделать. Натянув одеяло до подбородка, он попытался издать нечто похожее на «хррр-аааx», но получалось у него неважно, он замолчал и услышал, как фрёкен Бокк вошла в комнату и приблизилась к его кровати. Он осторожно приоткрыл глаза сквозь ресницы и увидел, что она стояла в ночной сорочке, белевшей в сумерках, и испытующе смотрела на него. Он почувствовал, как у него вдруг все тело зачесалось.

— Не прикидывайся, будто ты спишь! — сказала фрёкен Бокк, но голос ее звучал не сердито. — Тебя что, тоже раскат грома разбудил? — спросила она, и Малыш промямлил:

— Да… наверное…

Фрёкен Бокк кивнула.

— Я весь день чувствовала, что будет гроза. Стояла такая духота, что мне было как-то не по себе. Но ты не бойся, — сказала она и потрепала Малыша по голове. — Гром только грохочет, а молния в городе никогда не ударит.

И она ушла. Малыш довольно долго лежал в постели, не смея пошевелиться. Но понемногу он поднялся и, стараясь не шуметь, прокрался в кухню. Его беспокоило, как там Карлссон.

Первое, что он увидел, была мумия. Пресвятой

Иеремия, как говорит дядя Юлиус, он увидел мумию! Она сидела на столике для мытья посуды, а рядом гордый, как петух, стоял Карлссон. Он светил на нее карманным фонариком, который нашел в кухонном шкафу.

— Ну, разве она не красивая? — спросил он.

«Она? Стало быть, это мумия фараонши?» — подумал Малыш.

Это была довольно толстая фараонша, потому что Карлссон обмотал вокруг ковровой выбивалки все кухонные и банные полотенца, какие только нашел. «Головку» выбивалки он превратил в лицо, натянув на нее личное полотенце, а на полотенце нарисовал два здоровенных вытаращенных черных глаза. Зубы у мумии тоже были. Настоящие зубы. Они были втиснуты в полотенце между палочками тростника, а чтобы было надежнее, Карлссон прилепил их в уголках рта мумии полосками пластыря. Хотя это и была страшная, роковая мумия, Малыш хихикнул.

— А зачем у нее лицо залеплено пластырем? — спросил он.

— Так ведь она порезалась, бреясь, — ответил Карлссон и похлопал мумию по щеке. — О-хо-хо, она до того похожа на мою мамочку, что я думаю назвать ее Мамулька.

Он взял мумию на руки и понес в прихожую.

— Вот обрадуются Филле и Рулле, увидев Мамульку, — сказал он.

КАРЛССОН ФИЛЮРИТ В ТЕМНОТЕ

Сквозь щель почтового ящика просунулась длинная стальная проволока. Увидеть ее было нельзя, в тамбуре царила темнота, но слышались отвратительный скрежет и царапанье. Да, вот они явились, Филле и Рулле.

Малыш и Карлссон сидели, скорчившись, под круглым столиком в прихожей и ждали. Малыш даже чуть-чуть вздремнул, но, как только в почтовом ящике послышалось царапанье, он вздрогнул и проснулся. Ой, они все-таки заявились! Сон в одно мгновение слетел с Малыша, от страха у него поползли по спине мурашки, но рядом в темноте тихонько захихикал довольный Карлссон:

— Хи-хи! Ха-ха!

Подумать только, что можно так легко открыть замок с помощью всего лишь стальной проволоки! Вот осторожно отворили дверь, кто-то вошел, кто-то уже оказался в тамбуре. Малыш затаил дыхание, фу, как это было ужасно! Послышался шепот, кто-то шел, крадучись… И вдруг — грохот, да еще какой! И два сдавленных крика! Потом внезапно под столом зажегся карманный фонарь

Карлссона и так же быстро погас. Но за этот короткий миг он успел осветить кошмарную роковую мумию, которая стояла, прислоненная к стене, оскалив в страшной улыбке зубы дяди Юлиуса. При этом в западне для воров раздались крики громче прежнего. Потом все смешалось. Малыш толком не мог ничего разобрать. Он слышал, как открылись двери, как мелкой рысью притрусили дядя Юлиус и фрёкен Бокк, как чьи-то ноги быстро затопали из тамбура на лестницу, как плюхнулась на пол Мамулька, которую Карлссон потянул к себе за поводок, прицепленный к ошейнику Бимбо, надетому на ее шею. Он слышал также, как фрёкен Бокк нажимала несколько раз на выключатели, пытаясь зажечь свет, который не зажигался, потому что Карлссон вывинтил в счетчике на кухне все пробки, заявив, что филюрить лучше всего в темноте. Фрёкен Бокк и дядя Юлиус стояли поэтому в темноте, не зная, что делать.

— Какая кошмарная гроза! — сказала фрёкен Бокк. — Ничего себе гремело, а? Неудивительно, что они выключили свет!

— Это в самом деле была гроза? — спросил дядя Юлиус. — А мне показалось, что-то совсем другое.

Но фрёкен Бокк утверждала, что это точно была гроза.

— А что же иначе? — удивилась она.

— Я думал, что какие-то сверхъестественные существа из сказочного мира назначили здесь свидание этой ночью.

По правде говоря, у него получилось: «ферхфефтефтенные фущестфа фказочного фира», потому что он сильно шепелявил. Ведь зубов-то он не нашел, Малыш понял это, но тут же об этом забыл. Не до того было, он думал только о Филле и Рулле. Куда они подевались? Убежали? Входная дверь в тамбуре не хлопала. Значит, они притаились где-нибудь в темноте? Может, спрятались за пальто, висевшими на вешалке? Ой, как страшно! Малыш придвинулся поближе к Карлссону.

— Только без паники! — прошептал Карлссон. — Они скоро здесь снова появятся.

— Да, эфто либо фто-либо другое, — сказал дядя Юлиус. — Уфнуть, фидно, фдефь у фаф не-фофможно.

Тут они разошлись по своим комнатам, и снова наступила тишина.

Карлссон и Малыш продолжали сидеть под столиком и ждать. Малышу казалось, что прошла целая вечность. Звуки «хрр-пи-пи-пи» и

«хррр-аш» послышались снова, правда слабые, отдаленные, но это был верный знак того, что дядя Юлиус и фрёкен Бокк погрузились в сон.

И тогда-то Филле и Рулле снова вышли на цыпочках из темноты. Они шли очень осторожно, возле западни для воров они остановились и прислушались. В темноте слышно было их дыхание. Это было ужасно. Вот они зажгли карманные фонарики, ведь у них тоже были карманные фонарики, и свет их обшаривал прихожую. Малыш закрыл глаза, ему казалось, что так он будет в большей безопасности. К счастью, скатерть свисала со стола до самого пола, и все же как легко могли Филле и Рулле найти и его, и Карлссона, и Мамульку! Малыш зажмурился и затаил дыхание. Он слышал, как Филле и Рулле шептались где-то совсем рядом.

— А ты тоже видел привидение? — спросил Филле.

— Еще бы! — ответил Рулле. — Оно стояло вот здесь у стены, а теперь его нет.

— Да, это самая заколдованная квартира во всем Стокгольме, ведь это мы уже давно поняли, — заметил Филле.

— Фу, давай сматываться отсюда, — предложил Рулле.

Но Филле с ним не соглашался:

— Ни за что! За десять тысяч крон я согласен повстречать дюжину привидений, заруби это себе на носу!

Он тихонько поднял стулья в западне для воров и отставил их в сторону. Он не хотел, чтобы они лежали на дороге, когда ему придется быстренько удирать отсюда, и подивился, что за озорники-ребятишки в этой квартире, которые заставляют посетителей спотыкаться и падать.

— Надо же, я грохнулся мордой об пол, теперь у меня будет здоровенный фонарь под глазом, — сказал он.

Луч света плясал здесь и там, и каждый раз, когда он приближался к столику, Малыш закрывал глаза и съеживался. Он изо всех сил старался поджать ноги, они казались ему огромными, не помещались под столом, а стоит им высунуться чуть-чуть, как Филле и Рулле их увидят.

Но тут он понял, что Карлссон задумал новый номер с Мамулькой. Луч света скользнул дальше, под столом стало темно, и Карлссон вытолкнул Мамульку из-под столика и прислонил ее спиной к стенке. И когда луч света упал на нее, она стояла и скалила зубы в страшной улыбке. Послышались заглушённые крики и быстрый топот ног,

бегущих в тамбур.

Тут-то Карлссон оживился.

— Пошли! — пропыхтел он на ухо Малышу и выполз из-под столика, волоча за собой Мамульку на ремешке.

Он прополз, словно ежик, по полу и исчез в комнате Малыша, который пополз вслед за ним.

— Какие темные люди, — возмутился Карлссон, закрывая дверь комнаты Малыша. — Не могут отличить мумию от привидения! Какая серость!

Он осторожно приоткрыл дверь и прислушался, вглядываясь в темную прихожую. Малыш тоже прислушался, надеясь услышать, как в тамбуре захлопнется дверь за Филле и Рулле, но дверь не хлопнула. Они оставались в квартире. Малыш слышал их тихие голоса.

— Десять тысяч крон, — сказал Филле, — не забывай это! Ты меня знаешь, я не позволю никаким привидениям меня запугать!

Наступило молчание. Карлссон напряженно прислушивался.

— Сейчас они у Юлле-Сказколюба, — сообщил он, — ха-ха, тогда мы успеем кое-что сообразить!

Он снял с Мамульки ремешок и заботливо уложил ее в кровать Малыша.

— Хейсан-хоппсан, Мамулька! Наконец-то ты

сможешь поспать, — сказал он и хорошенько укрыл ее одеялом, как укрывают на ночь детей.

Потом он сделал знак Малышу:

— Погляди-ка, разве она не симпатяга? — спросил он и посветил на нее фонариком.

Малыш вздрогнул. Она лежала, тараща на потолок страшенные черные глаза, оскалив зубы в кошмарной улыбке. Да, эта Мамулька могла испугать кого угодно. Но Карлссон с довольным видом ласково похлопал ее и натянул одеяло с пододеяльником ей на голову. Потом он взял покрывало, которое фрёкен Бокк свернула и положила на стул, когда приходила сюда пожелать Малышу спокойной ночи, и заботливо постелил его на кровать. «Это чтобы Мамулька не замерзла», — подумал, хихикая, Малыш. Теперь видно было лишь то, что на кровати лежал кто-то кругленький и толстенький.

— Хейсан-хоппсан, Малыш! — воскликнул Карлссон. — Теперь и тебе пора соснуть.

— Ты что! — испугался Малыш. — Я ни за что не лягу рядом с Мамулькой, не могу же я спать на этой кровати, когда Мамулька...

— Да нет, под кроватью.

И он быстро, как ежик, залез под кровать.

— Сейчас ты услышишь настоящий шпионский

храп, — заявил Карлссон.

— А что, шпионы храпят как-то особенно? — удивился Малыш.

— Да, они храпят так вероломно и опасно, что спятить можно. Вот так: Е-е-е-е-е-е-х!

Шпионский храп гудел то громче, то тише и переходил в ворчание.

Эти звуки в самом деле казались зловещими, наводящими ужас. Кроме того, храпел Карлссон довольно громко, и Малыш испуганно сказал:

— Тише! Ведь Филле и Рулле могут прийти сюда!

— Понятно, для того и нужен шпионский храп, — ответил Карлссон.

И в этот самый момент Малыш услыхал, как кто-то поворачивает дверную ручку. Потом приоткрылась маленькая щель, в комнату сначала проник луч света, а потом вошли на цыпочках Филле и Рулле.

Карлссон храпел грозно и коварно, а Малыш в отчаянии зажмурил глаза. Хотя делать это было и ни к чему. Его и так не было видно.

Покрывало свисало с кровати до самого пола и надежно прятало и его, и Карлссона от назойливого света фонарика и пронзительных глаз воров. Карлссон сумел и об этом позаботиться.

— Ее-е-е-е-е-х, — храпел Карлссон.

— Наконец-то мы нашли его, — тихонько сказал Филле. — Дети так не храпят, это точно. Погляди, что за толстый куль там лежит, это наверняка он и есть.

— Ее-е-е-е-е-х! — раздался злой храп. Карлссону не понравилось, что его обозвали толстым кулем, это было слышно по храпу.

— Ты приготовил наручники? — спросил Рулле. — Лучше надеть их на него, пока он не проснулся.

Покрывало зашуршало, и сразу же Филле и Рулле ахнули. Малыш понял, что они увидели на подушке оскал кошмарной роковой мумии.

Но на этот раз они не так сильно испугались, видно, уже привыкли к ней, и не вскрикнули, не побежали, а только ахнули.

— Фу ты! Да ведь это кукла… — сказал Филле, немного смутившись. — Надо же придумать такую, черт побери!

И он снова накрыл ее. Они поняли это, потому что покрывало снова опустилось.

— Но послушай-ка, — спросил Рулле, — объясни тогда мне, как эта кукла сюда попала? Она же только что была в прихожей, разве не так?

— Ты прав, — задумчиво ответил Филле. — И

кто же тогда храпел?

Но этого он узнать не успел, потому что в прихожей послышались шаги. Малыш узнал тяжелую походку фрёкен Бокк и со страхом подумал, что сейчас разразится шум посильнее грома.

Но этого не случилось.

— Быстро в шкаф! — прошипел Филле. Малыш не успел и глазом моргнуть, как Филле и Рулле оказались в его шкафу.

Карлссон не растерялся. Быстро, как ежик, он просеменил к шкафу и запер дверцу. Потом так же быстро прополз назад под кровать. А секунду спустя в комнату явилась фрёкен Бокк, почти в образе Люсии: в белой сорочке и со свечой в руке[17].

Малыш понял, что она подошла к кровати, потому что большой палец ее ноги оказался рядом с ним. И в тот же миг услышал ее строгий голос где-то над своей головой:

— Это ты, Малыш, был только что в моей комнате и светил фонариком?

— Не, не я, — ответил машинально Малыш.

— А почему ты тогда не спишь? — подозрительно спросила она. Потом добавила: — Что это

---

[17] Примечания: 17

Согласно старинной традиции, в Швеции каждый год 13 декабря выбирают Люсию — самую красивую девушку страны.

ты разговариваешь, укрывшись с головой, я не разберу, что ты говоришь!

Покрывало зашуршало, видимо, она сдернула его, как она думала, с головы Малыша. И тут же раздался дикий вой. Бедная фрёкен Бокк в отличие от Филле и Рулле еще не привыкла к кошмарным роковым мумиям, решил Малыш. Он понял, что пора выползать из-под кровати. Его все равно нашли бы, и к тому же нужно было обезвредить сидевших в шкафу Филле и Рулле. Их нужно было вытащить из шкафа, даже если для этого пришлось бы раскрыть все тайны на свете разом.

И Малыш вылез.

— Не бойтесь, — робко сказал он. — Мамулька вовсе не опасна, но... ой!.. У меня в шкафу прячутся два вора.

Фрёкен Бокк еще не опомнилась от встречи с Мамулькой. Она держалась рукой за сердце и тяжело дышала. Но, услыхав про воров в шкафу, все же разозлилась:

— Что еще за глупости ты болтаешь! Воры в шкафу, нечего пороть чушь!

Но на всякий случай она подошла к шкафу и крикнула:

— Есть тут кто-нибудь?

Ответа не последовало, и она разозлилась еще сильнее:

— Отвечайте! Есть тут кто-нибудь? Если вас там нет, так бы и говорили!

Но тут в шкафу послышался легкий шум, и она поняла, что Малыш говорит правду.

— Ах ты, храбрый мальчик! — воскликнула она. — Неужели это ты, такой маленький, запер в шкафу двух больших, сильных воров? Ах, какой же ты храбрый!

Теперь шум раздался под кроватью, и оттуда выполз Карлссон.

— А вот и нет, вовсе не он, — возмутился Карлссон. — Представь себе, это сделал я.

Он бросал злые взгляды то на фрёкен Бокк, то на Малыша.

— И учти, что я храбрый и вообще хороший, — добавил он. — И к тому же, весь такой умный, красивый и вовсе не толстый, ясно?

При виде Карлссона фрёкен Бокк пришла в ярость.

— Да ты… ты!.. — закричала она, но тут же поняла, что сейчас не время ругать Карлссона за оладьи, есть дела поважнее. Она резко повернулась к Малышу:

— Беги скорее, разбуди дядю Юлиуса, будем

звонить в полицию… Ой, мне нужно надеть халат, — добавила она, бросив испуганный взгляд на свою ночную сорочку, и помчалась в свою комнату.

Малыш тоже помчался за ней, но сначала он вырвал у Мамульки зубы, понимая, что дяде Юлиусу они нужны больше.

В спальне вовсю раздавалось: «Хррр-пи-пи-пи». Дядя Юлиус спал сладким сном, как паинька-мальчик.

Начало понемногу светать. В предрассветных сумерках Малыш разглядел стакан с водой, стоявший, как обычно, на ночной тумбочке. Он опустил туда зубы дяди Юлиуса, раздался тихий всплеск. Рядом лежали очки дяди Юлиуса и мешочек с конфетами. Малыш сунул мешочек себе в карман, чтобы отдать его Карлссону. Ведь дядя Юлиус, проснувшись, удивился бы, откуда взялся этот мешочек, а это вовсе ни к чему.

Малышу пришло в голову, что обычно на этом столике лежало еще что-то. Да, конечно, часы дяди Юлиуса и бумажник. А сейчас их там не было. Но Малыша это не касалось. Его дело было разбудить дядю Юлиуса, и он это сделал.

Дядя Юлиус проснулся и резко вскочил с постели.

— Что еще штряшлось?

Он быстро выудил из стакана свои зубы, вставил их и сказал:

— По правде говоря, я решил поскорее уехать домой в Вестерйётланд, ведь здесь просто невозможно спать... А дома я буду спать минимум шестнадцать часов подряд, вот что я тебе скажу!

«Да уж, хорошо, что я принес ему зубы», — подумал Малыш и начал объяснять дяде Юлиусу, почему было необходимо его разбудить.

И дядя Юлиус быстро направился в комнату Малыша. Малыш побежал за ним, а фрёкен Бокк выбежала им навстречу из своей спальни, и все они вместе ворвались в комнату Малыша.

— О, милый господин Янссон, у нас воры, вы только подумайте! — заголосила фрёкен Бокк.

Первое, что заметил Малыш: Карлссона в комнате не было. Малыш решил, что он улетел к себе домой. Вот и хорошо! Вот здорово! Подумать только, Филле и Рулле не увидят его, и полицейские не увидят, просто даже не верится, что так здорово вышло!

— Они в шкафу, — сказала фрёкен Бокк, и по голосу ее слышно было, что она довольна, хотя и боится. Но дядя Юлиус показал на толстый куль на кровати Малыша и спросил:

— Может, нам сначала разбудить Малыша?

Потом он с удивлением поглядел на стоящего рядом Малыша.

— Хотя, я вижу, он уже проснулся. А кто же тогда лежит на кровати?

Фрёкен Бокк вздрогнула. Она знала, кто лежит на кровати. Тут было нечто пострашнее воров.

— Что-то отвратительное, — ответила она, — что-то просто отвратительное! Поди, из сказочного мира!

Тут глаза дяди Юлиуса засияли. Ему было не страшно, нет, он даже похлопал куль, накрытый одеялом.

— Что-то толстое и отвратительное из сказочного мира на этот раз, сначала я должен на это поглядеть, а потом уж займусь ворами!

Он рывком сдернул покрывало.

— Хи-хи! — сказал Карлссон с восторгом и сел в постели. — Подумать только, это вовсе не кто-то из сказочного мира, а всего лишь моя скромная персона. Вот это номер, не правда ли?

Фрёкен Бокк вперила в Карлссона злобный взгляд, а дядя Юлиус был сильно разочарован.

— Никак этот мальчишка у вас тут и по ночам обретается? — спросил он.

— Да, хотя я непременно сверну ему шею, —

сказала фрёкен Бокк, — но только сейчас мне недосуг.

Она со страхом схватила дядю Юлиуса за руку.

— Милый господин Янссон, мы должны позвонить в полицию!

Но в этот момент случилось нечто неожиданное. В шкафу раздался грубый голос:

— Отворите, именем закона! Полиция!

Фрёкен Бокк и дядя Юлиус искренне удивились, но Карлссон рассердился:

— Полиция!.. Это вы вкручивайте кому-нибудь другому, жулики паршивые!

Тогда Филле крикнул из шкафа, что их строго накажут, раз они посмели запереть полицейских, которые пришли арестовать опасных шпионов.

«Хитро они придумали», — подумал Малыш.

— Так что извольте отворить! — крикнул Филле.

Дядя Юлиус послушно пошел и отворил шкаф. Оттуда вылезли Филле и Рулле, и вид у них был злой и строгий, прямо как у настоящих полицейских, а дядя Юлиус и фрёкен Бокк не на шутку испугались.

— Как же это вы полицейские, а не в форме? — с сомнением спросил дядя Юлиус.

— Так ведь мы из тайной полиции, полиции

безопасности, — ответил Рулле.

— И пришли, чтобы схватить вот его, — и он указал на Карлссона. — Это опасный шпион!

Но тут фрёкен Бокк разразилась громогласным хохотом:

— Шпион? Это он-то? Да что вы! Это один из озорных соучеников Малыша!

Карлссон соскочил с кровати.

— И к тому же лучший ученик в классе, — поторопился добавить он, да, потому что умею шевелить ушами… ну и… и, понятно, умножать!

Но Филле этому не поверил. Он достал наручники и с грозным видом направился к Карлссону, но стоило ему подойти поближе, как Карлссон сильно пнул его по щиколотке. Филле длинно выругался и заплясал на одной ноге.

— Вот, теперь у тебя будет синяк, — весело сказал Карлссон.

А Малыш подумал, что ворам достается немало синяков. Ведь у Филле под глазом уже был здоровенный синяк и весь глаз заплыл. «Так ему и надо, — решил он, — раз он явился сюда, чтобы украсть Карлссона и продать его за десять тысяч крон. Паршивые воры, пусть хоть ходят в синяках!»

— Да они вовсе не полицейские, а воры, — вос-

кликнул он, — я это точно знаю.

Дядя Юлиус озадаченно почесал затылок.

— Придется это выяснить, — заявил он.

Он предложил всем сесть в гостиной и обсудить, воры Филле и Рулле или нет.

Стало уже почти светло. В окне гостиной было видно, что звезды на небе поблекли, занимался новый день. Малышу хотелось поскорее лечь в постель, а не сидеть и слушать, как врут Филле и Рулле.

— Неужели вы не читали в газете, что над Васастаном летает шпион? — спросил Рулле и вытащил из кармана газетную вырезку.

Но дядя Юлиус посмотрел на него с презрением.

— Нечего верить чепухе, которую пишут в газетах, — сказал он. — Хотя, пожалуйста, я могу прочесть это еще раз. Погодите, я сейчас принесу свои очки!

Он исчез в спальне, но скоро вернулся, страшно сердитый.

— Хороши полицейские! — закричал он. — Вы стянули у меня бумажник и часы. А ну-ка, верните мне их, будьте любезны!

Но Филле и Рулле тоже ужасно рассердились. Рулле заявил, что обвинять полицейских в краже

бумажника и часов опасно.

— Разве вы не знаете, что это оскорбление достоинства? — заявил Филле. — А за оскорбление достоинства полицейских можно угодить в тюрьму. Ясно вам?

Видно, Карлссон что-то вспомнил, потому что вдруг заторопился.

Как и дядя Юлиус, он бросился из комнаты и так же быстро вернулся, шипя от злости.

— А мой мешочек с конфетами! — завопил он. — Кто его взял?

Филле бросил на него грозный взгляд:

— Так ты и в этом нас обвиняешь?

— Вот еще! Спятил я, что ли? — ответил Карлссон. — Чтобы вы обвинили меня в ослаблении достоинства? Ну уж нетушки! Я хочу только сказать, что тот, кто взял мои конфеты и сейчас же не вернет мне их, получит фонарь под вторым глазом.

Малыш поспешил выудить из кармана мешочек.

— Вот он, — сказал он, отдавая Карлссону конфеты, — я их специально хранил для тебя.

Тут пришла очередь Филле презрительно ухмыляться:

— Вот-вот, сами видите! Сваливаете на нас все,

это вам даром не пройдет!

Фрёкен Бокк до этого сидела молча, но тут не утерпела и решила помочь следствию:

— Уж я-то знаю, кто стащил часы и бумажник. Он только и знает, что красть все подряд: булочки, оладьи, все, что попадется под руку.

Она указала на Карлссона, а тот пришел в ярость:

— Да как ты смеешь! Это ослабление достоинства. Ты не знаешь, что это опасно, глупая ты женщина!

Но фрёкен Бокк было наплевать на Карлссона. Сейчас ей нужно было серьезно поговорить с дядей Юлиусом. Вполне возможно, что эти люди были из тайной полиции, ведь выглядели они вполне прилично, хорошо одеты и так далее. Фрёкен Бокк думала, что воры непременно должны быть оборванцами, в одежде с заплатками. Хотя она в жизни не видала ни одного взломщика.

Филле и Рулле были рады и счастливы. Филле сказал, что он с самого начала понял, какая она умная и во всех отношениях замечательная дама, что он счастлив познакомиться с ней. Он повернулся к дяде Юлиусу, чтобы получить подтверждение своим словам:

— Не правда ли, она довольно-таки мила, как

вы считаете?

Похоже, дядя Юлиус раньше так не думал, но теперь ему ничего не оставалось, как согласиться. А фрёкен Бокк опустила глаза и сильно покраснела.

— Да, она мила, как гремучая змея, — пробормотал Карлссон.

Он сидел в углу рядом с Малышом и с хрустом грыз карамельки, когда же мешочек опустел, он подпрыгнул и начал скакать по комнате, словно играя. На самом же деле он, пританцовывая, приблизился вплотную к спинке стульев, на которых сидели Филле и Рулле.

— Такую милашку хотелось бы еще раз встретить, — сказал Филле, а фрёкен Бокк еще сильнее залилась краской и снова опустила глаза.

— Да, да, милашка, симпатяшка — это все, конечно, прекрасно, — нетерпеливо перебил его дядя Юлиус, — однако я хочу знать, куда подевались мои часы и бумажник!

Филле и Рулле, казалось, не расслышали, что он сказал. Между прочим, Филле был в таком восторге от фрёкен Бокк, что на все остальное ему было наплевать.

— И внешность у нее симпатичная, не правда ли, Рулле? — спросил он тихо, но так, чтобы фрё-

кен Бокк услыхала его слова. — Красивые глаза… и очаровательный симпатичный носик, на такую можно рассчитывать и в бурю, и в ненастье, не правда ли, Рулле?

Тут фрёкен Бокк подпрыгнула на стуле и страшно вытаращила глаза.

— Что, что? — закричала она. — Что вы сказали?

Филле даже растерялся.

— Да я, я сказал только… — Но фрёкен Бокк помешала ему договорить.

— Вот как, стало быть, вас зовут Филипп, — рявкнула она и улыбнулась зловеще, почти как Мамулька, по крайней мере так показалось Малышу.

Филле удивился:

— А откуда вы это знаете? Вы что-нибудь слыхали про меня?

Фрёкен Бокк мрачно кивнула:

— Еще бы! Святой пророк Моисей, еще бы я не слыхала! А это тогда, верно, Рудольф? — спросила она, указывая на Рулле.

— Да, но как вы это узнали? Может, у нас есть общие знакомые? — спросил Филле удивленно и радостно, надеясь услышать приятный ответ.

Фрёкен Бокк снова кивнула с мрачным видом:

— Да, представьте себе! Фрёкен Фрида с Фрейгатан, я надеюсь, вы с ней знакомы? У нее симпатичный носик, и рассчитывать на нее можно в бурю и ненастье, точно так же, как на меня, не правда ли?

— Хотя твой носик — вовсе не симпатичная картофелина, а огурец с хрящом посередине, — вмешался Карлссон.

Очевидно, носики мало интересовали Филле, потому что его веселой улыбки как не бывало. Он понял, и Рулле тоже, что пора отсюда смываться. Но у них за спиной стоял Карлссон. И тут вдруг прогремел выстрел, отчего Филле и Рулле прямотаки подскочили.

— Не стреляй! — завопил Филле.

Карлссон приставил к его спине палец, а Филле думал, что это револьвер.

— Выкладывай часы и бумажник! — крикнул в ответ Карлссон. — А не то выстрелю!

Филле и Рулле пошарили у себя по карманам, и часы вместе с бумажником вмиг полетели на колени к дяде Юлиусу.

— Подавись ими, толстяк! — крикнул Филле, и оба приятеля опрометью помчались к двери, где уже никто их больше не задерживал.

А фрёкен Бокк помчалась за ними. Она пресле-

довала их в прихожей и в тамбуре, а когда они бежали вниз по лестнице, завопила им вслед:

— Теперь Фрида все узнает о вас! Святой пророк Моисей, вот она обрадуется!

Скакнув вниз на несколько ступенек, словно собираясь догонять их, она снова закричала:

— Только посмейте еще хоть раз сунуться на Фрейгатан, кровью умоетесь! Слышите, что я сказала… кро-о-овью!

КАРЛССОН ОТКРЫВАЕТ ДЯДЕ ЮЛИУСУ СКАЗОЧНЫЙ МИР

После ночных приключений с Филле и Рулле Карлссон разошелся вовсю.

— А вот и я, лучший в мире Карлссон! — с этим криком влетал он каждое утро к Малышу в комнату и будил его.

Каждое утро он начинал с того, что вытаскивал из горшка персиковую косточку, чтобы осмотреть, насколько она проросла. Затем принимался летать взад и вперед перед зеркалом, висевшим над письменным столиком Малыша. Зеркало было небольшое, и Карлссону приходилось мельтешить туда-сюда, чтобы хорошенько разглядеть себя. Весь он в зеркале не помещался.

Летая, он мурлыкал песенку о самом себе, которую сам придумал:

«Лучший в мире Карлссон… та-ра-ра-ра-та-ра-ра… стоит десять тысяч… всех воров пугает черным левольвером… зеркало дрянное… очень плохо видно… Карлссона-красавца, лучшего на свете… упитанного в меру… просто мирового…»

И Малыш был с ним согласен. Он считал, что

Карлссон просто мировой. И, как ни странно, даже дядя Юлиус тоже был от него в большом восторге. Ведь это Карлссон спас его бумажник и часы. Об этом дядя Юлиус не забывал. А фрёкен Бокк по-прежнему вредничала, но Карлссону было на это наплевать, главное, что кормили его вовремя.

— Если не будете меня кормить, я с вами не играю, — строго сказал он.

Фрёкен Бокк меньше всего на свете хотела, чтобы Карлссон здесь обретался, но что она могла поделать, когда Малыш и дядя Юлиус были на его стороне. Каждый раз, когда Карлссон врывался в кухню и плюхался за стол вместе со всеми, фрёкен Бокк ворчала, но помешать этому не могла, и он продолжал сидеть где сидел.

Он начал так вести себя после ночной истории с Филле и Рулле. Решил, что такому герою, как он, даже самая злая Домокозлючка не смеет ни в чем отказать.

Видно, Карлссон немного устал от ночных приключений, ведь не так-то просто изучать храпы, прятаться, ползти крадучись, стрелять и так далее.

На следующий день он прилетел в комнату Малыша лишь к обеду и сразу стал принюхиваться,

не потянет ли чем-нибудь вкусным из кухни.

Малыш тоже спал долго, несколько раз просыпался и снова засыпал, а Бимбо примостился рядом с ним в кровати. Да, не удивительно, что после ночных сражений с ворами захочешь выспаться, и он едва успел проснуться перед появлением Карлссона. Малыша разбудили какие-то странные кошмарные звуки, доносившиеся из кухни. Это пела во все горло фрёкен Бокк. Малыш слышал ее пение в первый раз и надеялся, что она скоро замолчит, потому что пела она ужасно. По непонятной причине настроение у нее в этот день было отличное. Утром она навестила Фриду на Фрейгатан. Возможно, именно это и придало ей бодрость духа, потому что голос ее гудел на весь дом.

— Ах, Фрида, — пела она, — так будет лучше для тебя…

Но что именно будет лучше для Фриды, никто так и не узнал, потому что в этот самый момент в кухню ворвался Карлссон и закричал:

— Хватит! Замолчи! Ты так вопишь, что люди подумают, будто я тебя луплю!

Фрёкен Бокк замолчала и с кислым видом поставила на стол гуляш. Пришел дядя Юлиус, все уселись за стол и принялись за еду, обсуждая за-

одно ночные приключения. Малышу показалось, что настроение у всех приподнятое. Карлссон был доволен едой и похвалил фрёкен Бокк, решив подбодрить ее:

— Иногда гуляш у тебя случайно получается.

Фрёкен Бокк ему не ответила. Она судорожно глотнула и поджала губы.

Шоколадный пудинг, который она подала на десерт, Карлссону тоже понравился. Не успел Малыш съесть и ложку, как тарелка Карлссона опустела.

— Ничего не скажешь, вкусный пудинг. Но бывает кое-что повкуснее! — сказал он.

— А что это такое? — спросил Малыш.

— Две порции пудинга, — ответил Карлссон и схватил еще одну порцию. И фрёкен Бокк осталась без пудинга, потому что она приготовила всего четыре порции. Карлссон увидел, что она недовольна, и предостерегающе поднял палец:

— Не забывай, что за этим столом сидят некоторые толстые личности, которым не мешает похудеть. Точнее, два человека, имен я называть не буду. Но это, конечно, не я и не этот маленький доходяга, — добавил он, показывая на Малыша.

Фрёкен Бокк еще сильнее поджала губы и снова промолчала. Малыш со страхом поглядел на дядю

Юлиуса, но тот, ясное дело, ничего не слышал. Он вовсю ругал полицию, от которой в этом городе мало толку. Ведь он звонил им и сообщил о краже со взломом, но это было бесполезно. Они сказали, что им надо сначала разобраться с другими тремястами пятнадцатью кражами. И к тому же они пожелали знать, что было украдено в квартире Свантессонов.

— Но тут я им объяснил, — поведал дядя Юлиус, — что благодаря очень храброму и находчивому маленькому мальчику воры убрались ни с чем.

И он одобрительно посмотрел на Карлссона. Карлссон приосанился, глянул на всех гордо, как петух, и, торжествуя, подтолкнул фрёкен Бокк.

— Ну, что ты теперь скажешь? Лучший в мире Карлссон пугает воров левольвером! — воскликнул он.

Но дяде Юлиусу этот револьвер тоже внушал опасение. Разумеется, он был рад и благодарен за то, что ему вернули бумажник и часы. Но все же, по его мнению, маленьким мальчикам не следует играть с огнестрельным оружием. И когда Филле и Рулле опрометью бросились бежать вниз по лестнице, Малышу пришлось долго убеждать дядю Юлиуса, что Карлссон напугал воров игру-

шечным пистолетом.

После обеда дядя Юлиус пошел в гостиную выкурить сигару. Фрёкен Бокк принялась за мытье посуды. Видно, даже Карлссон не смог надолго испортить ей настроение, потому что она снова затянула свою песенку:

— Ах, Фрида, так будет лучше для тебя!

Но тут она обнаружила, что вытирать посуду было нечем, все полотенца исчезли. И она снова разозлилась.

— Кто может мне сказать, куда подевались все полотенца? — сказала она и обвела кухню грозным взглядом.

— *Кое-кто* может сказать, а именно лучший в мире находильщик полотенец, — ответил Карлссон. — Тебе бы надо спрашивать у него про все, чего ты не знаешь, дурашка!

Он помчался в комнату Малыша и принес такую груду полотенец, что его самого не было видно. Все полотенца были грязные, покрытые пылью, и фрёкен Бокк разозлилась еще сильнее.

— Это *почему же* они так измазаны? — закричала она.

— Потому что их взяли напрокат в сказочный мир, — ответил Карлссон. — А там, знаешь ли, под кроватями никогда не пылесосят.

Дни бежали. Мама с папой прислали открытку. Путешествие у них было прекрасное, они надеялись, что Малыш тоже не скучает, что дядя Юлиус здоров и что ему приятно находиться в компании с Малышом и фрёкен Бокк.

Про Карлссона, который живет на крыше, в письме ничего не упоминалось, и это ужасно рассердило его.

— Будь у меня пять эре на марку, уж я сочинил бы им письмецо! — заявил он. — Я бы им написал: «Вот так справедливость! Вам нет дела до Карлссона, вы не интересуетесь, хорошо ли ему в компании Домокозлючки, хотя на нем лежит весь дом, он пугает воров левольвером, находит пропавшие полотенца, приглядывает за Домокозлючкой и все такое прочее».

Малыш радовался, что у Карлссона не было пяти эре, ему не хотелось, чтобы мама с папой получили такое письмо. Малыш опустошил свою свинку-копилку и отдал Карлссону все деньги, но Карлссон успел уже их истратить и сейчас ужасно злился.

— Ну разве это не безобразие! — возмущался он. — Я стою десять тысяч крон, а не имею даже пяти эре на марку. Как ты думаешь, дядя Юлиус не захочет купить мои большие пальцы на ногах?

Малыш ответил, что наверняка не захочет.

— Но ведь он от меня в восторге! — пытался напомнить Карлссон.

Но Малыш все-таки не одобрил эту затею, и рассерженный Карлссон улетел к себе на крышу и вернулся назад лишь когда Малыш просигналил ему, что пора ужинать.

Малыш, прочитав письмо мамы и папы, решил, что они беспокоятся, уживаются ли дядя Юлиус и фрёкен Бокк в одной квартире. Но беспокоиться им не стоило. Похоже было, что дяде Юлиусу вполне подходила компания фрёкен Бокк. Малыш замечал, что им все больше и больше нравилось беседовать друг с другом. Они часто сидели вдвоем в гостиной, и Малыш слышал, как дядя Юлиус рассказывал ей о сказочном мире, еще о многом другом, а фрёкен Бокк отвечала ему любезно и вежливо, что было на нее вовсе не похоже. Под конец Карлссон что-то заподозрил. Дело в том, что фрёкен Бокк стала запирать выдвижную дверь между гостиной и прихожей. Такая дверь имелась в квартире давно, но никто в семье Свантессонов ею не пользовался. Возможно, потому, что однажды, когда Малыш был еще совсем маленький, он запер эту дверь на задвижку и никак не мог выйти из гостиной.

После этого мама решила, что вполне достаточно портьеры. Но вот однажды, когда фрёкен Бокк пила с дядей Юлиусом вечером кофе в гостиной, она вдруг вздумала запереть дверь. Дядя Юлиус это одобрил. И когда туда заявился Карлссон, дядя Юлиус сказал, что мальчикам нужно играть где-нибудь в другом месте и не мешать взрослым спокойно пить кофе.

— И я тоже хочу кофе, — с упреком ответил ему Карлссон. — А ну, несите сюда кофе и дайте мне сигару, нечего задаваться!

Но дядя Юлиус выставил его, а фрёкен Бокк весело засмеялась. Наконец-то она была отомщена.

— Этого я не стану терпеть, — заявил Карлссон. — Я им покажу!

На следующее утро, когда дядя Юлиус пошел к доктору, а фрёкен Бокк отправилась на рынок, что на площади Хёторьет, купить салаки, в комнату к Малышу влетел Карлссон, держа в руке дрель. Малыш видел ее на стене в домике Карлссона и удивился, не понимая, зачем она ему понадобилась. Но в этот момент хлопнула крышка почтового ящика, и Малыш побежал посмотреть почту. На коврике в тамбуре лежали две открытки: одна от Буссе и одна от Беттан. Малыш очень обрадовался и стал внимательно

их читать. Когда он прочитал их, Карлссон тоже закончил свою работу. Он просверлил довольно большую дырку в выдвижной двери.

— Ты что, Карлссон? — испуганно спросил Малыш. — Дырки сверлить нельзя... Зачем ты это сделал?

— Смотреть, что они там делают, понятно!

— Фу, как тебе не стыдно! Мама говорит, что подглядывать в замочную скважину нельзя.

— Умная у тебя мама! — сказал Карлссон. — Она права, замочные скважины для замочных ключей, само название говорит об этом. А это совсем другое, дырка для подглядывания. Понятно, для чего такие дырки, ты ведь у нас толковый... да, да, — добавил он, не давая Малышу ответить.

Он вытащил изо рта жевательную резинку и заклеил дырку, чтобы ее не было видно.

— Ха-ха! — сказал он. — Давно не было у меня веселого вечера, но сегодня мы повеселимся.

И Карлссон улетел домой, прихватив свою дрель.

— У меня еще кое-какие дела, — объяснил он. — Но я вернусь, как только запахнет жареной салакой.

— А что за дела? — спросил Малыш.

— Да напишу открыточку по-быстрому, у меня,

по крайней мере, будут деньги на марку, — сказал Карлссон и улетел.

Но он и вправду вернулся, как только запахло жареной салакой. И за обедом настроение у него было отличное. Он вынул из кармана пятиэровую монетку и сунул ее в руку фрёкен Бокк.

— Вот тебе небольшое поощрение, — сказал он, — купи себе какую-нибудь дребедень вроде бус или еще что-нибудь.

Фрёкен Бокк отшвырнула монетку.

— Я тебя сейчас так отдребеденю, — пригрозила она, но тут явился дядя Юлиус, а при нем она не захотела дребеденить Карлссона.

— Ха! При Юлле-Сказколюбе она сразу становится такой ласковой кисонькой, — сказал позднее Карлссон Малышу. — Я по своей доброте сделаю последнюю попытку, а после начну их ретировать безо всякой жалости.

Фрёкен Бокк и дядя Юлиус к этому времени уже уселись в гостиной, чтобы, по обыкновению, выпить по чашечке кофе наедине.

К удивлению Малыша, Карлссон вытащил из нагрудного кармана сигару, зажег ее и постучал в выдвижную дверь. Никто не ответил ему: «Войдите!» Но он вошел, пуская изо рта сигарный дым.

— Прошу прощения, я вижу, здесь у вас курил-

ка, может, и мне позволите здесь покурить?

Тут дядя Юлиус по-настоящему рассвирепел. Он отнял у Карлссона сигару, сломал ее пополам и сказал, что если еще хоть раз увидит его с сигарой во рту, то задаст такую трепку, что тот запомнит на всю жизнь, и вообще запретит Карлссону играть с Малышом.

Нижняя губа Карлссона задрожала, глаза наполнились слезами, он ухитрился даже не сильно, но больно пнуть дядю Юлиуса ногой.

— А я-то столько дней по-доброму к тебе относился, эх ты, дурашка! — воскликнул Карлссон, глядя с презрением на дядю Юлиуса.

Но дядя Юлиус вытолкал его из гостиной и захлопнул дверь. Слышно было, как щелкнула задвижка.

— Видишь сам, — сказал Карлссон Малышу, — придется ретировать, ничего не поделаешь.

Потом он постучал кулаком в дверь и крикнул:

— А еще ты сломал мою дорогую сигару, дурашка!

Карлссон сунул руку в карман и чем-то звякнул. Похоже, что это бренчали монетки, целая куча пятиэровиков.

— Хорошо еще, что я богатый, — заявил он, и это встревожило Малыша.

— Откуда у тебя столько денег?

Карлссон подмигнул ему с таинственным видом:

— Узнаешь об этом завтра.

Малыш испугался еще сильнее. Подумать только, а вдруг он стянул где-нибудь эти деньги? Тогда он не лучше Филле и Рулле. Неужели он способен не только филюрить? Малыш призадумался. Но времени на размышления уже не оставалось, потому что Карлссон тихонько и осторожно отлепил жвачку от дверной дырочки.

— Порядок, — сказал он и заглянул в дырочку.

Но тут же попятился, словно увидел что-то ужасное.

— Ну и бессовестные же они! — воскликнул он.

— А что они делают? — с любопытством спросил Малыш.

— Я бы тоже хотел это знать, — ответил Карлссон. — Но они, паршивцы, взяли и пересели!

Дядя Юлиус и фрёкен Бокк сидели обычно на маленьком диванчике, а теперь пересели на другой диван, поближе к окну. И, по мнению Карлссона, это с их стороны было большое свинство. Будь у них хоть капля совести, они бы остались сидеть там, где их хорошо видно в дырочку, считал он.

Бедный Карлссон опустился на скамеечку в прихожей и печально уставился в одну точку. В первый раз он пал духом. Его хитроумная затея с дырочкой в двери провалилась. Какая досада!

— Пошли! — сказал он наконец. — Давай пороемся в твоем барахле. Может, найдем там какие-нибудь штучки-дрючки для ретирования.

Карлссон долго рылся в ящиках стола и в шкафу Малыша, но для ретирования ничего подходящего найти не мог. Вдруг он засвистел и вытащил откуда-то длинную стеклянную трубку, из которой Малыш обычно стрелял горошинами.

— Вот подходящая штучка, — весело сказал Карлссон, — теперь бы найти еще какую-нибудь дрючку!

И он нашел отличную — резиновую оболочку для воздушного шарика.

— Хейсан-хоппсан! — выпалил Карлссон; дрожащими от волнения пухленькими ручонками он нацепил шарик на стеклянную трубку, потом приставил трубку ко рту и надул шарик. Увидев безобразное лицо, нарисованное черной краской на желтом воздушном шарике, он в восторге захихикал. Чем дольше Карлссон надувал шар, тем огромнее становилось лицо.

— Наверно, это лицо человека, которое мы ви-

дим на луне, — предположил Малыш.

— Пусть будет что угодно, — ответил Карлссон. — Главное, что им можно ретировать.

Все получилось отлично. Просто отлично, хотя Малыш так смеялся, что чуть было не испортил все дело.

— Ха-ха! — сказал Карлссон и просунул осторожно в дырку стеклянную трубку с резиновой оболочкой. Потом он стал дуть изо всех сил, а Малыш стоял рядом и хихикал. Ах, как ему хотелось сидеть сейчас на диванчике рядом с фрёкен Бокк и дядей Юлиусом и вдруг увидеть, как лунный человек надувается и во всем своем величии предстает не на небе, где ему положено светить, а в полумраке комнаты. В это время года нет даже ночью полной темноты, но в сумерках гостиной эта заблудившаяся луна покажется страшной и жутко-волшебной.

— Я должен повыть, как привидение, — сказал Карлссон. — Подуй-ка пока в трубку, чтобы из луны не вышел воздух!

Малыш приставил трубку ко рту и стал послушно дуть, а Карлссон тем временем выл и стонал на все лады.

Ясно, теперь те двое в гостиной подпрыгнули от ужаса, увидев наконец лунного человека, по-

тому что там вдруг послышался громкий крик, которого так нетерпеливо ждал Карлссон.

— Кричите, кричите, — обрадовался Карлссон, а потом шепнул: — Сейчас мы вовсю повеселимся!

Он выпустил воздух из шарика. Послышался тихий свист, и шарик превратился в дряблый резиновый мешочек, который Карлссон поспешно вытащил из дырки. Потом он так же быстро заклеил дырку новым куском жвачки и, семеня ножками, как ежик, юркнул под столик в прихожей, где они уже прятались раньше. Малыш бросился за Карлссоном и тоже залез под столик.

Спустя минуту они услышали, как щелкнула задвижка, дверь раздвинулась, и фрёкен Бокк высунула голову в переднюю.

— Конечно, это проделки детей! — сказала она.

Но стоявший за ней дядя Юлиус категорически не согласился.

— Сколько раз я должен повторять, что сказочный мир полон волшебных обитателей. Ведь только волшебные существа способны проникать сквозь запертые двери, неужели ты не можешь это понять?

Фрёкен Бокк тут же покорно согласилась с дядей Юлиусом, сказав, что она хорошенько подумала и поняла, что он прав. Но, видно, фрёкен

Бокк не собиралась позволять никаким сказочным существам портить ей кофепитие с дядей Юлиусом. Ей тут же удалось уговорить его снова усесться на диванчик. А Карлссон и Малыш остались одни в прихожей и могли любоваться лишь запертой дверью.

— Да уж, можно было бы придумать что-нибудь повеселее, — сказал Малыш. И Карлссон с ним согласился.

В эту самую минуту зазвонил телефон. Малыш взял трубку. Какая-то тетенька попросила позвать к телефону фрёкен Бокк. Малыш понял, что звонит Фрида с Фрейгатан, и злорадно ухмыльнулся. Ведь теперь у него был повод беспокоить фрёкен Бокк. И хотя он был добрый мальчик, возможность позлить фрёкен Бокк его обрадовала.

— Вас к телефону, фрёкен Бокк! — крикнул он и громко постучал в дверь.

Но он напрасно старался.

— Скажи, что я занята! — ответила фрёкен Бокк.

Ни волшебные существа и никакие Фриды не могли оторвать ее от кофепития с дядей Юлиусом. Малыш подошел к телефону и передал Фриде ответ фрёкен Бокк. Но тут Фрида непременно пожелала узнать, чем это занята ее сестра, когда

можно будет ей позвонить и так далее. Под конец Малыш сказал:

— Лучше всего спросите ее сами об этом завтра утром.

Он положил трубку и обнаружил, что Карлссон опять куда-то исчез. Малыш бросился на поиски и нашел его в кухне. Точнее, у раскрытого окна на подоконнике. Оседлав мамину любимую половую щетку, здесь собралась взлететь не то маленькая ведьма, не то колдунья. На голове у нее был платок, на плечах цветастый ведьмин балахон — старая бабушкина кофта, которую та, уезжая, забыла в кухонном шкафу.

— Что ты, Карлссон, — испугался Малыш, — ни к чему тебе летать, ведь дядя Юлиус увидит тебя.

— Это никакой не Карлссон, — ответил Карлссон загробным голосом. — Это скрагга, дикая и ужасная!

— Скрагга? — удивился Малыш. — А что это такое? Ведьма?

— Да, только еще пострашнее! Скрагги гораздо опаснее для людей. Стоит их раздразнить, как они тут же нападают!

— Но ведь… — начал было Малыш.

— Они опаснее всех в сказочном мире, — объяснил Карлссон. — Я знаю, у кого сейчас при виде

скрагги волосы встанут дыбом!

И вот в синих волшебных сумерках июньского вечера к небу взмыла скрагга. Малыш стоял, не зная, что ему делать, но вскоре догадался и помчался в комнату Буссе. Оттуда он мог наблюдать за полетом скрагги не хуже, чем дядя Юлиус и фрёкен Бокк из гостиной.

В комнате было душно, Малыш распахнул окно, выглянул и увидел, что окно в гостиной тоже было открыто в июньскую ночь, в сказочный мир! А дядя Юлиус и фрёкен Бокк сидели, бедняги, не подозревая, что на свете есть скрагги!

Эта парочка сидела близко от Малыша, и он слышал, как они разговаривали, хотя, слов не разбирал. Жаль, что ему не видны были их лица!

Но скраггу он видел. Подумать только, ведь если бы он не знал, что это всего лишь Карлссон, то, верно, кровь застыла бы у него в жилах. Это уж точно. Ведь летающая скрагга по-настоящему могла испугать людей до смерти. «Тут и в самом деле можно поверить в сказочный мир», — подумал Малыш.

Скрагга пролетела несколько раз мимо окна гостиной и заглянула внутрь. То, что она там увидела, поразило и возмутило ее, потому что она укоризненно покачала головой. Малыша в

соседнем окне она не заметила, и он не посмел окликнуть ее, но стал вовсю размахивать руками. Тогда скрагга его увидела. Она помахала ему в ответ, и ее черное лицо осветила широкая улыбка.

Малыш решил, что дядя Юлиус и фрёкен Бокк еще не заметили скраггу, потому что они продолжали мирно беседовать. Но вдруг тишину летнего вечера прорезал крик. Это кричала скрагга. Ой, как кричала она! Да, наверное, так и кричат скрагги, потому что Малыш в жизни такого крика не слышал, похоже было, что кричали действительно из сказочного мира.

Голоса в гостиной затихли, наступила тишина.

Но вот скрагга вихрем влетела в комнату, где ее ждал Малыш. Вмиг она сорвала платок и бабушкину кофту, вытерла испачканное сажей лицо занавеской Буссе, и вот вместо скрагги в комнате оказался Карлссон. Он быстренько запихал свой наряд и щетку под кровать Буссе.

— Знаешь что, — повернувшись к Малышу, — сказал Карлссон. — Надо, чтобы закон запретил старым людям так себя вести.

— Это почему? Что они делали? — спросил Малыш.

Карлссон сердито покачал головой:

— Он держал ее за руку! Сидел и держал ее за

руку! Это ее-то, Домокозлючку! Что ты мне за это дашь?

Карлссон уставился на Малыша, словно ждал, что Малыш сейчас от удивления упадет в обморок. Но этого не случилось, и Карлссон прорычал:

— Ты что, не слышишь, что я говорю? Они сидели и держали друг друга за руки, ну и чудаки!

КАРЛССОН СТАНОВИТСЯ ПЕРВЫМ В МИРЕ БОГАЧОМ

Настал день, который Малыш никогда не забудет. Удивительно, он проснулся очень рано сам, а не от криков лучшего в мире Карлссона. Малыш быстро выскочил в тамбур, чтобы взять газету и посмотреть комиксы — истории в картинках, пока ее не отберет дядя Юлиус.

Но в это утро разглядывать комиксы ему не пришлось. Бедный Малыш! Он успел взглянуть лишь на первую страницу газеты. Там красовался огромный заголовок, при виде которого у него на лбу выступил холодный пот:

ЗАГАДКА РАЗГАДАНА. ЭТО БЫЛ НЕ ШПИОН.

Под заголовком была помещена фотография моста Вестербрун, а над мостом… да, в этом не было никакого сомнения, парил Карлссон. Там был еще один снимок крупным планом, на котором Карлссон широко улыбался и показывал свой пропеллер и стартовую кнопку на животе.

Малыш начал читать статью. Он читал и плакал.

«Вчера в нашей редакции побывал удивительный посетитель. К нам пришел „красивый, чертовски умный и в меру упитанный мужчина“, как он себя аттестовал, и попросил награду в десять тысяч крон. Он заявил, что является той самой летающей загадкой Васастана и что он вовсе никакой не шпион, чему мы поверили. „Я шпионю только за такими, как Юлле-Сказколюб и Домокозлючка“, — объяснил он. Это прозвучало по-детски невинно, и, насколько мы могли понять, этот „шпион“ не кто иной, как маленький, но невероятно толстый школьник, „лучший ученик в классе“, по его утверждению. Но у этого мальчика есть нечто такое, чему может позавидовать каждый ребенок, а именно — маленький моторчик и пропеллер, с помощью которого он может летать. Вы это сами можете увидеть на снимке. Мальчик утверждал, что моторчик сконструирован лучшим в мире изобретателем, но отказался подробно рассказать об этом. Мы сказали ему, что этот изобретатель мог бы стать мультимиллионером, если бы занялся

массовым производством таких моторчиков. Но мальчик на это ответил: „Нет уж, спасибо! Не хватало, чтобы летающие мальчики заполонили все небо, достаточно и нас двоих с Малышом!“»

Тут Малыш все же улыбнулся. Подумать только, Карлссон хочет летать только с ним, и больше ни с кем! Но потом он всхлипнул и продолжал читать:

«Нужно признать, что этот мальчик несколько необычен. Он болтал как-то бессвязно, на вопросы отвечал странно и даже не пожелал сказать, как зовут его родителей. „Мамулька у меня — мумия, а папашка — Йон Плунт“ — это все, что мы могли вытянуть из него. Плунт напоминает что-то английское. Возможно, отец мальчика — англичанин. Во всяком случае, как мы поняли из болтовни ребенка, он знаменитый летчик. Очевидно, интерес к полетам сын унаследовал от отца. Мальчик тут же потребовал вознаграждение. „Это я должен получить награду, — сказал он, — а вовсе не Филле и Рулле или еще какой-нибудь вориш-

ка“. Он пожелал, чтобы всю сумму ему выдали пятиэровыми монетами. „Ведь только пятиэровики и есть настоящие деньги“, — заявил он. Он удалился от нас с карманами, битком набитыми пятиэровыми монетами. Остальное он скоро заберет, когда придет к нам с тележкой. „И не вздумайте куда-нибудь подевать мои деньги, — пригрозил он, — а не то явится скрагга и заберет вас“. Мы познакомились с занятным индивидуумом, хотя и не все поняли из того, что он нам сказал „Запомните, — добавил он на прощание, — что вы заплатили мне всего лишь за один большой палец на ноге“».

С этими словами он вылетел в окно и умчался в направлении Васастана.

Как ни странно, мальчик не носит фамилии своего отца — Плунт. Поэтому он и отказался нам ее сообщить. Он также запретил нам публиковать в газете его имя. «Малыш этого не хочет», — сказал он. По-видимому, малыш — это его младший братишка, которого он очень любит. Стало быть, мы не имеем права называть его имя. Намекнем лишь, что начало его «Карл», а окончание —

«сон». Ведь если человек не хочет, чтобы его имя упоминали в газете, то он имеет на это право.

Поэтому мы и называем этого мальчика просто «мальчик», а не «Карлссоном», как его зовут на самом деле.

— По-видимому, Малыш — его младший братишка, — пробормотал Малыш и снова всхлипнул. Потом он подошел к сигнальному проводу и со злостью дернул его. Сигнал означал: «Иди сюда!»

И Карлссон явился. С жужжанием он влетел в окно, возбужденный и веселый, как шмель.

— А что, в газетах сегодня не пишут ничего особенного? — лукаво спросил он и вырыл персиковую косточку. — Если в самом деле есть что-то стоящее, прочитай мне!

— И не стыдно тебе!? — воскликнул Малыш. — Неужели ты не понимаешь, что все испортил? Теперь нас с тобой никогда не оставят в покое.

— А кто, по-твоему, хочет, чтобы его оставили в покое? — спросил Карлссон, вытирая свои запачканные в земле руки о пижаму Малыша. — Все должно быть хейсан-хоппсан-хоп-ля-ля! Иначе я не играю, сам знаешь. Ну, давай читай!

И Малыш стал читать, а Карлссон тем временем летал взад-вперед перед зеркалом и любовался

собой. Малыш пропустил слова «невероятно толстый» и все, что могло огорчить Карлссона, но остальное прочитал от начала до конца, и Карлссон прямо-таки раздулся от восторга.

— С занятным индивидуумом, то есть со мной! Да, чистую правду написали в этой газете.

— «По-видимому, Малыш — это его младший братишка, которого он очень любит», — прочитал Малыш и робко взглянул на Карлссона. — Что, это тоже правда?

Карлссон остановился на секунду, чтобы подумать.

— Да, как ни странно, — словно бы нехотя признался он. — Подумать только, что можно любить такого маленького глупого мальчишку! Это могу только я по своей доброте, ведь я самый добрый и хороший… ну, читай дальше!

Но Малыш не мог читать, в горле у него стоял комок. Подумать только, Карлссон на самом деле любил его! Тогда все остальное неважно, пусть будет как будет!

— Ведь правда здорово, что я велел этим газетчикам не писать, как меня зовут? — спросил он. — Это ради тебя я действую тайно, ужасно тайно.

Потом он схватил газету и стал любоваться

фотографиями.

— До чего же я красивый, с ума сойти можно, — сказал он. — И в меру упитанный, просто даже не верится, погляди сам!

Он сунул газету под нос Малышу, потом снова потянул ее к себе и с чувством поцеловал снимок, на котором он показывал стартовую кнопку.

— Ха, мне просто хочется кричать «Ура!», когда я смотрю на свое фото.

Но Малыш вырвал газету у него из рук.

— Ни фрёкен Бокк, ни дядя Юлиус не должны видеть эту газету, — сказал он. — Ни за что на свете!

Он запрятал газету подальше в свой ящик. Минуту спустя дядя Юлиус сунул нос в комнату Малыша и спросил:

— Газета у тебя, Малыш?

Малыш покачал головой:

— Нет, не у меня!

— Ведь она была *не у тебя*, а в ящике стола, — объяснил позднее Карлссон.

Впрочем, дядя Юлиус, судя по всему, не очень-то жаждал читать газету. Видно, мысли у него были о другом, о чем-то более приятном. Потому что вид был у него необычно веселый. И к тому же он спешил на прием к доктору. В последний

раз. Через несколько часов дядя Юлиус собирался ехать домой в Вестерйётланд.

Фрёкен Бокк помогла ему надеть пальто. Малыш и Карлссон слышали, как она наставляла его. Мол, нужно хорошенько застегнуться, беречь горло, остерегаться машин на улице и не курить так рано утром.

— Что это с Домокозлючкой? — удивился Карлссон. — Никак, она решила, что он ее муж?

Да уж, этот день был на самом деле полон неожиданностей

Стоило дяде Юлиусу уйти, как фрёкен Бокк бросилась к телефону кому-то звонить. И так как она говорила громко, Карлссон и Малыш слышали каждое ее слово.

— Алло! Это ты, Фрида? — выпалила она. — Как ты себя чувствуешь? Нос у тебя цел?.. Хм, ты так считаешь? Ну, о моем носе ты можешь больше не беспокоиться, потому что я вместе с ним собираюсь перебраться в Вестерйётланд, да, я переезжаю туда… Нет, вовсе не в качестве домоправительницы… Я выхожу замуж, хоть я и некрасива. Что ты на это скажешь? Да, конечно, сообщу, за господина Юлиуса Янссона, именно за него… вот так-то. И считай, что ты, дорогая Фрида, говоришь сейчас уже с фру Янссон. Я вижу, ты

растрогана, я слышу, ты плачешь, ну-ну, Фрида, не вой, найдешь себе нового карманника и грабителя, не сомневаюсь… Ну, мне некогда больше с тобой болтать, мой жених может прийти с минуты на минуту… Остальное узнаешь после, дорогая…

Карлссон уставился на Малыша, вытаращив глаза.

— Неужели для таких чокнутых нет хорошего горького лекарства? — воскликнул он. — Ведь если есть, то нам нужно немедленно дать дяде Юлиусу большую дозу!

Но Малыш про такое лекарство не слышал. Карлссон сочувственно вздохнул и, когда дядя Юлиус вернулся домой, тихонько подошел к нему и сунул ему в руку пятиэровую монетку.

— Это еще зачем?

— Купи себе что-нибудь в утешение, — мрачно ответил Карлссон. — Это тебе сейчас ох как понадобится!

Дядя Юлиус поблагодарил его, но заявил, что он так весел и счастлив, что никакие пятиэровики в утешение ему не нужны.

— Хотя я понимаю, вы, мальчики, огорчитесь, когда узнаете, что я забираю у вас тетю Хильдур.

— Тетю Хильдур? — удивился Карлссон. — А

кто это такая, елки-моталки?

И когда Малыш объяснил ему, о ком идет речь, он долго хохотал.

Но дядя Юлиус продолжал болтать о том, как он счастлив. Он повторял, что никогда не забудет эти счастливые дни. И прежде всего то, что ему открылся здесь удивительный сказочный мир. Разумеется, иногда ему становилось страшно, например когда за окном летали ведьмы, он этого не отрицает, и все же…

— Вовсе не ведьмы, — перебил его Карлссон, — а скрагги, дикие, опасные, страшенные!

Во всяком случае, по словам дяди Юлиуса, он жил в том же самом мире, что и его предки, и там ему было хорошо. Хотя лучшее из того, что эти дни подарили ему, разумеется, сказочная принцесса по имени Хильдур. Теперь у него будет собственная принцесса, и скоро состоится свадьба!

— Сказочная принцесса по имени Хильдур! — повторил Карлссон с сияющими от восторга глазами.

Он долго смеялся, потом посмотрел на дядю Юлиуса, покачал головой и снова захохотал.

А фрёкен Бокк хлопотала на кухне, такая веселая, какой Малыш еще никогда ее не видел.

— Мне тоже нравятся ведьмы, — сказала она, — ведь если бы эта чертовка не пролетела вчера вечером мимо окна, Юлиус не бросился бы мне на шею и ничего бы не случилось.

Карлссон от возмущения прямо-таки подпрыгнул.

— Хорошенькое дельце, — начал было он сердито, но тут же пожал плечами и добавил: — Впрочем, это дело житейское! Хотя я не думаю, что скрагги будут теперь летать над Васастаном.

При мысли о свадьбе у фрёкен Бокк становилось все радостнее на душе.

— А ты, Малыш, будешь нести на свадьбе шлейф моего платья, — сказала она и похлопала его по щеке. — Я сошью тебе черный бархатный костюм. Подумай только, какой ты в нем будешь хорошенький!

Малыш вздрогнул. Черный бархатный костюм! Кристер и Гунилла умрут от смеха!

Но Карлссон не смеялся, он разозлился.

— Если я не буду на свадьбе нести шлейф ее платья, то я не играю, — заявил он. — Я тоже хочу черный бархатный костюм, хочу тоже быть хорошеньким, а не то я не играю!

Теперь пришла очередь фрёкен Бокк смеяться:

— Веселая была бы свадьба, если бы тебя пусти-

ли в церковь!

— Я тоже так считаю! — обрадовался Карлссон. — Я в черном бархатном костюме стоял бы позади тебя и махал ушами, и время от времени давал салют. Ведь на свадьбе полагается давать салют.

Дядя Юлиус был счастлив и хотел, чтобы все радовались. Он сказал, что пусть и Карлссон будет на свадьбе. Но фрёкен Бокк заявила, что если Карлссон понесет шлейф ее свадебного платья, то она предпочитает не выходить замуж.

Наконец наступил вечер. Малыш сидел на крылечке у Карлссона и смотрел, как сгущаются сумерки, как зажигаются огни во всем Васастане и во всем Стокгольме, куда ни глянь.

Да, наступил вечер, Малыш сидел рядом с Карлссоном, и это было прекрасно. Где-то далеко в Вестерйётланде на маленькой станции притормозил поезд, и дядя Юлиус вышел из вагона. А где-то в Балтийском море качался на волнах по пути в Стокгольм теплоход, на борту которого плыли мама и папа. Фрёкен Бокк ушла на Фрейгатан подбодрить Фриду. Бимбо улегся на ночь в свою корзинку. А высоко на крыше сидел Малыш рядом со своим лучшим другом. Они ели свежие, только что испеченные фрёкен Бокк булочки,

вынимая их из большого мешочка, и чувствовали себя отлично. И все же Малышу было тревожно. Да, нелегко быть лучшим другом Карлссона.

— Я пытался охранять тебя как мог, но теперь просто не знаю, что делать.

Карлссон взял из мешочка еще одну булочку и проглотил ее целиком.

— Ну и дурашка же ты! Ведь теперь они не могут продать меня газете и получить кучу пятиэровых монет, я им перекрыл кислород, так что у Филле, Рулле и всей этой компании пропала охота меня ловить. Ясно тебе?

Малыш тоже взял булочку и с задумчивым видом откусил кусочек.

— Нет, сам ты дурашка. Теперь в Васастан повалит народ. Толпы дураков захотят поглядеть, как ты летаешь, может, даже попытаются украсть твой моторчик и еще что-нибудь.

Карлссон ухмыльнулся:

— Неужели ты в самом деле так считаешь? Подумать только, если ты прав, то мы, пожалуй, сможем неплохо повеселиться вечерком.

— Скажешь тоже, повеселиться вечерком! — с досадой воскликнул Малыш. — Да у нас — ни у тебя, ни у меня — не будет ни одной спокойной минутки, не понимаешь ты, что ли?

Карлссон ухмыльнулся еще шире:

— В самом деле? Будем надеяться, что ты прав.

Малыш не на шутку рассердился.

— Да? — возмутился Малыш. — А что будет с тобой, если сюда заявятся толпы людей?

Карлссон склонил голову набок и хитро глянул на Малыша исподлобья:

— Ты ведь сам знаешь, есть три способа: ретировать, фигурить и филюрить. И я думаю все три использовать.

Вид у Карлссона был при этом такой лукавый, что Малыш невольно улыбнулся. Сначала он только хмыкнул, совсем тихонько, один раз, но потом не сдержался и залился смехом, к великому удовольствию Карлссона.

— Ха-ха! — воскликнул он и толкнул Малыша так, что тот чуть не свалился с лестницы и начал безудержно хохотать — ведь самое веселое и забавное только теперь и начнется!

А Карлссон сидел на лесенке и любовался грязными большими пальцами, которые торчали из его грязных носков.

— Нет, их я не продам, — заявил он. — Даже не уговаривай меня, Малыш! Нет, эти пальцы принадлежат первому в мире богачу, теперь они не продаются.

Он сунул руку в карман и радостно побренчал монетами.

— Ха-ха. Богатый, красивый, весь такой умный и в меру упитанный мужчина в цвете лет — это я и есть. Лучший в мире Карлссон во всех отношениях. Ясно тебе, Малыш?

— Ясно, — ответил Малыш.

Но в карманах у Карлссона нашлось кое-что другое, кроме пятиэровых монеток. Там еще нашелся маленький револьвер. И не успел Малыш помешать Карлссону, как раздался револьверный выстрел, и его эхо прокатилось по всему Васастану.

«Началось!» — подумал Малыш, увидев, как в соседних домах распахнулись окна, и услышав взволнованные голоса.

Но Карлссон затянул песенку, в такт шевеля грязными большими пальцами, торчащими из носков:

Буду веселиться я с раннего утра,
буссе-биссе-бассе-биссе-бум-фаллера.
От моих проказ пойдет по дому шум,
буссе-биссе-бассе-биссе-бум.
Хейсан-хоппсан, хейсан-хоппсан, весело жить,

все вокруг должны меня любить.
Весело живу я, ой-ой-ой,
ты со мною вместе песню пой:
буссе-биссе-бассе-биссе-бой.